АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

О МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОМ ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ТАШКЕНТ—1951

Васильев

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

О МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОМ ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Стенографический отчет расширенного заседания отделения гуманитарных наук Академии Наук Узбекской ССР 21—27 апреля 1949 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН УзССР
ТАШКЕНТ—1951

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
58	7 снизу	بزدەغرو و اوصور	بزدەعزل و اوصول
123	6 сверху	а как их можно назвать?) Пока трудно сказать как	а как их можно назвать?) **Ширвани.** Пока трудно сказать как
179	9 сверху	человек пришел	человек не пришел
»	11 снизу	во втором тысячелетии	в первом тысячелетии

21—27 апреля 1949 г. состоялось расширенное заседание Отделения гуманитарных наук Академии Наук Узбекской ССР. В работе заседания приняли участие действительные члены и члены-корреспонденты АН УзССР, широкая научная общественность столицы, профессора и преподаватели вузов, студенты и др.

Всего в работе заседания участвовало до 400 человек.

Участники заседания заслушали доклады: директора Института восточных рукописей Академии Наук УзССР доктора философских наук В. Ю. Захидова — «Борьба за марксистско-ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана»; директора Института истории и археологии кандидата исторических наук Р. Н. Набиева — «Против пантюркизма, панираниэма и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии»; кандидата исторических наук Г. Л. Бондаревского — «Реакционные расистские теории в странах зарубежного Востока на службе американского империализма».

В прениях по докладам выступили: проф. Л. В. Ошанин, проф. А. А. Семенов, кандидат филологических наук М. А. Салье, Г. Джалялов — научный сотрудник Ташкентской обсерватории, кандидат филологических наук Т. С. Салимов, кандидат филологических наук Х. Х. Хамидов, кандидат исторических наук В. А. Шишкин, Юсуф-Зия Ширвани — преподаватель, проф. И. И. Умняков, писатель А. Станишевский, действительный член АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязов, Алтмышбаев (Киргизия), проф. Л. И. Климович.

С речью выступил секретарь ЦК КП(б)Уз по пропаганде тов. М. Г. Вахабов.

После окончания прений докладчики В. Ю. Захидов, Р. Н. Набиев и Г. Л. Бондаревский выступили с заключительными словами.

Речь при закрытии расширенного заседания Отделения гуманитарных наук АН УзССР, посвященного вопросам марксистско-ленинского освещения истории и истории культуры народов Узбекистана, произнес действительный член АН УзССР И. К. Додонов.

Вечернее заседание 21 апреля 1949 г.

Вступительное слово действительного члена Академии Наук УзССР **М. Айбека.**

Товарищи! Под руководством великой партии Ленина — Сталина народы нашей страны достигли колоссальных успехов во всех областях экономики и культуры и одерживают все новые и новые победы в строительстве коммунизма. Страна социализма идет во главе всех подлинно прогрессивных, подлинно демократических сил мира. Советская наука, вооруженная самой передовой теорией марксизма-ленинизма, этим острейшим оружием познания и изменения мира, наука народная, революционная, воинствующая достигла огромных успехов и дала нам замечательные труды во всех областях знания.

Величайшие достижения нашей социалистической родины, этого оплота истины, разума и прогресса, вызывают бешеную ненависть в буржуазных правящих кругах Англии, Америки и их сателлитов. Империалисты, реакционеры, поджигатели новой войны стремятся хотя бы на время отсрочить свою гибель и ведут грязную подрывную работу там, где для этого есть малейшая возможность, злобствуют на страну социализма. В настоящее время особенно важное значение имеет борьба в области идеологии. Мы, советские люди, с особой бдительностью должны охранять чистоту нашей идеологии. Советские ученые обязаны стоять на передовых позициях наступления и на наглые происки врагов на идеологическом

фронте ответить двойным-тройным ударом, острым оружием марксизма-ленинизма разорвать в клочья идеологию умирающего капитализма и реакционеров всех мастей, космополитов, пантюркистов, панисламистов, панираністов, этих подлых агентов англо-американского империализма. В Узбекистане после Великой Октябрьской революции пышно расцвели наука и социалистическая культура. Ученые Узбекистана создали немало прекрасных трудов по разным отраслям науки и знания, но для дальнейшего движения вперед, для поднятия боеспособности нашей науки мы должны расчистить пути от всего реакционного, от всего враждебного и вредного.

Мы должны до конца разгромить реакционную идеологию космополитов, пантюркистов, панисламистов, панираністов, которые извращают историю народов Востока, отрицают самобытность истории Узбекистана и Средней Азии. Еще не разоблачено до конца влияние этой враждебной идеологии в освещении вопросов истории, литературы, фольклора, искусства народов Узбекистана и Средней Азии. Некоторые историки-востоковеды, литературоведы, фольклористы в своих «ученых» трудах до сих пор проводят чуждые марксизму-ленинизму идеи и взгляды. Одни из них доходят до отрицания творческих сил и способностей народов Узбекистана и Средней Азии. С точки зрения этих мракобесов, безродных космополитов выходит, что к созданию культурных ценностей были способны только арабы и иранцы. Гениальных среднеазиатских философов, ученых, величайших мастеров художественного слова, замечательных архитекторов, музыкантов, художников, каллиграфов, своим бессмертным творчеством обогативших сокровищницу мировой культуры, объявляют представителями арабской и иранской культуры. В лучшем случае они утверждают, что представители науки и искусства Узбекистана и Средней Азии только подражали арабским и иранским образцам.

Во всех памятниках культуры народов Средней Азии и Узбекистана безродные космополиты стараются видеть в первую очередь творения арабов и иранцев. К сожалению, до сих пор имеются люди, ищущие в каждой строке узбекского поэта-классика прямое влияние какого-нибудь иранского, арабского стихотворца. Есть фольклористы, которые замечательные достояния узбекского народа готовы отдать иранцам, арабам, грекам и т. д. В некоторых трудах, посвященных той или иной эпохе, и в ряде художественных произ-

ведений на темы прошлого мы находим примеры идеализации феодального прошлого. Нередко литературоведы подходят к литературной жизни той или иной эпохи не марксистски, не видят классовой борьбы, различия между дворцовой поэзией и поэзией демократического направления. Периодизацию литературного развития определяют не по реальным социально-политическим и экономическим отношениям, а по времени царствования всяких царей, эмиров и ханов и т. д.

Кроме того, в истории и истории культуры народов Средней Азии и Узбекистана еще существует немало спорных вопросов, требующих своего разрешения.

Нам необходимо до конца разоблачить все чуждое, реакционное, вредное, враждебное — национализм, космополитизм, пантюркизм, панисламизм, панираністов и т. д., разоблачить ядовитую идеологию реакционеров, выкорчевать весь буржуазный хлам.

Мы должны воспитывать наш народ, нашу прекрасную молодежь, молодые научные кадры в духе коммунизма, высокого советского патриотизма, в духе непримиримости и беспощадной борьбы со всякими чуждыми марксизму-ленинизму идеологиями.

В изучение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана мы обязаны еще глубже внедрить дух партийности с тем, чтобы, твердо и постоянно руководствуясь могучим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, двигать нашу науку вперед, создавать труды и произведения, достойные великой Сталинской эпохи. **(Аплодисменты).**

Расширенное заседание Отделения гуманитарных наук Академии Наук Узбекистана, с участием представителей Москвы и республик Средней Азии, считаю открытым.

На повестке дня стоят следующие вопросы:

1. Борьба за марксистско-ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана. Докладчик — директор Института восточных рукописей Академии Наук УзССР доктор философских наук В. Ю. Захидов.

2. Против пантюркизма, панираністов и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии. Докладчик — директор Института истории и археологии Академии Наук УзССР кандидат исторических наук Р. Н. Набиев.

3. Реакционные расистские теории в странах зарубежного Востока на службе американского империализма. Докладчик — кандидат исторических наук Г. Л. Бондаревский.

Какие будут добавления и изменения к повестке дня? Нет. Повестка дня считается принятой.

Слово для доклада «Борьба за марксистско-ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана» имеет директор Института восточных рукописей Академии Наук УзССР доктор философских наук тов. Б. Ю. Захидов.

Доклад доктора философских наук В. Ю. ЗАХИДОВА

БОРЬБА ЗА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Марксизм-ленинизм, являясь самым революционным и единственно научным мировоззрением, последовательно выражает и отстаивает интересы и чаяния трудящихся всех народностей, всех национальностей. Марксизм-ленинизм решительно отвергает всякие идеи о неравноправии и неравенстве всех народностей, всех национальностей, о национальной, расовой исключительности, о превосходстве одной нации над другой; резко осуждает всяческие попытки возвысить одну народность за счет умаления достоинств и способностей другой народности. Несинаковый уровень развития экономики и культуры разных народов марксизм-ленинизм объясняет не биологическими или расовыми различиями их, а теми историческими законами общества, теми условиями производства материальной жизни, которые, существуя вне и независимо от сознания человека, определяют сознание, образ мыслей и быта людей, всю физиономию общества. Исходя из этого единственно верного научного положения, марксизм-ленинизм рассматривает прошлое и настоящее каждого народа.

Марксизм-ленинизм учит, что в классовом обществе не может быть одной общей культуры; в нем существуют, в основном, две культуры — прогрессивная и реакционная, куль-

тура угнетенных, эксплоатируемых и культура эксплоататоров, рабовладельцев, феодалов, буржуазии. Следовательно, «учение» о «едином потоке» в культуре одного или ряда народов является антинаучным, антиисторическим.

Товарищ Сталин учит, что каждая нация определяется и, следовательно, отличается от другой нации исторически сложившейся устойчивой общностью «языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Отсюда следует, что культура каждой нации, каждой народности не может не быть самобытной. Каждый народ в соответствии со своими качественными особенностями, условиями жизни, быта, производства создает свою культуру.

Это не значит, что культура каждого народа создается и развивается в абсолютной изоляции от культуры других, особенно соседних народов. Создавая свою культуру, каждый народ испытывает в известной мере влияние культур других народов, оказывая, в свою очередь, влияние на развитие культур этих народов.

«Многие, — говорит товарищ Сталин, — не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть. Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом смысле все нации — и малые, и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации»[1].

Руководствуясь этим указанием нашего вождя и учителя, мы можем правильно оценить заслуги каждого народа в истории развития культуры.

Великая Октябрьская социалистическая революция раз и навсегда освободила все народы нашей страны от всякого вида эксплоатации, экономического и политического гнета и неравноправия, от оскорблений и унижений их прошлого и настоящего, их способностей и достоинств.

Советское востоковедение, основанное на принципах марксизма-ленинизма, добилось огромных успехов всемирно-исторического значения. Беспощадно борясь против фальсификации истории и истории культуры народов Востока, советская наука впервые в мире на обширном материале правдиво показала всю созидательную энергию и способности народов Востока, положила конец лживым, антинаучным противопоставлениям Запада Востоку, опровергла расистско-фашистские «теории» о якобы расовой неполноценности народов Востока, о их якобы природном вековом застое.

[1] «Большевик», 7, 1948.

Средняя Азия была одной из колыбелей мировой цивилизации. Узбекский, таджикский и другие народы дали человечеству многих выдающихся деятелей науки, философии, литературы. Не было такой области знания, в которую они не внесли бы своего вклада, не открыли бы новой страницы.

На X съезде КП(б)Уз тов. У. Юсупов говорил:

«Мы высоко ценим и бережно храним все лучшее и прогрессивное, что было в истории узбекского народа. С чувством законной гордости мы сознаем, что узбекский народ, как и другие братские народы Советского Союза, сделал очень многое для развития человеческой культуры...».

Отрицание самобытности узбекской культуры и стремление вывести ее, прежде всего, из иранской культуры — не новое явление. Оно было развито еще в XIX и начале XX в. буржуазными востоковедами и расистами Запада. М. Белен (секретарь-переводчик французского посольства в Константинополе) в своей работе «Сведения о биографии и литературных трудах Мир-Али-Шира Неваи» (Париж, 1861), Эдуард Джон Броун в работе «Персидская литература при татарском господстве» (Кембридж, 1920), Элиас Джон Гибб в труде «История оттоманской поэзии» (т. II, Лондон, 1902), а также доктор парижского университета Пьер Кузнецов в своей книге «Борьба между цивилизациями и языками в Центральной Азии» (Париж, 1912) последовательно проводили эту «идею».

Итальянский «ученый» Фаццари в своей краткой истории математики дошел до открытого расистского утверждения о том, что наука от древних греков и римлян перешла к арабам (под которыми он понимает и другие, неарабские восточные народы); «арабы» сделались хранителями этой перенятой науки, а потом она перешла к европейцам. Таким образом, заключает итальянский расист, наука перешла от арийской расы к семитической, чтобы смогла снова вернуться к арийцам.[1]

[1] Г. Фаццари, Краткая история математики с древних времен, кончая средними веками, 1923, стр. 137.

Богатейшие культурные достижения узбекского народа, как и других советских народов, вызывают бешеную злобу империалистической буржуазии, всячески извращающей историческую действительность. Одним из проявлений империалистической реакции, колониальной политики буржуазии в таких, прежде всего, странах, как Америка и Англия, является звериный шовинизм, расизм, нашедший выражение в расовой дискриминации народов Востока, в утверждениях о их «неполноценности» в вопросах общественной жизни и культуры.

Чтобы обосновать эту политику, западные «ученые» не раз заявляли, будто народы Востока не способны научно мыслить, создать цивилизованное общество, а потому и существовать как самостоятельная политическая единица.

Широко пользуясь замечательными культурными достижениями народов Востока и, в первую очередь, народов Средней Азии, они в то же время нагло отказывали и отказывают им в способности научно мыслить, пытались и теперь пытаются свести на нет всю культуру, созданную этими народами на протяжении нескольких тысячелетий.

За рубежом, особенно в Америке и Англии — странах оплота мировой империалистической реакции, эта ложь и клевета распространяются с особой силой. Страны загнивающего капитализма, переживая глубокий кризис и крах своей колониальной политики, смертельно боятся все усиливающегося национально-освободительного движения народов зарубежного Востока и не брезгают никакими грязными средствами в своих гнусных целях.

Американские и английские империалисты не одиноки. К ним примыкают панисламисты и пантюркисты — презренные враги прогресса, торговцы интересами, свободой, честью и совестью «своих» народов и стран. Эти наймиты доллара и стерлинга, идеологи империалистической и феодальной реакции пытаются расчистить путь своим хищным хозяевам из Вашингтона и Лондона к еще большему порабощению народов Востока. Они раболепно «просят» их и помогают им установить в этих многострадальных странах «цивилизацию», т. е. другими словами, пресечь национально-освободительные движения, усилить эксплоатацию и разорение в странах, народы которых уже давно изнывают под гнетом империалистов, колонизировать другие страны.

Вся пантюркистская, панисламистская и панираністская свора вопит, что представители узбекской классической литературы были только подражателями, переводчиками произведений, прежде всего, персидских поэтов; что в сравнении с последними они не дали ничего нового; что их заслуга заключается только в том, что они на другом, т. е. на родном языке дали изложения, перевод ряда произведений персидской, арабской литературы. Об этом цинично заявлял, например, Исмаил Хикмет[1].

К такому цинизму Исмаил Хикмет, выразитель пантюркистской и панисламистской реакции, добавляет и утверждение об общей для всех арабов, персов и тюрков культуре, литературе, заявляя, что они тождественны; Хикмет пишет, что нельзя, мол, поэтому говорить об оригинальности литературы узбекского народа, в частности Навои, который отличается от персидских поэтов лишь тем, что писал свои произведения на «чагатайском» языке.

Турецкие пантюркисты не ограничиваются такого рода полным извращением истории. Они, с другой стороны, исходя из пресловутого «учения» о единой тюркской (турецкой) нации и культуре, литературе, объявляют турецким все, что было создано узбекским народом и ему принадлежит. Они хотят лишить узбекский народ всего того, чем он по праву гордится, как своим детищем. Выпущенный некоторое время назад в Турции огромный труд под названием «Турк улуглары» («Великие люди турков») **от начала до конца написан** в духе такого неприкрытого цинизма.

Разгромленные советским народом в нашей стране презренные враги народа, местные буржуазные контрреволюционные националисты, не отставая от своих зарубежных единомышленников, тоже вычеркивали из истории узбекского, таджикского, азербайджанского и других народов все ценное и прогрессивное, созданное ими.

В современном Иране тоже прилагают все усилия, чтобы, отрицая оригинальность культуры и литературы узбекского народа, выводить всю узбекскую культуру и литературу прошлого из иранской. Этим характерна, например, изданная в 1943 г. в Тегеране книга Али-Аскера-Хикмета, который широко пользуется упомянутой выше работой М. Белена, приписавшего всю узбекскую культуру XV в. Ирану.

Американские и английские империалисты, контрреволюционные панисламисты, пантюркисты и панираністы особенно клевещут на народы советской Средней Азии. Они

[1] Сборник «Навои», Баку, 1946.

никак не хотят мириться с тем, что народы Средней Азии оказались способными под руководством большевистской партии и с помощью великого русского народа совершить у себя социалистическую революцию и построить бесклассовое социалистическое общество, создать новую, невиданную в истории счастливую жизнь на основе высокой техники и самой передовой культуры. Они никак не хотят мириться с тем, что народы Средней Азии сумели превратить свои страны в маяк социализма на Востоке. Поэтому они вместе со своими американскими и европейскими хозяевами и по их прямой указке злобно клевещут на эти народы, силясь показать их, как лишенных способности научно мыслить, сводят на нет всю культуру этих народов, отрицают оригинальность всех научно-философских и художественных ценностей, созданных ими на протяжении веков, и приписывают их то османским тюркам, то персам, то арабам. Еще совсем недавно один колонизатор из английского парламента вопил, что современные узбекский и таджикский народы (не говоря уже об их прошлом) — варвары. Совершенно ясно, какую гнусную политическую цель преследуют эти реакционеры своей разнузданной клеветой.

Пантюркистские и панисламистские взгляды являются разновидностью безродного космополитизма, который служит сейчас идеологическим прикрытием англо-американского империализма. Они выражаются в утверждениях о «едином потоке», об «общемусульманской», «общетюркской», «общеиранской» литературе. Эти безродные космополиты-пантюркисты, панисламисты и другие тем самым доходят до отрицания оригинальности культуры узбекского и других народов Средней Азии, а в то же время проводят идею о «чистой литературе», о том, что литература народов Востока, в том числе узбекского народа, не знает классовой борьбы.

На X съезде КП(б) Уз тов. У. Юсупов говорил:

«Находятся еще люди из числа историков и литераторов, которые.... целиком отрицают историческое прошлое узбекского народа и его культуры, утверждая, что сюда древняя культура была принесена извне.

Для этих людей не существует культуры узбекского народа так же, как и других народов Востока, а есть будто бы одна общая тюркская литература. Верно, что язык узбекского народа имеет много общего с языками ряда других народов Востока, которые принято называть тюркскими языками. Но ведь каждому марксистскому историку ясно,

что это сходство языка не означает, что каждый из этих народов, в том числе и узбекский, не имел своего самобытного пути развития, своей культуры.

Отрицать это могут лишь безродные космополиты, лишенные чувства Родины, чувства патриотизма. Эти безродные космополиты не понимают или скорее всего не хотят понять, что по существу своему они стоят на позициях идеологии пантюркизма, глубоко враждебной марксизму-ленинизму.

Для нас вполне ясно, откуда исходят попытки распространения идей пантюркизма, кто является здесь дирижером.

Идеи пантюркизма распространяются сейчас по прямой указке английских и американских империалистов в целях еще большего порабощения народов зарубежного Востока и создания барьера против распространения среди этих народов великих идей коммунизма. Очагом современного пантюркизма является Турция, реакционные правители которой продали свою страну иностранным империалистам — поджигателям новой войны...».

Надо отметить и то, что безродные космополиты и их хозяева из Европы и за океаном своим отрицанием культуры народов нашей страны хотят лишить эти народы уверенности в своих силах и способностях, со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Видно, какую большую и серьезную опасность представляет безродный космополитизм и, следовательно, какое большое политическое значение имеет борьба против него.

Отрицание самобытности культуры народов Средней Азии, проявление буржуазного космополитизма имели место в работах отдельных дореволюционных ориенталистов и в России.

Представители русской востоковедческой науки еще и в дореволюционное время стояли неизмеримо выше французских, английских, немецких, американских буржуазных востоковедов. Как своими научными исследованиями, так и опубликованием многих образцов культуры и литературы народов Востока русские ученые двинули намного вперед востоковедение. Но, несмотря на эти огромные достижения, многие из этих востоковедов не были свободны от существенных недостатков и извращений ряда исторических фактов. Одним из крупнейших представителей востоковедения в России был акад. В. Бартольд. Он во многом добился весьма значительных успехов и опередил всех европейских буржуазных востоковедов. Но в ряде важнейших вопросов он все же

не сумел подняться выше уровня предшествовавших и современных ему буржуазных ученых.

В. Бартольд никогда не стоял на марксистско-ленинской позиции. Больше того, в одной работе, опубликованной в 1927 г., то есть за три года до своей смерти, он заявлял, что не понимает советской власти и ее целей. В работе «История изучения Востока в Европе и России» (1925) Бартольд превозносил немецкого историка Л. Ранке. Методологию этого явного расиста, ставшего впоследствии одним из вдохновителей немецкого фашизма, Бартольд выдавал за последнее слово исторической науки.

В своих работах «Из прошлого турок» (Петроград, 1917), «Мир-Али-Шир и политическая жизнь» (Ленинград, 1928) и др. Бартольд отрицает оригинальность культуры узбекского народа и почти всю ее выводит из иранской. Делает он это даже и в небольшой статье, опубликованной в «Энциклопедии Ислама», говоря: «Как и все остальные чагатайские поэты, Мир-Али-Шир и в своем диване, и в своих многочисленных произведениях является только подражателем персидских поэтов».

Это не случайная ошибка, а почти система воззрений Бартольда. К сожалению, отдельные наши востоковеды не могли правильно, критически оценить работы Бартольда и буржуазных востоковедов Запада, а продолжили их порочные взгляды в некоторых важнейших вопросах.

Для нас, советских людей, призванных вести решительную борьбу против всяческих проявлений реакционной буржуазной идеологии, совершенно неприемлемо стремление проф. Е. Э. Бертельса, например, замазать порочные взгляды Бартольда на культуру узбекского народа. Проф. Бертельс, не понимая всей серьезности вопроса, не понимая того, что речь идет о тысячелетней судьбе узбекского народа, о судьбе его культуры, созданной самим народом на протяжении ряда столетий, вместо того, чтобы разоблачить порочные взгляды Бартольда и помочь советской науке по-настоящему разобраться в подлинной сущности отступления от науки его, Бертельса, учителя, всячески стремится оградить Бартольда от суровой и справедливой критики советских людей. Проф. Бертельс в своей книге «Навои» (1948) утверждал «объективность» Бартольда, говоря: «На своей точке зрения он не настаивал, это мне известно на основании многих личных бесед с ним... Доказательством объективности В. В. Бартольда может служить и то обстоятельство, что он согласился на

помещение в этом сборнике («Мир-Али-Шир»— **В. З.**) моей работы — «Навои и Аттар»[1].

Ссылка проф. Бертельса на эти личные беседы совершенно неубедительна, так как многочисленные примеры наглядно показывают обратное, да и работа самого проф. Бертельса «Навои и Аттар» в основе своей нисколько не противоречила вкусам Бартольда, ибо Бертельс в ней искажает историческую действительность, изображая Навои как подражателя, переводчика персидского мистика Аттара, старается поэму Навои «Беседа птиц» выдать за переложение, перевод на узбекский язык поэмы Аттара «Язык птиц», с некоторыми изменениями только в отдельных деталях. В своей книге «Навои», говоря о «Беседе птиц» Навои и «Языке птиц» Аттара, Бертельс пишет: «Навои, как мы видели, не имел намерения создать оригинальное произведение. Его задачи были скромнее — он просто хотел пересказать поэму Аттара на своем родном языке. Поэтому все остальные моменты сюжета он оставил в неприкосновенности»[2]. Из этого видно, как тщетны попытки Бертельса оправдать порочные взгляды Бартольда.

Е. Э. Бертельс не раз пытался установить в некоторых отношениях оригинальность творчества Навои. Иногда кое-что ему и удавалось. Но всегда он неизменно сопоставляет, сравнивает его с Низами, Хосровом Дехлеви, Джами и др. и в лучшем случае заявляет, что Навои не был «простым подражателем», «слепым подражателем» своих предшественников — персидских и других иноязычных поэтов, а вносил в их произведения некоторые новые детали и т. д. А в результате весь ход мыслей и рассуждений проф. Бертельса приводит к тому, что очень мало остается от основного тезиса о том, что Навои был вполне оригинальным поэтом. Поэтому не случайно, что в книге «Навои. Избранные произведения», выпущенной в 1948 г. под редакцией проф. Бертельса, говорится, что при создании поэмы «Лейли и Меджнун» Навои «имел готовые очертания центральных образов поэмы» у Низами и Амира Хосрова. Проф. Бертельс часто повторяет, что Навои был подражателем, забывая общеизвестную истину о том, что ни о каком подражании у Навои и речи не может быть; можно говорить лишь о соревновании Навои со своими великими предшественниками, на что указывал и сам поэт.

[1] Е. Э. Бертельс, Навои, М.—Л., 1948; стр. 84.

[2] Там же, стр. 241.

Недоумение вызывает и такое утверждение проф. Бертельса: «Хосров и Ширин» (Низами—**В. З.**) вызвала на Востоке несметное множество подражаний. Среди них есть гениальные произведения, как, например, «Фархад и Ширин» великого узбекского поэта Алишера Навои... Но все же до уровня Низами не сумел подняться ни один из его преемников»[1]. И это утверждение лишено всякого основания. Известно, что даже современники Навои и среди них такой крупнейший поэт таджикского народа, как Джами, искренне восхищались поистине гениальной поэмой Навои, нисколько не усматривая в ней какого-то подражания или нисколько не унижая ее перед поэмами предшественников Навои. В своей статье под странным заглавием «Персидская литература в Средней Азии», опубликованной недавно (1948) в № 5 «Советского востоковедения», проф. Бертельс сводит классическую литературу народов Средней Азии, в том числе узбекского народа, к иранской литературе. Этим он не ограничивается. Все те, кто не только в Средней Азии, но и в Индии, Закавказье, вне зависимости от своей национальной принадлежности, писали на персидском (или таджикском) языке проф. Бертельсом выдаются за персидских поэтов. Круг и территорию персидской литературы проф. Бертельс определяет так: «Можно сказать, что персидская литература распространилась на четыре главных района, каждый из которых обладает своими специфическими особенностями: 1) Закавказье (Арран, Ширван, Грузия, Армения); 2) Средняя Азия (Хорезм, Бухара, прилегающие части Хорасана, Фергана, Балх, Газна); 3) Иран (Ирак персидский, Каспийское побережье, Фарс, Хамадан, Систан); 4) Индия»[2].

Как видно, данное высказывание проф. Бертельса не нуждается в комментариях. Отметим лишь, что, исходя из этого, проф. Бертельс не только отдает персидской литературе все написанные на персидском и таджикском языках произведения представителей таджикской, узбекской, азербайджанской литературы. Из персидской литературы он выводит «основные ведущие линии» для произведений, написанных на узбекском, азербайджанском языках.

Эту ведущую «всеобъемлющую» персидскую литературу проф. Бертельс рассматривает как единое целое. По его

[1] Низами Гянджеви, Хосров и Ширин, Баку, 1947, Послесловие проф. Бертельса, стр. 225.

[2] Советское востоковедение, 5, 1948, стр. 202.

мнению, «единый поток» является неотъемлемым свойством всей этой литературы. Он так и пишет: «Персидская литература, несмотря на свое многообразие, представляет собой все-таки единое целое»[1].

Итак, как явствует из всего вышеизложенного, всю литературу на огромной территории, начиная от Азербайджана и кончая Узбекистаном, объединяет, по проф. Бертельсу, одна общая ведущая линия, т. е. персидская литература, а следовательно, говорить и писать об истории узбекской, таджикской и т. д. литератур невозможно, нельзя, ибо нет отдельной ни узбекской, ни таджикской и т. д. литератур. Таков вывод проф. Бертельса: «Всякая попытка, — пишет он, — изучать литературу какой-нибудь изолированной территории (Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Ирана и т. д. — **В. З.**) отдельно совершенно неизбежно приводит к невозможности правильного понимания, вызывает создание абстрактных концепций, не отражающих истинного хода развития...

Литература Средней Азии (!—**В. З.**) и Ирана на отрезке времени с X по XV в., хотя и имеет специфические черты, но связана настолько тесно, что различия эти обычно второстепенного характера»[2].

«Попытка написать историю узбекской литературы, не учитывая персидской поэзии, имевшей распространение в Средней Азии, дала бы однобокое, кривое изображение, не позволила бы наметить основные ведущие линии»[3].

Так у проф. Бертельса вся узбекская классическая (да и не только узбекская) литература поглощается какой-то общей персидской, а различия между ними объявляются несущественными, второстепенными.

В таком же порочном, унизительном для народов Средней Азии духе написана книга проф. Бертельса «Персидская поэзия в Бухаре в X веке» (1935).

В извращенном виде преподносит нам историю и прошлую культуру узбекского, туркменского и других народов Средней Азии и проф. А. А. Семенов в своей работе «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии», выпущенной в Сталинабаде в 1945 г. под редакцией Б. Гафурова и Н. Прохорова.

Весь ход мыслей проф. Семенова неизбежно приводит к

[1] Советское востоковедение, 5, 1948, стр. 200.

[2] Там же, стр. 202.

[3] Там же, стр. 228 — подчеркнуто нами.

выводу о том, что он в освещении истории и истории культуры народов Средней Азии исходит из пресловутого паниранизма. Причем у него братский нам таджикский народ теряется, растворяется в «великом иранском племени».

А. А. Семенов, подобно Е. Э. Бертельсу, говорит о наличии какой-то единой, всеохватывающей и всепоглощающей иранской культуры, а вся прошлая культура, например таджикского народа, по его мнению, «есть лишь одна из ее деталей и, как таковая, не может быть рассмотрена вне связи с прочими частями картины» (там же). Таким образом, по проф. Семенову, не было и нет отдельного таджикского народа, как такового, а следовательно, нет и таджикской культуры. Он во всей Средней Азии, начиная с древнейших времен, везде и во всем, во всех памятниках материальной культуры ее народов видит одно и только иранское, а иногда и китайское. По его описанию, все памятники материальной культуры на современных территориях Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии, Казахстана созданы были иранцами. Иранцы, пишет проф. Семенов, являлись в прошлом носителями высокой культуры в Средней Азии: «здесь преобладала иранская культура» (там же, стр. 9, 46). Причем профессор не забывает мифической «объединяющей» миссии, «культурной» роли и ислама. Вот что пишет А. А. Семенов на странице 9 своего труда:

«Так как ислам существует в Средней Азии до наших дней, объединив, как религия, все разноплеменное население страны, то и связанных с эпохой мусульманства памятников прошлого оказалось здесь больше всего. Оседлое иранское население Средней Азии, являвшееся носителем высокой местной культуры в доисламскую эпоху, продолжало сохранять культурные традиции прошлого и во времена мусульманства. Поэтому все наиболее выдающиеся постройки этого времени были созданы иранцами». А местное население (узбеки, туркмены и т. д.) только «привлекались» иногда к такой работе. Это — в лучшем случае. А так вообще они ничего и не создали.

Предоставим слово самому профессору. Он говорит:

«Закаспийский край (Туркменская ССР), включающий ныне главную часть старой и обширной провинции Хорасана, обширный северный район средневекового Джорджана, районы предгорий Копет-дага и по рекам Теджену и Мургабу, хранит многочисленные следы иранского прошлого Средней Азии. Нигде так живо в памятниках мусульманской эпохи не

чувствуется дух старой иранской культуры, как здесь, среди этих многочисленных остатков минувшего, разбросанных по самой обширной из всех областей Средней Азии» (там же, стр. 25).

Проф. Семенов, говоря о памятниках материальной культуры, например на территории бывшего Бухарского ханства, пишет, что пределы этой территории «заключают едва ли не больше археологических памятников, чем все прочие советские среднеазиатские области. И это вполне понятно, потому что фокус истории всего края был главным образом здесь» (там же, стр. 29).

Этот «фокус истории», оказывается, по проф. Семенову, заключается, ни больше ни меньше, в наличии здесь иранской культуры, в том, что Бухара есть «древний центр иранской культуры в Средней Азии» (там же, стр. 31).

Странно и то, что А. А. Семенов в памятниках материальной культуры не только в области Бухары, но и Самарканда, Ташкента, Ферганы и т. д. не находит ничего узбекского!

Так проф. Семенов легко отдает культуру туркменского, узбекского, таджикского народов иранцам.

Что касается культуры братских нам киргизского и казахского народов, то и тут он доходит даже до того, что переход киргизов и казахов, например в Северной Киргизии, в долине Таласа, в области Джетысу (Семиречье), от кочевой жизни к оседлой, земледельческой объясняет влиянием иранцев, иранской культуры. Он прямо так и пишет, что под влиянием иранской культуры «здесь утвердилась оседлая, земледельческая жизнь, окончательно замершая в XVI веке, когда все города долины Таласа лежали в развалинах, как следствие смут в б. Джагатайском улусе и нашествия узбеков» (там же, стр. 16).

Проф. Семенов не только отрицает оригинальность, самобытность культуры узбеков, туркмен, киргизов и т. д. Он всю историю преподносит так, что всегда иранцы (которых он понимает как единое целое, не знающее классового различия) выступают лишь как создатели культуры, а узбекский, туркменский и т. п., по выражению самого профессора, «тюркские» или «турецкие» народы (которые профессор также рассматривает как нечто целое, не знающее классового различия) — только как варвары, разрушители. Говоря, например, о Хорезме, он пишет, что там преобладало иранское население, достигшее «высокого культурного уров-

ня». Затем: «Хорезм рано подвергся воздействию турецких народностей и ныне от былой иранской культуры у населения почти ничего не осталось...» (там же, стр. 41).

Нас крайне удивляет то, как могла выйти такая в корне порочная «работа» в нашей печати да и, впрочем, под редакцией тт. Б. Гафурова и Н. Прохорова.

Между прочим следует отметить, что целый ряд грубых ошибок данной работы А. А. Семенова нашел себе место и в книге тов. Гафурова «Краткая история таджикского народа», выпущенной на таджикском языке.

Я должен сказать, что мы уважаем и проф. Бертельса и проф. Семенова, ценим их заслуги, но мы вправе предъявлять им требование не оскорблять народов.

Среди некоторой части востоковедов имеет место течение, которое можно называть «традиционизмом». Оно не представляет ничего нового, а есть разновидность буржуазно-идеалистического историко-сравнительного метода.

«Традиционизм»—духовные явления, литературу отрывает от конкретной исторической обстановки, от социально-экономических основ, от классовой борьбы. Литературные явления он объясняет, прежде всего, самой литературой, последующие литературные явления — прежними, ставшими «традицией», давно прошедшими литературными явлениями. Такой подход, конечно, неизбежно приводит только и прежде всего к безродному космополитизму, к отрицанию развития и оригинальности литературы, в данном случае и узбекского народа.

Тот же самый проф. Бертельс пишет: «Хамсэ» (Низами, XII в. — **В. З.**) на века определила собой развитие поэмы на Ближнем Востоке»[1].

Таким образом выходит, что множество поэм, написанных после Низами, в совершенно других исторических обстановках, на протяжении нескольких веков, в различных частях Ближнего Востока, якобы определяется «Хамсэ» Низами XII в. Такое положение неизбежно приводит к тому, что исследователь ищет и видит у «преемников», «подражателей» только формальные новости в отличие от тех, которые служили «первоисточниками», основой для них. Так получилось, например, у того же проф. Бертельса. Он, говоря о «Хамсэ» Низами, его «подражателей» и Навои и сопоставляя их, делает вывод: Навои от них отличается тем, что

[1] Е. Э. Бертельс, Низами, 1947, стр. 282.

«ставил перед собой две задачи: доказать жизненность старого литературного жанра и подчеркнуть, что родной язык его по богатству и гибкости нисколько не уступает классическому персидскому и может служить орудием для создания таких же высокохудожественных произведений» (там же, стр. 228).

Разве можно забыть, что Навои, во-первых, создавал свою «Хамсу», исходя из новых задач, запросов и условий другой эпохи, чем эпоха Низами или Хосрова Дехлеви; во-вторых, язык для Навои был не целью, а средством, он ставил перед собой задачу прежде всего и в основном выражать в художественной форме на своем родном языке те животрепещущие социальные вопросы, которые стояли в порядке дня эпохи и волновали умы миллионов.

Надо отметить, что проф. Бертельс пытается связать не только Навои, но и почти всю классическую узбекскую литературу с персидской, арабской и другой литературой, литературными традициями, готовыми образцами. Выводить одного узбекского поэта из другого, причем, прежде всего, персидского (Хафиз и др.) является почти системой для проф. Бертельса.

В этом проф. Бертельс не одинок. Под влиянием западноевропейских востоковедов, а также Бартольда, Бертельса и др., допускали в своих работах безродно-космополитические, буржуазно-«традиционистские» извращения вопросов истории узбекской литературы и некоторые узбекские литературоведы. Например, в книге тов. Шарафутдинова «Алишер Навои», там, где речь идет о литературе XIV—XV вв., мы читаем:

«На арену истории быстро выступает развивающаяся тюркская (?! — **В. З.**) литература, появляется несколько талантливых писателей. Однако литература испытывает на себе сильное иранское влияние, сохраняя методы, художественную технику и традиции иранской литературы. Не только в области литературы, но и во всех отраслях искусства, во всей культуре — образцом служит Иран. Под воздействием иранской культуры писатели и поэты боролись за развитие древнего узбекского языка...»[1].

К сожалению, примерно такой же «традиционизм» проявился в некоторых местах недавно выпущенного II тома «Истории народов Узбекистана». На стр. 63 книги мы читаем:

[1] А. Шарафутдинов, Алишер Навои, Ташкент, 1939, стр. 12.

«Искусство народов Узбекистана в XVI в. продолжало старые традиции, сложившиеся в предшествующие столетия...»[1].

Через несколько страниц опять бросаются в глаза следующие строки: «В области просвещения, литературы и искусства Бухара в XVII в. продолжала еще жить традициями предшествующего XVI в...» (там же, стр. 93).

Спрашивается, неужели на протяжении ряда веков не создавалось ничего нового и не произошло изменений?!.

Безродному космополитизму (в том числе и пресловутому «традиционизму») повезло настолько, что он нашел в работах некоторых наших ученых свое «применение» и к вопросам узбекского фольклора, к той отрасли духовной культуры, которая создана непосредственно самим узбекским народом.

Мы имеем в виду книгу «Узбекский народный героический эпос», выпущенную в 1947 г. Авторы ее В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов отрицают самобытность не только героического эпоса, фольклора, но по существу и всей узбекской литературы; к этому их приводит порочная методология, которой они руководствуются. Они пытаются «установить» какой-то «единый поток», «общие черты», «сходные сюжетные линии», «общие корни» в фольклоре, в эпосах народов Востока, а также и Запада. Нельзя говорить о национальном, ибо его, как такового, нет, а надо «понять национальное в рамках общечеловеческого», — так советуют нам авторы.[2]

Они говорят, что «... только в рамках международных можно понять», например, «сказания о Кероглы-Гороглы» и т. д. (там же, стр. 492); чтобы исследовать и понять национальный эпос, надо расширить рамки исследования его «до пределов эпоса мирового» (там же, стр. 495). Отсюда стремление авторов оправдать и доказать необходимость применения историко-сравнительного метода Веселовского для понимания эпоса одного или нескольких народов. Они, говоря о зарождении и распространении народного эпоса, об эпическом репертуаре, о происхождении сюжетов, идейного содержания и т. д. эпоса, пишут: «Существенной предпосылкой для правильной научной постановки всех этих вопросов является широкое **сравнительное изучение, выводящее** исследователя

1 История народов Узбекистана, Ташкент, 1948, т. II, стр. 63.

2 В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 495.

национального фольклора за пределы материала узко национального» (там же, стр. 494 — подчеркнуто нами).

Авторы идут еще дальше. Они неоднократно повторяют свое излюбленное выражение о наличии какого-то почти мирового «общего источника» эпосов всех народов и доходят до невероятной путаницы и бездонного космополитизма. Мы здесь ограничимся только одним примером. Они, говоря о рассказе о Кероглы и Хасан-беке из цикла дастанов Кероглы, пишут: «Этот рассказ **представляет один из вариантов** широко распространенного в мировом эпосе сказания о поединке отца с сыном» (там же, стр. 173). Затем авторы ссылаются на Веселовского и заключают, что «сходство» отдельных сюжетных подробностей заставляет **предполагать не спонтанное, независимое «самозарождение»** сказания в различных центрах, **а скорее распространение его из единого**, хотя и очень древнего устного источника» (там же, подчеркнуто везде нами). Авторы, в основном, в таком же духе рассматривают такие выдающиеся произведения узбекского фольклора, литературы, как «Алпамыш» и «Кунтугмыш», циклы «Рустам-хана и Гор-оглы», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин» и др.

Из всего сказанного В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов делают вывод, что без сопоставления эпосов народов как Востока, так и Запада, без историко-сравнительного изучения их нельзя понять узбекского эпоса.

Такая постановка вопроса, такой космополитизм, такой историко-сравнительный метод неизбежно приведут к отрицанию самобытности, оригинальности узбекского эпоса, узбекской литературы, к пантюркизму, к панисламизму. Так и получается в рассматриваемой нами книге «Узбекский народный героический эпос».

Авторы пишут: «Очагом распространения рыцарского романа является Франция — «классическая»... страна феодальной Европы. Французские рыцарские романы в переводах и творческих изложениях распространяются затем в Англии и в Германии, в Италии и в Испании, вплоть до отдаленных славянских стран» (там же, стр. 449).

И далее: «**Аналогичным** образом развивается и «народный роман» на мусульманском Востоке, в частности у тюркоязычных народов. Роль Франции, как культурного центра и очага литературных влияний, здесь принадлежала **Персии**, создавшей в X—XV вв. блестящую классическую поэзию» (там же, стр. 450).

Так В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов отсюда, из Ирана, выводят азербайджанскую литературу и Низами, узбекскую литературу и Навои и т. д.

Немного спустя они еще более конкретно, более открыто выражают данную мысль и пишут, что персидская литература является основным первоисточником узбекской литературы. Поэтому авторы настойчиво требуют, якобы для правильного понимания узбекской литературы, — «дастанов романтических», изучения и привлечения «персидской литературы, как основного источника средневековой романтики для всех литератур мусульманского Востока» (там же, стр. 494).

Нас, советских людей, ведущих беспощадную борьбу против безродного космополитизма, контрреволюционного, феодально-империалистического панисламизма и пантюркизма, крайне удивляет, неужели авторы «Узбекского народного героического эпоса» не поняли всей вредности и антинаучности отрицания самобытности, оригинальности узбекской литературы, узбекского фольклора, а также вредности и антинаучности своих утверждений об «общей мусульманской», общей, единой «тюркской» литературе и т. д.

Отрицание оригинальности узбекской культуры и литературы и, следовательно, отрицание способности узбекского народа научно мыслить, вообще расистское и космополитическое извращение истории узбекской культуры, литературы, умаление и отрицание значения последней проводились и по другой линии.

Среди некоторых «ученых» Запада еще в XIX в. существовала мысль о том, что в истории духовной культуры, в частности литературы узбекского народа якобы нет ничего ценного, ничего положительного. С точки зрения этих горе-ученых, почти вся прошлая узбекская культура, литература пропитаны аскетизмом, квиэтизмом, религиозно-мистическим духом, неземным содержанием, вся она обращена к небу и не преследует реальных целей. Таким образом, они во всей истории узбекской культуры и литературы видели и видят только и прежде всего сплошной мрак.

Такое утверждение так или иначе приведет к явно клеветнической расистской мысли, согласно которой весь узбекский народ никогда не создавал ничего ценного в области духовной культуры, не стремился к лучшему, ничего прогрессивного и положительного не отражал в своей литературе, а довольствовался мистическим созерцанием и спячкой.

Стремление свести духовную культуру и литературу на-

родов Средней Азии, в том числе узбекского народа, к сплошной мистике, берет свое начало прежде всего в работах некоторых востоковедов Запада. Подобное стремление не случайно было присуще еще Гегелю — одному из основоположников немецкого расизма. Он, называя, например, философию народов, прежде всего так называемого мусульманского Востока, «арабской философией», писал, что она «в основном и главном совпадает со схоластической философией», что она «не составляет своеобразной ступени в ходе развития философии»; что «философские рассуждения арабов двигались лишь в рамках этих (магометанских—**В. З.**) учений»; что они «не двинули вперед философию. У них нет никакого другого принципа, кроме откровения, у них, следовательно, — только внешний принцип».[1]

Немецкий «исследователь» Форлендер в своей «Истории философии» также говорил, что мышление народов Востока «столь сильно окрашено в **религиозный** (подчеркнуто самим автором — **В. З.**) цвет и так чуждо поэтому всему нашему европейскому образу мыслей, что вряд ли стоит останавливаться на мировоззрении этих народов».[2]

В основном такого же взгляда придерживались французский востоковед Белен, английские востоковеды Броун, Гибб и др. Например, Гибб в своей работе «История оттоманской поэзии» (т. II, Лондон, 1902), говоря о литературе народов Средней Азии, об узбекской и таджикской литературе XV в., писал, что «мистицизм суфиев является душою» этой литературы. С их точки зрения, всепоглощающей темой узбекской литературы является мистическая, неземная любовь.

Точно такого же взгляда придерживаются и контрреволюционные буржуазные пантюркисты, на такой же позиции стояли местные контрреволюционные националисты, что не случайно, ибо эти лакеи империалистической, феодальной реакции, исходя из требований погибающего эксплоататорского класса и его сгнившей идеологии и с целью оправдать последнюю, стремятся видеть и в прошлом «своих» народов только мрак и мистику. Они оклеветали так всю, например, узбекскую литературу и недаром с особой яростью и ожесточением обрушились на ее гениального представителя — Навои. Нагло отрицая и попирая все лучшее и прогрессивное в творчестве Навои, они выдавали его за абсолютного мисти-

[1] Гегель, соч., т. XI, стр. 101 — 102.

[2] Карл Форлендер, Общедоступная философия, стр. 8.

ка-аскета, апологета и глашатая религиозно-мистической реакции. Исмаил Хикмет во весь голос кричал, что во всех поэтических произведениях Навои и его современников нет ничего земного, нет ничего, что было бы связано с вопросами реального мира. Все они, по утверждению этого выродка, целиком подчинены одной цели — отречься от земной жизни, от мира сего и стремиться к слиянию с возлюбленным божеством.

К сожалению, некоторые отголоски этой реакционной старой буржуазной песенки мы слышим в работах отдельных наших востоковедов-литературоведов, сознательно или несознательно не пожелавших отвязаться от влияния буржуазной идеологии (Е. Бертельс, М. Салье и др.).

Проф. Бертельс в своей рецензии на сборник «Великий узбекский поэт», вышедший к юбилею Навои в 1948 г., сравнивает Навои и Джами с Ходжа Ахраром, который жесточайшим образом эксплоатировал тысячи своих рабов, был самым богатым феодалом, представлял махрово-реакционную клику феодалов, правителей и духовенства, являлся одним из главарей реакционного мюридизма, аскетического, мистического суфизма, вел беспощадную борьбу против всякого научного познания, против всякой книжной положительной науки; он, будучи одним из главарей и вдохновителей феодально-клерикальной реакции в Средней Азии, был так или иначе одним из организаторов зверского убийства великого ученого Улугбека; он назвал коллег Улугбека по науке щенками....

Джами и Навои проф. Бертельс превращает по существу в почти единомышленников этого Ходжа Ахрара и пишет, что Ходжа Ахрар не был хуже «обычного феодального сановника того времени», Джами и Навои, которые «относились к нему с большим уважением». Отсюда становится понятным и другой вывод проф. Бертельса — о том, что Навои был врагом светского научного познания, врагом разума. Он прямо так и пишет, что, «будучи близок к Джами, он (Навои—**В. З.**) все же обычно стоял на позиции интуитивного познания и был чужд рационализма». Далее идет повествование профессора о том, что Навои был апологетом фатализма и т. д., т. е. того, что свойственно религиозно-суфийской мистике, аскетизму.

Отрицание узбекской литературы, безродный космополитизм проводились и по линии искусственного принижения

значения и достоинства представителей узбекской поэзии. Отдельные товарищи в этом иногда доходят до такой фальсификации истории, что, если поверить им и послушаться их, то надо вообще вычеркнуть из истории духовной культуры узбекского народа немало выдающихся писателей, двинувших узбекскую литературу и общественную мысль вперед.

В такой незавидной роли выступает, в частности, упомянутый проф. Бертельс. Он в своем отзыве на проект книги «История философии» (1948) прямо и без всякого стеснения пишет, что Фуркат — «очень плохой поэт», а Мукими — автор всего навсего только «неплохих лирических стихов, преимущественно любовных...».

Нас крайне смущает и удивляет, неужели проф. Бертельсу не известно, что Мукими и Фуркат в истории узбекской духовной культуры, особенно литературы конца XIX и начала XX вв. занимают особое место; что узбекский народ гордится ими; что узбекский народ и советское государство, назвав их выдающимися демократическими поэтами, присвоили их имена крупнейшим культурно-просветительным учреждениям республики; что среди широкой народной массы из всех узбекских поэтов дореволюционного прошлого Навои, Мукими, Фуркат и Машраб пользуются исключительно большой популярностью.

Узбекский народ любит своего замечательного поэта Фурката за то, что он в условиях феодально-клерикальной реакции, в условиях господства религии и фанатизма, в высокохудожественных формах призывал людей к науке, к знанию, пропагандировал передовую русскую культуру, великих русских ученых и писателей, пропагандировал любовь к России. Фуркат писал:

„О юноши, затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неоценимый свет,
Изобретениям наук нет числа.
Нам их великая Россия принесла".

Все это, наверное, о чем-то говорит!

Проф. Бертельс обрушивается и на замечательного поэта-скитальца Машраба, повешенного на эшафоте представителями феодально-клерикальной реакции.

Мы не идеализируем Машраба. Он высказывал своеобразные мистическо-суфийские мысли. Он в известный период своей деятельности проявлял себя как ревностный мусульманин. Но этим вовсе не исчерпывается вся характеристика его твор-

чества и деятельности. Он был большим мастером художественного слова и нередко высказывал такие дерзновенные мысли, которые так или иначе подрывали некоторые теоретические основы религии ислама — этого идейного оплота феодально-клерикальной реакции. Ведь он же в условиях безраздельного господства этой религии и этой реакции, говоря о величайших святынях для мусульманства — Мекке и Каабе, писал:

„Без вина и милой в Мекку
Что тащиться человеку?!
Кааба, старая лавка Ибрагима (пророка — В.З.),
Годная на слом, на что мне"!
„Я не различаю Каабу от идольского капища..."

Он порою едко высмеивает идеи ислама о загробной жизни, об аде и рае и готов был, например, весь ад «поместить в скорлупу одной фисташки». Это он, Машраб, порадовать душу одного притесненного и нуждающегося человека предпочитал тысячекратному поклонению Каабе. Это он беспощадно разоблачал и издевался над реакционными правителями и духовенством, смешивая их с грязью. Это он «сильных мира сего» призывал не притеснять народ и облегчить его крайне тяжелое положение.

Все это делает не случайным то, что Машраба, как мы отметили, казнили через повешение представители феодально-клерикальной реакции. Все это делает не случайным и то, что Машраб на протяжении длительной истории не сходит с уст огромной народной массы.

Вот на такого человека обрушивается проф. Бертельс и в своем вышеупомянутом отзыве пишет, что «Машраб с реальной действительностью ничего общего не имел»; что Машраб — «апокриф и говорить о нем в серьезной книге, конечно, нельзя»; что включить его в серьезную книгу — «все равно, что включить Еруслана Лазаревича и Бову Королевича...»

Нам не совсем известны подлинные причины такой суровости проф. Бертельса к Машрабу. Возможно, ему не понравилось столь резкое отношение Машраба к исламу и духовенству... Впрочем, отдельные высказывания проф. Бертельса о коране и исламе вообще дают нам право остановиться на этом предположении. Например, он ставит знак равенства между гуманистическим тезисом Навои и кораном. Этим самым он выдает коран за гуманистическое произведение. Это мнение профессор высказывал совсем недавно, уже в 1949 г. Примерно

такое «откровение» он сделал и в 1940 г. Он тогда, говоря о сельджукских правителях, писал буквально следующее: «Недавно лишь принятый ислам сохранял для них обаяние, они стремились воплотить в жизнь его идеалы и осуществить на практике справедливость и правосудие».

Несколько слов о нашей исторической науке. Советская историческая наука в Узбекистане, являясь детищем Великой Октябрьской социалистической революции, за короткое время своего существования добилась огромных успехов. Историки советского Узбекистана, вооруженные самой передовой в мире марксистско-ленинской методологией, совместно с учеными Москвы и Ленинграда дали ряд замечательных работ, впервые правильно освещающих историю народов Узбекистана. Правдиво показывая исключительно тяжелое дореволюционное прошлое и прекрасное настоящее узбекского народа, эти работы вызывают еще большую любовь к партии Ленина — Сталина, к вождю народов товарищу Сталину, давшим узбекскому народу счастливую жизнь. Одним из достижений последнего времени в области исторической науки является, несмотря на ряд существенных недостатков, второй том «Истории народов Узбекистана».

Наряду с колоссальными успехами в нашей исторической науке, в ней есть и немало недостатков. Вкратце укажу на некоторые из них.

Одним из основных является то, что наши историки не раскрывают или недостаточно раскрывают те объективные закономерности, социально-экономические причины, которые породили относительный застой, отставание в отдельные периоды древней истории Востока, феодальной Средней Азии.

Без раскрытия их мы не можем ни объяснить причины этого относительного отставания, которое действительно имело место, ни дать научной истории.

Этот недостаток весьма серьезен как в научном, так и в политическом отношении. Им могут воспользоваться в своих грязных целях буржуазные ученые, расисты.

Ведь чем же объясняется утверждение расистов, буржуазных ученых о якобы неспособности народов Востока научно мыслить, об их якобы природном вековом застое, об их якобы расовой прирожденной неполноценности?

Это прежде всего объясняется тремя обстоятельствами: во-первых, классовой принадлежностью этих ученых; тем, что они выполняют социальный заказ буржуазии, проводящей империалистическую колониальную политику; они стремятся оправдать мифическую «цивилизаторскую» миссию буржуазии,

которой та прикрывает свою разбойничью колониальную политику; во-вторых, совершенно порочной методологией этих ученых, т. е. идеалистическим пониманием истории, согласно которому сознание определяет общественное бытие: каковы сознание, образ мыслей, психология, склад ума людей, таковы и общество, его экономика, политический строй, культура; в-третьих, непониманием или нежеланием этих ученых понять те особенности, т. е. те объективные закономерности и специфические черты так называемого «азиатского способа производства», «восточного феодализма», а также географические условия, которыми в известной мере отличается феодальный Восток от Запада и которыми, — а не характером сознания восточного человека, — объясняются явления относительного отставания, наблюдаемые в определенные периоды истории стран Востока.

Буржуазные ученые, не понимая или не желая понять все это, сравнивают Восток с Западом и относительное отставание первого, и в том числе дореволюционной Средней Азии, от второго объясняют расистски, т. е. не социально-экономическими особенностями, законами, условиями материальной жизни, не зависящими от сознания человека и оказавшими решающее влияние на ход развития восточного общества, а тем, что народы Востока якобы принадлежат к низшей расе и потому не способны научно мыслить и т. д.

Жизнь народов советского Востока на практике полностью опровергла эти ложные, клеветнические утверждения расистов. Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции народы советского Востока под руководством партии Ленина — Сталина, советского государства, с помощью великого русского народа за короткое время достигли высочайшего экономического и культурного развития и, построив у себя социалистическое общество, оставили далеко позади все зарубежные капиталистические и феодальные страны Европы и Востока.

Особенности, специфические черты восточного общества, феодализма на Востоке, его экономической и политической жизни впервые были вскрыты классиками марксизма. Маркс и Энгельс обращали на них чрезвычайно большое внимание и подчеркивали, что без учета их нельзя понять подлинной истории Востока.

Мы здесь, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, попытаемся вкратце остановиться на некоторых из этих особенностей. Среди них первой является роль воды на Востоке, в том числе и в Средней Азии.

Маркс писал: «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ. Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия... Элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, эта элементарная необходимость повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ. Эта система искусственного удобрения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными, как например, Пальмиру, Петру, развалины Йемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана»[1].

Отсюда Маркс делает и другой вывод: «Здесь (в Азии— **В. З.**) урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды» (там же).

Маркс и Энгельс очень часто возвращаются к этому вопросу. Говоря, например, об Индии, Маркс в письме к Энгельсу пишет, что ее застойный характер объясняется двумя дополняющими друг друга обстоятельствами, а именно тем, что здесь, во-первых, общественные работы (вопросы ирригации и т. д.) — дело центрального правительства, во-вторых, наряду с тем, что существует это правительство, вся страна (государство) распадается на множество общин, на мелкие единицы, каждая из которых представляет особый

[1] К. Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 520.

замкнутый мирок, со стереотипными первобытными формами, элементами рабства и т. п. Маркс пишет: «Мне кажется, что трудно придумать более солидную основу для азиатского деспотизма и застоя»[1].

В своем докладе на X съезде КП(б)Уз тов. У. Юсупов обратил внимание наших историков на данный вопрос и подчеркнул, что, исходя из этих указаний классиков марксизма, можно дать научную историю Узбекистана.

Второй особенностью восточного общества является рабство. В Средней Азии создавались рабовладельческие государства, и в недрах рабовладельческой формации появлялись элементы феодализма, но, как отмечает проф. Лященко в своей книге, удостоенной недавно Сталинской премии, все же дальнейшее зарождение и развитие феодализма «происходило здесь не всецело на почве распада рабовладельческих отношений, как это было в античном мире. Само рабовладельческое хозяйство не получило здесь такого глубокого значения, и преобладающая часть местного населения сохраняла до окончательного закрепощения» в известном смысле «свободу и родовой быт»[2].

Некоторые элементы рабства сохранялись в Средней Азии даже до XIX в. Следовательно, феодальная формация появилась и развивалась не на базе полного вытеснения рабства, а на протяжении почти всего времени своего существования она в той или иной степени содержала в себе его элементы. Это препятствовало развитию в полной мере феодальных отношений. Применение труда рабов, не заинтересованных в производительном труде, мешало увеличению производства материальных благ. А, как нам известно, побеждает то общество, где производится больше материальных благ. Товарищ Сталин говорит: «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и наклонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая.

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 79.
[2] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. 1, стр. 82,

Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие»[1].

Третья особенность восточного общества заключается в том, что господствующая феодальная идеология — ислам,— хотя формально отрицала частную собственность, но фактически это служило интересам правителей, которых ислам объявлял тенью бога на земле, интересам феодалов и духовенства, которых тот же ислам объявлял святыми и т. д. В результате правитель, во всем действовавший рука об руку с феодалами, духовенством, становился их главой, верховным собственником и распорядителем земель. Маркс, говоря об этом, писал, что «**государь является единственным собственником всех земель** в государстве...»; что «в основе всех восточных порядков **... лежит отсутствие частной собственности на землю.** Вот настоящий ключ даже к восточному небу...»[2].

Нетрудно понять, как все это могло отрицательно отразиться на дальнейшем развитии частной собственности.

Четвертая особенность восточного феодализма заключается в том, что на протяжении нескольких столетий в Средней Азии исключительно широко применялась система «суюргал», вакфы и т. п. Длительная история говорит о том, какими огромными земельными владениями (вместе с рабами и свободными) наделялось множество чиновников, военачальников и т. п.; вакуфными объявлялись обширные территории, целые районы, селения, караван-сараи и другие. Суюргальная система в известной мере мешала созданию и укреплению централизованной государственной власти, столь важной и необходимой для развития страны, ее народного хозяйства, объединения ее экономической и политической жизни.

Пятая особенность заключается в наличии такой религии, как ислам. Ислам — одна из самых реакционных и консервативных религий. Он почти все время своего существования безраздельно господствует в области всей духовной жизни края. Мусульманское духовенство обладало огромными богатствами и политической властью. Немало было случаев, когда в политической, государственной жизни оно играло ведущую роль. Не случайно, что, не говоря уже обо всем остальном, нельзя найти во всей длительной истории Востока ни одного великого ученого, писателя, мыслителя, который так или иначе не жаловался бы на ислам и духовенство. Ислам намного задержал развитие Средней Азии.

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 20.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947; стр. 74. Подчеркнуто Марксом.

Следующая особенность заключается в том, что, хотя народы Средней Азии имели богатые государственные традиции и в истории было немало попыток создать сильное централизованное государство, несмотря на это, в Средней Азии, за некоторым исключением (отчасти государство саманидов и т. п.), отсутствовала полная, вернее достаточно централизованная государственная власть, объединяющая всю хозяйственную, политическую жизнь, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже государство Чингиз-хана, не говоря уже о чингизидах, государство Тимура и тимуридов в основном не могли претендовать на такую власть. Чингизхановская, а затем тимуровская система «туменов», не говоря уже об остальном, изнутри подрывала централизованное правление. Немало известно случаев, когда наместники Чингиз-хана и чингизидов, Тимура и тимуридов, хотя и находились формально в вассальной зависимости от верховного правителя, фактически вели себя как самостоятельные правители.

В свое время на это положение обратил внимание Маркс и именно в нем он видел одну из основных причин распада государств Чингиз-хана, Тимура и др.[1]

На протяжении нескольких столетий, за исключением отдельных случаев, отсутствие централизованной государственной власти, объединяющей всю экономическую и политическую жизнь, экономическая разобщенность, феодальная раздробленность, наличие различных, изолированных друг от друга политических и экономических единиц, а также частая смена династий и обусловленные этим почти беспрерывные военные столкновения и беспринципные междоусобицы, уносившие жизни миллионов создателей материальных ценностей и парализовавшие хозяйство края, — все это намного задерживало развитие Средней Азии.

Классики марксизма-ленинизма и на это обращали очень большое внимание. Маркс, говоря об Индии, писал: «Застойный характер этой части Азии, несмотря на все бесцельные движения, происходящие на политической поверхности, вполне объясняются двумя дополняющими друг друга обстоятельствами: 1) общественные работы — дело центрального правительства; 2) наряду с тем, что существует это правительство, все государство, если не считать немногих крупных городов, распадается на множество общин, каждая из которых имеет свою самостоятельную организацию и представляет собой особый замкнутый мирок». «Мне кажется, что трудно придумать более солидную основу для азиатского деспотизма и застоя».[1]

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. VI, 1939, стр. 169—170.

В другом месте, говоря о войнах на Востоке, Маркс писал, что «одна разорительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации»[2].

А сколько было таких войн!

Следующие слова товарища Сталина вполне применимы и к феодальному Узбекистану. Он писал, что грузины дореформенных времен, «разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии...»[3] «Ни одна страна в мире, — говорит товарищ Сталин в другом месте,—не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность утверждения своей независимости». (Из приветствия товарища Сталина по поводу 800-летия Москвы).

Ко всему вышеизложенному необходимо добавить длительной кочевой образ жизни немалой части населения, а также крайне тяжелые географические условия, поглощавшие очень много созидательного труда, с сравнительно меньшим фактическим результатом, изменение важнейших торговых путей, а также нашествие и господство арабских, монгольских завоевателей, которые намного задерживали экономическое и культурное развитие края.

Буржуазные расисты и космополиты, не учитывая или не желая учитывать все эти обстоятельства, которые не зависят от сознания человека, нагло клевещут на на-

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 77—78—79.

[2] К. Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 520.

[3] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1937, стр. 5—6.

роды Востока и Средней Азии, говоря, что они не способны научно мыслить, принадлежат к низшей расе и т. д.

Только марксистско-ленинская наука дала правильное объяснение истории Востока, в корне опровергнув все выдумки идеологов буржуазии.

Лишь исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма и учитывая отмеченные выше и другие особенности, можно дать подлинно научную, марксистскую историю Востока и Средней Азии.

Некоторая часть нашей исторической литературы страдает еще тем, что в ней есть влияние субъективной социологии. В ней зачастую дается история не самых основных создателей истории — условий материальной жизни общества, народных масс, а правителей, смен династий и т. п. Такое явление в известной степени (правда, значительно меньше, чем во многих других работах) имеет место и во втором томе «Истории народов Узбекистана».

Зачастую слабо, поверхностно проводится классовый принцип, история не показывается как история классов и классовой борьбы. В результате допускается ряд весьма серьезных ошибочных и неточных положений. Вместо того, чтобы показать, как узбекские или таджикские феодалы, военная аристократия и т. п. нападали, разрушали, занимались грабежом и разорением других народов и т. д., все это приписывают узбекам вообще, таджикам вообще. Это может создать у читателя совершенно неправильное, а зачастую и вредное представление. Вот, например, одна из таких неточностей и ошибок. На стр. 343 «Истории народного хозяйства СССР» проф. Лященко (т. I) читаем: Появление узбеков «на исторической арене ознаменовалось частыми набегами на Хорезм, приведшими к установлению в XVI веке узбекской власти в Туркестане. Почти двухсотлетнее господство узбеков дало очень мало в отношении хозяйственного возрождения страны, развития торговли, ремесла, земледелия, строительного дела и пр. Узбеки фактически и окончательно завершили раздробление Средней Азии на мелкие самостоятельные княжества, управляющиеся ставленниками ханов на основе вассальной зависимости» (подчеркнуто везде нами—В. З.). Возникает вопрос, если все это и верно, то можно ли говорить об узбеках вообще?!.

В связи с этим необходимо обратить внимание на следующие очень важные моменты. Я имею в виду вопрос об этногенезе узбекского народа, о том — является ли узбекский народ пришельцем в Среднюю Азию, о том — правильно ли

поступают некоторые историки, когда они называют узбекский народ тюркским народом.

К сожалению, такой важнейший вопрос, как вопрос об этногенезе узбекского народа, достаточно все еще не решен, что создает невероятную путаницу во многих других вопросах истории Узбекистана и дает повод ко всяким реакционным панираністским, пантюркистским, космополитическим извращениям истории узбекского народа.

В работах отдельных наших историков еще имеет место антинаучное и политически вредное утверждение о якобы иранском прошлом Средней Азии, в том числе и Узбекистана, о том, что как сам узбекский народ, так и его предки суть пришельцы откуда-то извне. Мы должны решительно отвергнуть это как ложь и политическую авантюру. Совершенно прав был тов. У. Юсупов, когда он говорил, что узбекский народ вместе со своими предками является одним из самых древнейших и исторических сложившихся коренных народов Средней Азии.

Мы обязаны, наконец, раз и навсегда решить вопрос о том, есть ли узбекский народ тюркский народ, и что мы должны вообще понимать под термином «тюркский», употребляемым в отношении к узбекам в древней, старой литературе.

Узбекский народ сложился исторически. В его формировании принимало участие немало и других народов и племен на протяжении длительной истории. Мы должны вести беспощадную борьбу против попытки причислить узбекский народ к тюркской национальности. Слово «тюрк» не может служить термином, определяющим национальную принадлежность узбеков. Если говорить в отношении языка, то узбеков можно причислить к тюркоязычной группе. Но так как в определении нации, как учит товарищ Сталин, одной языковой общности недостаточно, а есть еще и другие важные факторы, то, следовательно, узбекскую нацию нельзя назвать тюркской. Сообщения же прошлых источников, где узбекский народ называют тюркским, надо понимать условно, не как цельное этническое понятие, а лишь в смысле тюркоязычного народа. Таким образом, узбекский народ сложился исторически и испокон веков является самостоятельной народностью, а не принадлежит к тюркской национальности, как то утверждают контрреволюционные пантюркисты.

Давно пора нашим историкам всесторонне разобраться в этом вопросе.

Наконец, остановлю ваше внимание еще на одном исключительно важном вопросе.

Необходимо отметить, что до сих пор в работах, посвященных истории Узбекистана, недостаточно раскрывается объективно положительное значение и последствия завоевания края русским царизмом. Недостаточно показываются экономические, политические изменения, происшедшие в Узбекистане в колониальный период. Нельзя не выразить большого сожаления и по поводу того, что очень слабо раскрывается и подчеркивается проникновение и распространение в Средней Азии, в Узбекистане передовой русской культуры в области техники, просвещения, литературы, общественной мысли и быта. Ведь известно же, какое глубокое значение имело и исключительно большую роль играло влияние и распространение культуры великого русского народа; известно, какие огромные изменения произвела эта культура в духовной, общественной жизни народов Средней Азии. Ведь не случайно же все прогрессивные представители литературы и общественной мысли колониального периода придавали ей крайне большое значение и видели в приобщении к этой культуре, в сближении с великим русским народом спасение народа от нищеты и бесправия. Ведь именно сама действительность, передовая Россия, ее революционно-демократическая мысль, борьба русского народа против царизма и капитализма дали возможность, например, Фуркату притти к выводу о том, что его родину могут спасти от разорения, как он писал, «сам народ, его железная воля, стремление к просвещению, которое следует перенимать у такой передовой страны, как Россия».

Ни на одну минуту нельзя забывать, что великие русские демократические писатели и мыслители не только в России принимали участие в подготовке народа к революции, но в известной мере и в Средней Азии — через демократических узбекских, казахских и т. д. писателей и мыслителей, которые испытывали на себе их благородное влияние.

Такой важнейший вопрос не только не нашел своего достойного отражения в нашей научной литературе, но кое-где и игнорировался. Во втором томе «Хрестоматии по истории узбекской литературы», предназначенной для вузов, даже не нашли себе места замечательные стихи Фурката, в которых он восхищался передовой русской культурой, пропагандировал ее и призывал народ к овладению ею.

***

Товарищи! Космополитическое утверждение об иранском прошлом Средней Азии, отрицание прошлого народов Средней Азии, стремление отрицать их культуру и приписать ее французам, туркам, арабам, игнорирование благородного влияния передовой России, прогрессивной культуры великого русского народа; панииранизм, пантюркизм, панисламизм, — все это представляет крайне большую политическую опасность, ибо оно на нашем языке означает ориентацию на феодальные Иран, Турцию, на страны, заправилы которых продали свою родину американским и английским империалистам, превратили их в военный плацдарм против Советского Союза.

Мы, советские люди, ясно осознав это, обязаны беспощадно бороться против этих проявлений буржуазной идеологии, против всех и всяческих происков империалистической буржуазии, готовящей для человечества новую мировую бойню.

Во имя чистоты марксистско-ленинской теории и дальнейшего развития социалистической науки, во имя дальнейшего повышения чувства законной национальной гордости народов СССР мы должны вести решительную борьбу против всяких проявлений чуждой нам идеологии.

В этом одна из самых первоочередных и важнейших наших задач.

Нет никакого сомнения в том, что мы, советские ученые и патриоты своей великой социалистической Родины, успешно разрешим эту задачу. Никто и ничто не может помешать нам и впредь быть в первых рядах борцов за чистоту марксистско-ленинской теории, в борьбе за дело коммунизма. Порукой тому — великая партия Ленина—Сталина, которая руководит нами, вдохновляет нас на новые подвиги и направляет нас к сияющим вершинам коммунизма. (Бурные аплодисменты).

М. Айбек. Слово для доклада «Против пантюркизма, панииранизма и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии» имеет директор Института истории и археологии Академии Наук УзССР кандидат исторических наук тов. Р. Н. Набиев.

Доклад кандидата исторических наук Р. Н. НАБИЕВА

ПРОТИВ ПАНТЮРКИЗМА, ПАНИРАНИЗМА И ПАНАРАБИЗМА В ОСВЕЩЕНИИ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Народы Средней Азии, в том числе узбекский народ, консолидировавшийся в нацию после победы Великой Октябрьской социалистической революции, прошли длинный исторический процесс — процесс сложения различных племен и народностей, говоривших на различных языках, имевших разное этническое происхождение, в национальные объединения.

В настоящее время ни у кого нет сомнения в том, что на территории Средней Азии человеческая жизнь существует с незапамятных времен. Более того, последние исследования советских ученых показали, что территория советской Средней Азии является одной из колыбелей человеческого общества на земном шаре.

Древние народы Средней Азии, искони жившие здесь, безусловно ассимилируя в себе на протяжении многотысячелетней истории элементы пришлых этнических групп, вошли в этногенез таджиков, туркмен, узбеков, казахов, киргизов и каракалпаков. Поэтому попытки некоторых историков считать эти древнейшие народы за предков только одного из ныне существующих народов обречены на провал.

Дореволюционная буржуазная историография и ее виднейший представитель В. В. Бартольд говорят о большом

переселении народов с востока на запад на рубеже II в. до н. э. в связи с образованием на востоке кочевой империи гуннов. Согласно концепции Бартольда, гунны оттеснили усуней, которые оттеснили за пределы Семиречья юэчжийцев; последние же в свою очередь вытесняли из пределов современного Узбекистана на юг многочисленные сакские племена[1].

Таким образом, по Бартольду, выходит, что последний удар греческому господству в Средней Азии был нанесен не народами Средней Азии, а пришлыми с востока юэчжийцами.

Проф. С. П. Толстов доказал несостоятельность этого взгляда. Юэчжи входили в состав массагетской конфедерации племен и в связи с расширением политической экспансии на запад и восток во второй половине II в. до н. э. оказались западными соседями гуннов. Известно, что в дальнейшей борьбе с гуннами юэчжи (массагеты) были отброшены обратно на запад, за Тянь-шань. Точная этническая принадлежность юэчжей, входивших в состав массагетского союза, основателей могущественного рабовладельческого Кушанского государства, наукой окончательно еще не выяснена.

Бартольд и последовавшие за ним многие историки считают их за иранские племена, однако некоторые данные говорят против этого мнения. По китайским источникам, юэчжи «в обыкновениях сходствуют с гуннами»[2]. Известно также, что кушанские правители носили титул «ябгу», что не имеет никакого отношения к иранскому языку.

Мы не имеем достаточных сведений о языке массагетских племен. Буржуазная наука видит в их лице племена ираноязычные.

Известно, что в это время существовала тохарская народность, входившая в конфедерацию массагетских племен, участвовавшая в завоевании Бактрии, и существовал «тохарский язык». Однако, как правильно указал проф. С. П. Толстов, некоторые исследователи не хотят связать «тохаристанский язык» с историческим народом под этим именем и ищут место для тохарского языка опять-таки в языке иранском[3].

Таким образом, еще до начала нашей эры на территории Средней Азии жили не только иранские племена, как это хотят «доказать» зарубежные буржуазные ученые и пред-

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 4—5.
[2] «Древние авторы о Средней Азии», под ред. Баженова, стр. 101.
[3] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 137.

ставители дореволюционной востоковедческой школы Бартольда, но и народности, не имевшие ничего общего с Ираном. Это видно даже из следующего вывода проф. С. П. Толстова, многолетние исследования которого дали ему огромный материал для уточнения вопросов этногенеза.

«Повидимому, есть основания полагать, — пишет он, — что на территории Хорезма сталкивались три обширные области древних индоевропейских племен: индоиранских, основной центр формирования которых, по всем признакам, лежал на восточных окраинах иранского нагорья, на территории нынешнего западного Афганистана, охватывая главным образом верхнее течение Аму-Дарьи; фрако-киммерийских, занимавших Приаралье и Закаспийские степи и далее на западе доходивших до бассейна Дуная, и сакских, или скифских, занимавших восточные степные и предгорные окраины Средней Азии, постепенно инфильтруясь во фрако-киммерийскую среду и ассимилируясь с нею. Во всяком случае, персидские и античные источники середины первого тысячелетия до н. э. застают массагетов Приаралья уже на стадии далеко зашедшей сакизации»[1].

Отсюда совершенно ясно, что еще в середине первого тысячелетия до н. э. на территории Хорезма жили не только иранские племена, как это до сих пор утверждали буржуазные ученые и их последователи, а и другие народности местного происхождения. Безусловно, эти народы жили в различных социально-экономических условиях, говорили на различных языках, находились на разных ступенях культурного развития. Они отличались даже своим физическим обликом и этнографическими особенностями.

В известной бехистунской надписи, среди изображений восьми представителей народов, покоренных ахеменидским царем Дарием, два были представителями народов Средней Азии, которые ярко отличались от других.

Археологические исследования и первейшие исторические сведения письменных источников (Авеста) совершенно ясно обрисовывают картины социально-экономической жизни в стране еще в первую половину первого тысячелетия до н. э. Согласно этим источникам, наряду с обществом оседлых скотоводов, разводивших крупный рогатый скот, коней, верблюдов и т. д., существовало земледелие, основанное на искусственном орошении[1].

[1] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 86.

Создание искусственного орошения, известно, требует высокой техники и организации работ, что безусловно осуществлялось многочисленными сельскими общинами под руководством сильной государственной власти.

Проф. С. П. Толстов показал, что такие государства существовали на территории Средней Азии еще в первой половине первого тысячелетия до н. э., и крупнейшим из них было Хорезмское государство — Кангха.

Определенное влияние на процесс сложения народов Средней Азии и развитие их социально-экономической и культурной жизни оказали внешние завоеватели — персы, македонцы, арабы, монголы и т. д., огнем и мечом покорившие эти страны. Однако они никогда не играли определяющей роли в той или иной области жизни.

Между тем реакционные буржуазные историки всячески старались и стараются «показать» приоритет этих завоевателей, совершенно игнорируя самостоятельные пути развития народов Средней Азии.

В результате завоеваний, трагических для жизни народов покоренных стран, иногда устанавливалась связь с более культурными народами, например с греками, что оказывало известное влияние на развитие социально-экономической и культурной жизни завоеванных стран.

В большинстве случаев завоеватели сокрушали все достижения покоренных народов во всех областях жизни на целые столетия, как это было, например, с арабами и монголами, и только после освобождения от ига иноземцев становилось возможным дальнейшее развитие общества.

Конечно, нельзя рассматривать пути развития отдельных народов Средней Азии совершенно изолированно, не связывая их с историей других среднеазиатских народов и народов соседних стран, ибо благодаря сношениям среднеазиатских государств с другими восточными странами — Китаем, Индией и Сибирью, с одной стороны, переднеазиатскими странами и Ираном, Византией, Поволжьем — с другой, народы Средней Азии были способны воспринять самое лучшее, что можно было взять от цивилизации этих стран, и творчески его переработать.

В то же время мы знаем, что в развитии общественно-

[1] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации стр. 96.

экономической и культурной жизни народов окружающих стран значительную роль играло влияние культуры народов Средней Азии. Так, китайцы научились у народов Средней Азии возделыванию винограда, люцерны, хлопчатника, искусству выделки стекла. Славилась в Китае лучшая в тогдашнем мире порода ферганских боевых коней.

Восточные народности заимствовали от согдийцев письменность. Иран получил возникавшую на территории Средней Азии зороастрийскую религию.

На грани XV—XVI вв., по выражению Бартольда, «мастер узбекского происхождения Баба-Накош первый принес искусство живописи в Турцию»[1].

Так мы, историки-марксисты, рассматриваем в историческом прошлом взаимоотношения народов Средней Азии с соседними народами, отмечая самостоятельные пути исторического развития каждого из них в отдельности.

***

Зарубежная реакционная печать, по указанию англо-американского разбойничьего империализма, ради своих империалистических целей усиленно пропагандирует давно разоблаченные марксистско-ленинской наукой идеи пантюркизма, панираниэма, панарабизма, безродного космополитизма, пытаясь утверждать приоритет окружающих советскую Среднюю Азию стран в истории общественно-экономической и культурной жизни Средней Азии. Тем самым она игнорирует самостоятельное историческое развитие богатой культуры, искусства, лутературы и государственности этих народов.

Необходимо отметить, что в советской историографии некоторыми представителями исторической науки допускались и допускаются враждебные марксизму-ленинизму взгляды. В сознании этих людей все еще бытует влияние дореволюционной буржуазной школы Бартольда. Конечно, мы не отрицаем заслуг этого крупного ученого в дореволюционном востоковедении, ибо во главе с Бартольдом востоковедческая наука в России стояла намного выше зарубежной. Однако это отнюдь не препятствует нам разоблачать неправильные концепции Бартольда и его последователей.

Известно, что Бартольд был сторонником панирапизма. В его работах красной нитью проходит панираписткая концепция, исходя из которой он пытается по мере возможности показать «преимущество» Ирана и его влияние на социально-политическую и культурную жизнь народов Средней Азии.

Прежде всего он считал, что до периода господства тюркского каганата на территории Средней Азии вплоть до Тяньшаня жили исключительно иранские племена, часть которых в последующие века была отуречена по языку. Вопрос аутохтонности этих народов для Бартольда был спорным[1]. Советская археология убедительно показала, что на территории Средней Азии существовал ранний первобытный человек неандертальского типа (Тешик-таш) и даже синантроп (Аман-кутан), принадлежавший, по мнению некоторых специалистов, к поздней стадии низшей ступени дикости (по периодизации Энгельса). Это дает нам право с полным основанием говорить, что на территории Средней Азии человек возник и прошел дальнейший процесс формирования.

Если так, неверна концепция антропологов, по которой первоначальное население делится на две крупные расы: европеоидную, с центром на юго-западе, и монголоидную, с центром на северо-востоке от Средней Азии. Определение антропологами двух центров этих двух первоначальных рас неизбежно приводит их к неправильному толкованию о продвижении людей, принадлежавших к этим расам, из двух центров.

Что касается территории Средней Азии, то, по их мнению, она находилась на стыке этих двух расовых центров. Некоторые народы Средней Азии, например народы Междуречья, называются аутохтонными только в связи с определением их как расы второго порядка, хронологически последующей первоначальным двум крупным расам. В таком случае спрашивается, куда отнести достижения советской археологии, вскрывшей неандертальца и синантропа? Эти стадии развития человека должны предшествовать делению на расы. Я должен отметить, что вышеприведенной концепции придерживается и проф. Л. В. Ошанин.

Взгляды Бартольда о принадлежности народов Средней Азии до VI —VII вв. к иранцам разделяют и некоторые другие историки. Они, подведя под одно название народы Средней Азии и теперешнего Ирана, утверждают без какого-нибудь научного доказательства, что иранцы перво-

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 51.

[1] В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, Вестник, 1896, стр. 20.

начально жили здесь, в Средней Азии, а потом переселились на территорию теперешнего Ирана.

Например, в «Истории таджикского народа в кратком изложении» (т. I, Сталинабад, 1947) мы читаем: «Древний народ, населявший персидскую страну, а также население, распространенное в других местах теперешнего Ирана, был в основном из тех иранских племен и родов, которые (первоначально; Р. Н.) жили в Средней Азии, а потом передвигались в ту сторону».[1]

На стр. 25 подтверждается: «Народы Средней Азии... сами были из числа западноиранских племен и родов, населяющих иранскую землю...».

Таким образом, по мнению некоторых историков, в древнем периоде, вплоть до раннего средневековья, существовала единая страна, единая земля Ирана, она только разделялась на западную и восточную части, в которых жил единый иранский народ.

Совершенно неизвестно, какое доказательство этого имеют они? Действительно, мы знаем, по сведениям древних авторов, о продвижении сакских племен на юг, в район Сеистана. Но, во-первых, саки не поселились на всей территории Ирана, включая Фарс, во-вторых, принадлежность саков к иранским народностям в исторической науке еще не доказана.

Известно, что детально изучивший китайские документы о народах Средней Азии монах Иакинф Бичурин, на основании этих сведений, пришел, еще в начале XIX века, к следующему заключению: «Из всех известий (т. е. китайских), несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии, от Восточного океана на западе до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну, вели тот же самый образ жизни, который ведут потомки по прошествии двух тысяч лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут с небольшим изменением в пространстве»[2].

Монах Иакинф мог, конечно, ошибаться, говоря о процессе изменения образа жизни, но, однако, его мнение о том, что предки теперешних народов Средней Азии искони жили на протяжении двух тысяч лет на этой территории с небольшим изменением в пространстве, безусловно заслуживает внимания.

[1] История таджикского народа в кратком изложении, на таджикском языке, т. I, Сталинабад, 1947, стр. 20.

[2] Иакинф Бичурин, Собрание сведений о народах Средней Азии, стр. VII.

Бартольд игнорирует наличие у народов Средней Азии культурных традиций вплоть до раннего средневековья: по его мнению, все сни перенимали эти традиции у сасанидской Персии. Таджикский литературный язык, получивший свое развитие в X в. при саманидах и основанный главным образом на древнесогдийском и других языках народов Средней Азии, Бартольд считает заимствованным из Ирана, считая Персию страной более грамотной; он даже пишет, что название низшей школы «дабаристан» было перенято у Персии, и тем самым хочет сказать, что образование народы Средней Азии получили из Персии.

Бартольд пишет: «С запада на восток, кроме распространения ислама, шло распространение персидского литературного языка и вообще традиций сасанидской Персии... В области образования мы еще долгое время видим в Персии и Туркестане один и тот же персидский термин для обозначения низшей школы, школы грамотности — дабаристан; очень вероятно, что этот термин, заимствованный мусульманским Ираном от зороастрийского, был перенесен в Туркестан из Персии, где письменность и грамотность, по всей вероятности, были более распространены»[1].

Мы не склонны отрицать древнюю культуру иранского народа. Но, с другой стороны, мне кажется, нет необходимости доказывать наличие определенной высокой культурной и государственной традиции у народов Средней Азии накануне арабского завоевания. Советские ученые (Толстов, Якубовский, Шишкин и др.) более чем убедительно доказали это, о чем мы будем говорить ниже.

Известно, что накануне арабского завоевания народы Средней Азии имели широко распространенную письменность, представители высших слоев общества давали детям образование, учили их торговому делу.

Достаточно привести сведения посла китайского императора Ян-Цзы (605—617 гг.) Вэй-Цзе о жителях Самаркандской области, который в своем отчете пишет:

«Жители все искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу»[2].

Через несколько лет после Вэй-Цзе, в 630 г., по городам Средней Азии путешествовал другой китаец — Сюянь-Цзянь,

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 49.

[2] Там же, стр. 18.

который говорил, что жители Самарканда «относительно правил нравственности и приличия служили образцом для соседей»[1].

Стоит ли после цитирования сведений этих очевидцев, приведенных в трудах самого Бартольда, говорить еще о преимуществе сасанидской Персии в развитии культуры народов Средней Азии.

Бартольд одной из решающих причин разгрома культурных традиций эпохи Улугбека считает отсутствие политического единства Туркестана с Персией. «После 1469 г., — пишет он, — Туркестан больше не объединялся с областями Персии под управлением одних и тех же князей, что повело к еще большему упадку культуры»[2].

Прав ли Бартольд в этом вопросе? Конечно, нет. Во-первых, государство при Улугбеке еще до того, т. е. в первой половине XV в., хотя номинально и подчинялось государству Шахруха, фактически существовало самостоятельно. Даже два крупных похода Улугбека были совершены им без ведома Шахруха. Следовательно, полного объединения до этого еще не было.

Во-вторых, никто не может отрицать, что при Улугбеке, благодаря его покровительству, средневековая культура в Туркестане стояла намного выше, чем в Персии.

В-третьих, если после 1469 г. политического объединения Туркестана с Хорасаном и не существовало, Туркестан все же продолжал поддерживать экономические связи не только с Персией, но и с Малой Азией, Китаем и т. д.

Поэтому главные причины разгрома культурных традиций Самарканда во второй половине XV в., особенно после 1469 г., не в том, что Туркестан не был объединен с Персией, а во внутренней жизни страны, в раздробленности, междоусобных войнах, усилении реакционного суфийского ордена накшбендиев во главе с крупнейшим реакционером Ходжа Ахраром.

По следам Бартольда идут и некоторые советские ученые. Ссылаясь якобы на китайские источники, они говорят, что «начиная от китайской границы до берегов Каспийского моря, народы Средней Азии друг другу близки и единоязычны»[3].

На самом же деле в источнике сказано:

1 В. В. Бартольд, история культурной жизни Туркестана, стр. 19.
2 Там же, стр. 95.
3 История таджикского народа в кратком изложении, на таджикском языке, стр. 65.

«От Давани (Фергана) на запад до государства Аньси, хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен; в разговорах понимают друг друга»[1]. Из слов «друг друга понимают» не следовало бы делать столь смелый вывод о единоязычии, ибо даже и сейчас казахи, киргизы, узбеки, туркмены, каракалпаки, консолидировавшись каждые в особую нацию, понимают друг друга.

Автор «Истории таджикского народа в кратком изложении», говоря о развитии товарообмена между кочевниками и оседлым населением в период господства эфталитов, подчеркивает, что в Бактрии и Согде появление очагов культуры и распространение ее на отдельные соседние страны как при кушанах, так и при эфталитах, стали возможными лишь в условиях интенсивного развития обмена между древним таджикским населением земледельческих оазисов и «единокровными с таджиками» иранскими кочевыми племенами[2].

Конечно, в развитии исторического процесса в целом, культуры в частности, играли роль и другие причины. Однако в данном случае речь идет не об этом, а о том, почему именно отношения только между единокровниками могут привести в различные периоды к развитию цивилизации?

Известно, что Кушанское государство и государство эфталитов были обширными, в них жили различные племена, роды и племенные союзы. В масштабе одного государства они свободно могли развивать товарообмен.

Поэтому при определении причин развития культуры не следовало бы исходить из расово-кровной точки зрения. Может быть автор хотел особо отметить высокую античную культуру предков таджиков. Она действительно была высокой, но не потому, что таджики принадлежали к «чистокровной» иранской расе, а потому, что они, как древнейший земледельческий народ, имели экономические отношения с кочевниками и земледельцами, принадлежавшими к различным этническим группам, и вели караванную торговлю с другими странами.

Объясняя происхождение таджикского народа, некоторые исходят, прежде всего, из расовой принадлежности. Считая все племена и роды, жившие вплоть до раннего средневековья на огромной территории от китайской границы до берегов Каспийского моря, частью «великих иранцев», они тем

1 «Древние авторы о Средней Азии», под ред. Баженова, стр. 122.
2 Б. Гафуров, История таджикского народа в кратком изложении, стр. 72—73.

самым отрицают то ясное положение, что в этногенез других народов Средней Азии вошли также ираноязычные элементы.

Эти исследователи не видят также, что в историческое сложение таджикского народа, таджикской нации безусловно вошли элементы не ираноязычных народов.

Если до сих пор буржуазные ученые говорили об отуречивании иранских племен и родов и о монголизации европеоидной расы, то необходимо видеть и обратную картину.

По классическому определению товарища Сталина: «Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей».[1]

В «Истории таджикского народа в кратком изложении», изданной в 1947 г. на таджикском языке, читатель замечает неверную, антинаучную тенденцию, выражающуюся в приписывании всего древнего культурного прошлого казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен и узбеков иранской расе, по мнению автора, — предкам современных таджиков. Даже анауская культура, найденная близ Ашхабада, считается культурой предков таджиков.[2]

Марксистская историческая наука, наоборот, осуждает учение о расовом характере культуры, единообразии народов в своем развитии на разных исторических этапах.

Народы переплетались между собой по всем признакам и каждый из них, в тесной связи с соседями, создал свою историческую культуру.

Тов. У. Юсупов в своем докладе на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана совершенно правильно говорил: «Глубоко ошибочными и чуждыми духу марксизма-ленинизма являются также попытки возвысить историю узбекского народа ценой умаления исторических заслуг других братских народов Средней Азии, или наоборот, особенно, если иметь в виду то несомненное обстоятельство,

[1] И. Сталин, Соч., т. II стр. 292—293.

[2] Б. Гафуров, История таджикского народа в кратком изложении, стр. 10.

что история развития народов Средней Азии переплеталась и находилась в тесном взаимодействии».

Я хочу остановиться еще на некоторых пороках брошюры проф. А. А. Семенова «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии», не раз подвергавшаяся серьезной критике.

Мы не ставим перед собой задачу еще раз критиковать эту работу, а коснемся ее лишь частично, поскольку требует этого характер нашего сегодняшнего доклада.

Проф. А. А. Семенов во вступительной части своей статьи пишет:

«Если здесь во многих местах иранское население ныне совершенно исчезло, то памятники прошлого властно говорят нам об этом населении, как бы указывая, что иранская культура выходила бесконечно далеко из рамок современного Таджикистана. Ее яркие следы мы поныне встречаем в братских республиках советской Средней Азии (Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской и Каракалпакской)»[1].

Исходя из этой неверной точки зрения, автор неправильно характеризует крупнейшие памятники материальной культуры Средней Азии. Для примера возьмем такие архитектурные памятники, которые по характеру и времени как будто более или менее связаны с Ираном. Это памятники эпохи Тимура в Самарканде.

Останавливаясь на отдельных самаркандских памятниках этого периода, в том числе на ансамбле Шах-и-зинда, автор пишет:

«... вышеотмеченные (памятники — **Р. Н.**), на которых несравненные персидские мастера, вывезенные из Персии Тимуром, запечатлели свои удивительные художественные достижения в виде интересных архитектурных форм и деталей и неподражаемых красок яркой и чистой майолики, секрет которой до нас не дошел»[2].

Действительно, Тимур, хищнически завоевав ряд стран, в том числе и Персию, насильственно переселил в Среднюю Азию, в частности в Самарканд, всех тех, кто ему понадобился для принудительной работы. В том числе привезены были и строители-архитекторы из Персии, использованные Тимуром при постройках как рабы. Но возникает вопрос существовало ли именно такое богатое художественно-архитек-

[1] А. А. Семенов, Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии, стр. 3.

[2] Там же, стр. 22.

турное оформление зданий в Персии накануне завоевания ее Тимуром? Проф. Семенову, конечно, хорошо известно, что нет.

Приезжие мастера, работая на постройках Тимура вместе с местными, зачастую под их руководством, подчиняли свои знания местным архитектурно-художественным традициям, ибо последние были намного выше, чем архитектурные традиции Персии. Об этом говорят даже два здания в том же ансамбле Шах-и-зинда, построенные еще за десять лет (1360—1361 гг.) до восхождения Тимура на престол[1]. Известно, что при постройке зданий 1360—1361 гг. персидских мастеров в Самарканде не было.

Еще в 1933 г. проф. А. Ю. Якубовский совершенно правильно отметил, что «...при Тимуре (местные) традиции не прерывались. Иноземные мастера, которые работали вместе с местными, сумели широко использовать богатый опыт самаркандских строителей и декорировщиков.

В известном смысле можно даже утверждать, что персидские мастера, оставившие на некоторых постройках свои имена, подчинили свои приемы тому, что в Самарканде было уже так блестяще выработано».[2]

По предварительным сведениям Турды Миргиязова, посетившего этот памятник не один раз, на зданиях ансамбля Шах-и-зинда имеются имена: Шайх-Мухаммед-Бинни-ходжи-ал-Тугрои-Бухари, Усто-Алим-Насафи, Усто-Умар-Хаммаль; это говорит о том, что на этих памятниках оставили свои имена и местные бухарские, несефские мастера. Что касается имени «Умар», то проф. Семенову известно, что в Иране оно тогда не могло существовать.

Стоит ли после всего этого говорить «о несравненных персидских мастерах» и об «удивительных (их) художественных достоинствах».

Чрезмерное восхваление роли отдельных деятелей средневековой культуры, происходивших из Персии, в развитии культуры узбекского народа и отрицание роли крупных местных узбекских ученых имеют место в работе тов. Джалялова «Секстант как главный инструмент обсерватории Улугбека», опубликованной в «Астрономическом журнале», (вып. 4, 1947).

Автор, говоря о Гияс-ад-дине Джемшиде-аль-Коши, пи-

[1] Мавзолей Ходжи Ахмат и второй — рядом с ним.

[2] А. Ю. Якубовский, Самарканд при Тимуре и тимуридах, Л., 1933, стр. 33.

шет: «Коши был учителем Улугбека и являлся инициатором, конструктором и руководителем обсерватории Улугбека».

Следовательно, если Коши, приехав из Фарса в Самарканд, создал здесь обсерваторию, руководил научными работами, если он сам был конструктором, то Улугбек, по мнению тов. Джалялова, очевидно, выполнял обязанности прораба на постройке и лаборанта в самой обсерватории.

Я не считаю нужным доказывать здесь тов. Джалялову, что это не так, ибо один раз это уже было нами сделано. Не хочу еще раз предупредить автора, чтобы он не пытался замутить, затуманить наши ясные представления о культуре первой половины XV в. в целом и о личности Улугбека — в частности.

Некоторое преувеличение роли «иранской культуры» имеет место в работе проф. А. Ю. Якубовского «Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках».

По его мнению, иранская культура в Восточном Туркестане играла определяющую роль до XI в. В этой области она существовала еще в I в. н. э., и уйгуры в конце IX и в X вв. очень быстро восприняли ее.

А. Ю. Якубовский наличие этой высокой древней «иранской» культуры в Восточном Туркестане пытался доказать ссылками на китайские источники и на названия некоторых поселений, оканчивающиеся, по мнению автора, на древнеиранский «кет».

Для ясности мы процитируем приведенные автором выдержки из китайских источников: «В сем владении (Гао-Чане) находится восемь городов и во всех есть китайцы». «Климат, по словам автора, теплый. Земля плодоносна. Просо и пшеница в продолжение года два раза созревают. Климат удобен и для шелководства. В изобилии родятся разные плоды. Есть трава, называемая ли-цы. На сей траве родится мед весьма приятного вкуса. Проводят воду для орошения полей. Есть красная соль, подобная нефриту. Много виноградного вина. Поклоняются духу Неба и вместе с тем содержат буддийский закон». «В каждом городе есть суд народный, суд водопроводный, суд пашенный. Одеяние мужчин сходно с тюркским. Женщины носят юбки и шугай; волосы собирают в пук на голове. Обыкновения и управление несколько сходны с китайскими. Их вооружение состоит из лука со стрелами, сабли, щита, лат и копья. Подати платят в количестве земли серебряной монетой, а кто не имеет денег, платят пеньковым холстом. Уголовные законы, обыкновения,

обряды при браках и похоронах имеют очень мало отличия, а большинство сходно с китайскими»[1].

Спрашивается, есть ли в этих цитатах факты, доказывающие наличие «иранской» культуры? Мне кажется, — нет. Наоборот, здесь разумеется наличие самобытной культуры населения Восточного Туркестана.

В отношении окончания названий некоторых поселений на «кет» которые А. Ю. Якубовский считает древне-иранскими, необходимо учесть, что, во-первых, как известно, они были весьма широко распространены, особенно в средние века, на левобережье и правобережье Сыр-дарьи и в долине Зеравшана. На территории Хорасана, тем более — собственно Ирана, названия городов не оканчивались на «кет».

Во-вторых, Махмуд Кашгарский в своем труде ديوان لغت ترك (XI в.) и автор « غياث اللغت » прямо говорят, что окончание «кант» — «кент» есть тюркское.

При таком положении нам остается неясным, чем объяснить старательные попытки расширить ареал распространения так называемой иранской культуры на восток.

Считаю необходимым отметить, что ряд исследователей пользуется исключительно сравнительным методом исследования, что приводит к неизбежному космополитизму. Они по каждому большому и маленькому вопросу, по каждой детали, для каждого элемента обследуемого объекта обязательно ищут параллель во многих других странах. Часто придавая большое значение совершенно незначительному, иногда даже случайному сходству, они фактически несколько игнорируют самобытность культуры. Я, конечно, далек от мнения, отрицающего переплетение истории народов, взаимовлияние в их культурах.

Подобные ошибки содержатся в работе В. А. Шишкина «Архитектурная декорация дворца в Варахше». Хотя автор в выводах и не отрицает оригинальности этого первоклассного памятника искусства, однако почти все его детали он связывает с искусством сасанидского Ирана, переднеазиатских стран, Восточного Туркестана и т. д. Тем самым, мне кажется, автор преувеличивает влияние культур вышеперечисленных стран и прежде всего сасанидского Ирана.

Противоположную панираниэму, антинаучную, чуждую марксизму-ленинизму концепцию в освещении вопросов истории, особенно истории культуры восточных народов, проповедуют пантюркисты.

[1] А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках, стр. 433.

Идеологи пантюркизма, обобщая все историческое прошлое различных тюркоязычных народов, особенно их исторические самобытные культуры, под общим термином «тюркский народ», «тюркская нация», «общая тюркская культура» и т. п., полностью игнорируют самостоятельные пути исторического развития народов Средней Азии.

Эти лакеи англо-американского империализма, потерявшие чувство национальной гордости, чувство любви к родине и патриотизма, безродные космополиты, сводят на нет все то хорошее, что создано было на протяжении тысячелетий тем или иным народом и внесено в сокровищницу мировой культуры.

Они никак не хотят признать и нагло отвергают законное право того или иного народа, малого или большого, на определенное место в общечеловеческой истории. Эти продавшие свою совесть люди никак не хотят признать то справедливое определение корифея науки товарища Сталина, что «каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом смысле все нации — и малые, и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации»[1].

Идеи пантюркизма усиленно пропагандируют в странах зарубежного Востока реакционные круги, направляя эту пропаганду против Советского Союза.

Предатель уйгурского народа К. Кудай, претендуя на историческую славу, пытался свести в единую нацию всех, кто говорит на так называемых тюркских языках. Тем самым он предательски отрицал историческое сложение и существование уйгурского народа, т. е. своего собственного народа. По его мнению, с давних времен, т. е. с XVIII в. до н. э., тюрки существовали на огромной территории как единый народ, который носил название «туку».

Этот явный фальсификатор истории должен знать, что ни письменные источники, ни археологические данные не дают пока возможности уточнить название «тюркский народ» во втором тысячелетии до н. э.

[1] Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года, «Большевик», 7 1948, стр. 2.

Кудай выступал против той исторической истины, что между тюрками-османами и уйгурским народом нет ничего общего, кроме некоторого сходства в языках.

Он совершенно не признает существования народов Средней Азии—узбеков, туркмен, казахов, киргизов — как самостоятельных наций и их исторического сложения в нации.

«Если научно подытожим наше мнение, — говорит он,— то надо сказать, что все народы Средней Азии, говорящие на тюркском языке, являясь сыновьями одного отца, образуют (тюркскую нацию). А уйгуры являются одним из высококультурных племен тюркской нации. Уйгурская культура является неотделимой частью тюркской культуры»[1].

Называя все тюркоязычные народы сыновьями единого отца, Кудай совершенно слепо подходит к вопросу исторического формирования народов, вовсе забывая при этом отличительные особенности их культур. Говоря об общности крови, языка, психологии и культурных традиций тюркоязычных народов от Алтая до берегов Средиземного моря, он отрицает тот длительный исторический процесс, при котором язык и другие особенности каждого народа подвергались серьезным изменениям.

У тюркоязычных народов на протяжении длительного исторического процесса безусловно произошли большие изменения. Каждый из этих народов очень давно уже стал на путь самостоятельного развития и установить общность между ними во всех отношениях — невозможно. Некоторое сходство в языке не дает никакого основания считать их одним общим народом, единой нацией.

Позвольте потребовать ответа от этого пантюркиста Кудая: почему англичане и американцы говорят на одном английском языке, тогда как считаются двумя самостоятельными крупными нациями?

Необходимо отметить, что иногда стоя на позиции пантюркизма, космополитизма, эти люди, сами того не замечая, говорят о том, что между тюркоязычными народами нет сходства.

Например, в статье Ходжи-Якуба-Юсуфи под названием „بزده غزر و اوصور“ опубликованной в 1947 г. в Нанкине в сборнике «Адабиет», написано: «Уйгурские тюрки имеют самостоятельные музыкальные мотивы, которые не похожи на мотивы османских, идиль-уральских и среднеазиатских тюрков»[2].

[1] «Ялкын», 253, 1948.

[2] Ходжи-Якуб-Юсуфи, цит. статья, стр. 18.

Спрашивается, если тюрки — единая нация, то почему не существует сходства также и в музыке?

Идеологам пантюркизма ненавистна победа Великой Октябрьской социалистической революции в республиках Средней Азии, ненавистен невиданный в истории хозяйственный расцвет этих республик, рост национальной культуры этих народов. Им ненавистен тот факт, что народы Средней Азии, вместе с другими народами могучей Страны Советов, в единой братской семье, с помощью старшего брата — великого русского народа, под руководством коммунистической партии (большевиков), под водительством гения Сталина уверенно идут вперед — к коммунизму.

Кудай и его компания мечтают об американской театральной технике. Автор статьи ادبياتى صحنه ,تركلريده اويغور و موسيقا

(«Сценическая литература и музыка уйгурских тюрков») пишет: «Если приспособить американскую сценическую технику к сценической литературе Тянь-шаня, то наши танцевальные игры и музыка станут самыми передовыми, самыми любимыми в мире и признанными со стороны представителей искусства»[1].

Эти лакеи американского доллара должны учесть, что их мечта останется мечтой.

Вернемся к теме.

Идеологи пантюркизма не в состоянии отнять у советских людей их достижения. Поэтому они, обобщая тюркоязычные народы, хотят отнять из прошлого этих народов самое лучшее, что было создано умами предков узбеков, казахов, киргизов, туркмен и т. д.

Один из пропагандистов идей пантюркизма и космополитизма Умар Ризо Туграл (Нанкин) в статье مشهور شخصلر («Известные люди»), считая бесспорно узбекского ученого аль-Фараби и узбекистанца Абу-Али-ибн-Сина общетюркскими учеными, заключает: «Мы, вспоминая память этих наших великих людей, приветствуем новые научные начинания в нашей стране». Таким образом, их считают «своими». В другой статье, под заголовком «Великий тюркский поэт», они присваивают величие признанного всем прогрессивным миром как узбекского поэта, Алишера Навои.

Мы привели несколько примеров из работ идеологов пантюркизма в Восточном Туркестане. Еще сильнее эти идеи

[1] Цит. статья, стр. 14—15.

пропагандируются по прямой указке господ империалистов псевдоучеными Анкары

Тов. У. Юсупов в своем докладе на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана говорил:

«Идеи пантюркизма распространяются сейчас по прямой указке английских и американских империалистов в целях еще большего порабощения народов зарубежного Востока и создания барьера против распространения среди этих народов великих идей коммунизма. Очагом современного пантюркизма является Турция, реакционные правители которой продали свою страну иностранным империалистам — поджигателям новой войны».

***

Буржуазная востоковедческая наука как на Западе, так и в России, долго идеализировала приоритет так называемой «арабской культуры» и роль ислама в завоеванных арабами странах. Переднюю Азию она считала страной высококультурной по сравнению со Средней Азией.

Достаточно процитировать одну фразу Бартольда, чтобы понять, насколько они преклонялись перед этим так называемым «культурным миром». Вот что пишет Бартольд:

«Туркестан вступил в более тесное общение с переднеазиатским культурным миром, особенно с Персией»[1]. Дальнейшее развитие они также видели в плане «арабской», «исламской» культуры.

Некоторые проявления этой концепции были и в советской исторической науке, чему до последнего времени не было дано решительного отпора.

Так ли обстоит дело? Были ли арабы-завоеватели «высококультурными» по отношению к народам Средней Азии, принесли ли они им свою культуру, и сильно ли повлияли они на культуру среднеазиатских народов?

Ответ один: конечно, нет.

Для выяснения этого вопроса необходимо прежде всего остановиться на общественно-экономической и культурной жизни народов Средней Азии накануне арабского завоевания.

Известно, что перед арабским завоеванием народы Средней Азии имели свою богатую традицию тысячелетней земледельческой культуры, основанной на развитой сети искусственного орошения, существование которой убедительно

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 21.

доказано советскими учеными и, следовательно, не требует дополнительных доказательств.

Известно, что в Средней Азии с древнейших времен была развита городская жизнь, велась внутренняя и внешняя торговля. Народы Средней Азии имели богатый опыт государственного управления на протяжении тысячелетий, начиная с доахеменидского хорезмийского государства—Кангха и кончая могущественным Кушанским рабовладельческим государством, одной из четырех существовавших тогда мировых империй.

Археологические исследования последних лет показали, что в период доарабского завоевания и непосредственно накануне его народы Средней Азии, предки узбеков и таджиков, являлись носителями высокой архитектурно-художественной традиции.

Открытые Хорезмской экспедицией в 1945 г. монументальные росписи и найденная ею в 1947 г. монументальная глиняная скульптура великолепного памятника Кушанского периода — Топрак-кала, являющегося сокровищницей древней культуры, дали возможность установить существование еще в III в. н. э. вполне самостоятельного художественного центра в Хорезме, занимавшего особое место в Средиземноморье и на Среднем Востоке в этом периоде.

Среди этих находок особое место занимает почти целиком сохранившееся изображение арфистки, несколько напоминающее музыкантш айртамского фриза, относящегося к I в. до н. э.

Не меньшее значение как памятник искусства имеют замечательные стенные росписи в Варахшском дворце, относящемся к V—VI вв. н. э. и вскрытом В. А. Шишкиным.

Наконец, в 1948 г. таджикско-согдийской экспедицией, под руководством проф. А. Ю. Якубовского, в Пенджикенте, в здании культового назначения были вскрыты замечательные многоцветные росписи с человеческими изображениями, по стилю несколько отличающиеся от топраккалинских и варахшских росписей. По всей вероятности, это памятник кануна арабского завоевания.

Хотя в науке еще не уточнено наличие близкой связи между этими различными по периодам открытиями, однако совершенно ясно, что архитектурно-художественное и живописное искусство на территории Узбекистана и Таджикистана существовало на протяжении многих веков вплоть до арабского завоевания.

Арабы нанесли сокрушительный удар этим видам искусства.

Накануне арабского завоевания народы Средней Азии имели свою письменность, особенно широко была распространена согдийская. На языках народов Средней Азии была создана письменная литература. Арабы уничтожили эту местную литературу.

Хотя завоеватели арабы стремились уничтожить следы своего варварства, но народ сумел сохранить память о нем.

Автор «Таскираидавлатшахи» (конец XV в.), ссылаясь на ряд источников, говорит, что арабы с целью распространения ислама и благополучия его шариата запрещали писать стихи, или, в результате опустошения, эти стихи уничтожались. Писать что-либо на другом языке, кроме арабского, считалось позорным. Насколько арабы явились разрушителями культурных традиций народов Средней Азии, видно из следующего рассказа, приведенного в «Таскираидавлатшахи».

«... когда Амир-Абдулла бинни-Тахир при аббасидских халифах был эмиром Хорасана, он в один прекрасный день находился в Нишапуре, и некий человек принес ему книгу и в виде подарка вручил ему. Он спросил, что это за книга. Этот человек сказал, что эта книга... содержит хорошие рассказы, которые знатоки собрали на имя царя Нуш-и Равана. Амир-Абдулла сказал: «Мы люди — чтецы корана, и кроме корана и шариата пророка нам подобные вашей книги не нужны. Эта книга есть творение зороастрийцев и для нас порочна. По его настоянию эту книгу бросили в воду. Он приказал: если в стране где-нибудь обнаружатся неарабские сочинения и изречения, чтобы их предали огню».

В социально-экономическом отношении арабы стояли на более низкой ступени развития, чем народы Средней Азии. Общество у арабов, как правильно отметил А. Ю. Якубовский, являлось обществом типично дофеодальным[1].

Процесс феодализации в Согде и Хорезме начался еще раньше, в V в., в связи с кризисом рабовладельческого общества.

В период завоевания процесс феодализации шел и там и здесь, конечно, в разных вариантах. Однако необходимо

[1] А. Ю. Якубовский, Основные проблемы специфики и периодизация феодального развития Средней Азии в VII—XII вв. Тезисы докладов по секции востоковедения, стр. 11,; научная сессия Ленинградского университета, 1948.

учесть что у арабов родоплеменные отношения и родоплеменная борьба были весьма сильны. Находясь в социально-экономическом отношении на более низком уровне, чем покоренные народы Ирана и Средней Азии, арабы, завоевав эти страны, не ускорили процесс феодализации в них, а, наоборот, задержали его. Арабское завоевание явилось, как правильно утверждает А. Ю. Якубовский, помехой. Процесс феодализации усиливается только после освобождения этих стран от ига арабского халифата.

Арабы, как менее культурные завоеватели, прерывали экономическое развитие покоренных ими стран. «Каждое завоевание менее культурным народом, — пишет Энгельс, — прерывает, разумеется, экономическое развитие и уничтожает многочисленные производительные силы»[1].

Из вышеуказанного совершенно ясно, что народы Средней Азии почти во всех отношениях стояли выше арабов. Если это так, то в чем же заключается «высококультурность» арабов?

Так называемая «арабская культура» была в основном культурой не арабов, а покоренных ими стран. Поэтому определение деятельности среднеазиатских ученых IX—XI вв. как культуры Передней Азии и мнения, игнорирующие местные научные традиции(как это делают Бартольд и Райнов), являются глубоко ошибочными.

Глубоко ошибочно, как нам кажется, и мнение тов. Гафурова, солидарное с мнением француза Гоставе, о том, что астрономическая таблица Улугбека «является последним сочинением багдадской школы»[2].

Необходимо раз и навсегда распроститься с такими терминами в исторической науке, как «арабская культура», «мусульманская культура», «общеиранская культура» и «тюркская культура», ибо они были заимствованы у буржуазно-дворянской историографии, не имеющей ничего общего с марксистско-ленинской наукой.

Товарищи! Я остановился только на некоторых вопросах. В нашей исторической науке есть еще немало других недостатков и ошибок.

Известно, что по прямой указке англо-американских империалистических кругов, поджигателей новой войны, в странах зарубежного Востока, вопреки нежеланию народов этих стран, реакционной продажной кликой усиленно проводится

[1] Энгельс, Антидюринг, 1938, стр. 190.
[2] Б. Гафуров, цит, соч., стр. 232.

антисоветская пропаганда—пропаганда идей космополитизма. Они, говоря о «единой тюркской нации», о «едином иранском народе» и обобщая всю историческую культуру, пытаются доказать, что народы Востока во всех отношениях едины. Следовательно, коммунизм для них чужд.

Недостаточное развертывание подлинно научной критики на историческом фронте привело и некоторых советских исследователей к высказыванию антимарксистских, идеалистических взглядов.

В исторической науке Узбекистана имеет место протаскивание реакционных идей космополитизма, выражающееся в попытке объединить прошлое тюркоязычных и противоположных им ираноязычных народов, игнорировав самостоятельные пути исторического развития таджиков, узбеков, туркмен, казахов, киргизов и каракалпаков.

Нашей неотложной задачей является: дать решительный отпор идеологии космополитизма в зарубежных странах Востока и всем проявлениям космополитизма в советской исторической науке.

Нет сомнения в том, что мы, советские ученые, вооруженные марксистско-ленинской методологией, под руководством коммунистической партии (большевиков) и лично товарища Сталина с честью выполним эту задачу. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. На этом мы сегодня заканчиваем нашу работу.

Вечернее заседание 26 апреля 1949 г.

М. Айбек. Разрешите продолжить работу. Слово для справки имеет тов. В. Ю. Захидов.

В. Ю. Захидов. Товарищи! Некоторые из присутствующих попросили меня уточнить мое высказывание об отношении узбекского народа к тюркам. Мои тезисы сводятся к следующему.

1. Пантюркистская идеология и империалистическая, феодальная реакция совершенно искажают действительность, фальсифицируют историю своим утверждением о том, что якобы была и есть единая, причем не историческая, т. е. исторически не сложившаяся, общая «чистая» тюркская нация, о том, что узбекский народ принадлежит к этой единой тюркской народности и, следовательно, является тюркским народом. Этим самым проводится расистская идея, экспансионистская политика, прежде всего американского и английского империализма.

2. Я исхожу из указания товарища Сталина, который говорил: «Нация—это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»[1].

Узбекский народ также является исторически сложившейся социальной категорией. Это во-первых. Во-вторых, нет и не было в известном смысле чистой узбекской народности, чистой единой узбекской или тюркской расы, т. е. в формировании узбекского народа участвовали многие другие народы и племена (тюрки, таджики, арабы, иранцы, монголы и пр.). Этот процесс формирования шел долго и сложными путями, в различных исторических условиях, и в результате появился этнически самостоятельный узбекский народ, который благодаря Великой Октябрьской социалистической революции консолидировался в нацию.

3. Узбекский народ принадлежит к тюркоязычным народам, но это не дает права причислять его к тюркской, причем, единой нации. Товарищ Сталин, говоря о нации, утверждает, что не все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию; «говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют, тем не менее, три различные нации...» (там же, стр. 296). Следовательно, дело не только в языке. Товарищ Сталин, перечисляя все признаки нации, в своем выводе пишет: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (там же). Следовательно, узбекский народ нельзя причислять к одной, единой тюркской нации, как это делают пантюркисты, отрицая тем самым его народность, его самостоятельность, его самостоятельный путь формирования, его культуру.

4. Узбекский народ оформился в основном из здешних, местных коренных народностей и племен, а также в известной мере и из «пришлых».

5. Время формирования узбекского народа, название «узбеки» некоторые наши историки относят к XVI в. Подобно утверждение не может считаться основательным. Существование узбекского народа относится к глубокой древности, о чем говорят не мало исторических данных. Неужели мы до сих пор делали ошибки, называя древних и средневековых поэтов и ученых (Ахмеда Яссави, Улугбека, Лютфи, Навои и др.) узбекскими! Узбеки были и до XVI в., ибо целый народ

[1] Сталин, Соч., т. II, стр. 292—293.

не мог бы появиться в течение короткого времени или одного столетия! Он является, как говорит тов. У. Юсупов, одним из древнейших и коренных народов Средней Азии. Узбекский народ и его предки на протяжении нескольких столетий совместно с другими народами Средней Азии создавали огромные культурные ценности, которые, следовательно, принадлежат этим самым народам. А вопрос о том, с какого точно столетия существует узбекский народ, как таковой, когда он оформился, с какого века он берет свое начало — этот вопрос об этногенезе узбекского народа еще не решен, и я сейчас не берусь сказать что-либо определенное об этом. Это — дело дальнейшего исследования. Нечего и говорить о крайней сложности и запутанности данного вопроса.

6. Термин «тюрки», применяемый и встречаемый в древних, вообще в старых источниках, конечно, имеет отношение и к узбекскому народу, как тюркоязычному народу.

Я заостряю внимание товарищей на том, какую в наши дни большую политическую опасность представляет малейшее ослабление нашей борьбы против реакционных, феодально-империалистических пантюркистов, их попыток отождествлять и растворить узбекский народ в какой-то общетюркской нации.

Вывод: узбекский народ не является таким тюркским народом, за каковой выдают его реакционные пантюркисты.

М. Айбек. Слово имеет профессор Л. В. Ошанин.

Проф. Л. В. Ошанин. Нынешняя конференция Отделения гуманитарных наук посвящена ряду актуальных, принципиально важных вопросов. Особенно остро поставлен вопрос о том, целиком ли заимствована от древних персов, греков, арабов духовная и материальная культура народов Средней Азии, или, наоборот, испытав известные влияния, что здесь неоднократно подчеркивалось, она все же возникла, росла и развивалась вполне самобытно, на свой лад, здесь, на месте, в данном случае на территории древнего Хорезма и Мавераннахра.

Разумеется, разрешение этих вопросов целиком подлежит ведению историков и археологов, ибо культура народа, как и его язык, ни в какой степени не зависят от расового состава населения. История культуры лежит вне моей компетенции, но здесь был затронут ряд вопросов, прямо и непосредственно относящихся к моей специальности.

Я лишь кратко остановлюсь на вопросах о времени заселения Средней Азии ископаемым человеком, о том, являются ли узбеки местным древнейшим населением или пришлым из других стран, и на пантюркистских, панираниетских и иных «расовых теориях».

Поскольку мне, биологу, приходится выступать перед представителями гуманитарных дисциплин, разрешите сперва об антропологии, как науке не только биологической, но и исторической.

По выражению К. Маркса, «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Рассматривая историю с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; поскольку существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»[1].

Антропология, по самому характеру изучаемого ею объекта — человека, представляет собою область, пограничную между дисциплинами естественно-историческими и гуманитарно-историческими. Антропология есть часть истории природы, поскольку человек изучается ею как конечное звено эволюции животного царства. Вместе с тем антропология является частью истории современного человечества, поскольку она изучает современный вид человека, единый линнеевский вид Homo sapiens, населяющий землю.

История формирования и становления современного вида человека — это самостоятельная проблема, проблема антропогенеза. Но вопросы антропогенеза затрагивались сегодня лишь попутно, в докладе Р. Н. Набиева, и поскольку они затрагивались, я на них в двух словах остановлюсь ниже.

Однако и современный вид человека — с зоологической точки зрения, несомненно, единый вид Homo sapiens и поныне населяющий землю — за десятки тысяч лет своего существования дифференцировался на ряд местных, географически ареальных вариаций или разновидностей, которые и носят название человеческих рас.

В сущности, комплекс определенных морфологических признаков и наличие определенного ареала исчерпывают наши современные представления о расах. При этом для наших целей, для критики лженаучных, так называемых «расовых теорий», сугубо важно подчеркнуть, что антропология имеет дело с комплексом только морфологических признаков, а отнюдь не психических качеств людей.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, 1937, стр. 8.

Не менее важным, но уже для разрешения проблем этногенеза, является второй специфический признак человеческих рас — наличие определенного исходного ареала.

В незапамятные времена различные группы людей, в процессе расселения, заняли различные, подчас весьма отдаленные одна от другой территории, где неопределенно долгое время пребывали в условиях то значительной, то почти полной, то неполной изоляции. Поэтому определенный исходный ареал или некоторый географический центр распространения является вторым характерным признаком человеческих рас. И это в той степени, что мы, советские антропологи, не считаем выделяемые нами типы людей (например, конституциональные типы телосложения — астеников, пикников, атлетиков) за расовые, если не можем наметить для них некоторых ареалов или центров распространения, где эти типы встречаются, разумеется, не в абсолютной чистоте (таких случаев, в силу смешанности современного населения земного шара, не бывает), но где они и поныне встречаются в наибольшей чистоте, наиболее сконцентрированы, несмотря на все последующие смешения, т. е. процессы метизации с последующими наслоениями иных расовых типов.

Отсюда естественное стремление советских антропологов пользоваться для обозначения человеческих рас отнюдь не терминологией лингвистической и этнической, а терминологией географической. По крылатому выражению одного из антропологов, наименования этнические и лингвистические — это настоящая чума для антропологии. Путаница в терминологии сплошь и рядом ведет к путанице в столь разнородных понятиях, как «раса», «племя», «язык», «нация», а такая путаница уже чревата последствиями для научности всей концепции в целом и ее конечных выводов, вплоть до построения лженаучных теорий «расизма». Чрезвычайно ярким примером в этом отношении является пресловутая «арийская раса» немецких фашистов, которые заимствовали этот термин из лингвистики (в буржуазной лингвистике он нередко употребляется для обозначения всей индоевропейской лингвистической системы) и покрыли им весьма пестрое по расовому составу население Германии, создав, таким образом, несуществующую в природе «арийскую расу». Такими же яркими примерами являются «турецкая» и «иранская» расы, выдуманные панираниетскими и пантюркистскими расистами. Та-

ких рас в природе нет. Сплошь и рядом люди разных рас говорят на одном и том же языке, и, наоборот, люди одной и той же расы—на разных языках. Например, выделенная и описанная мною «хорасанская» раса, имеющая центром своего распространения северную часть Персии, говорит в восточной ее части на иранском языке, а в западной на турецком. С другой стороны, люди совершенно разных рас говорят на одной и той же языковой системе. Взять хотя бы турецкую языковую систему. На ней говорят типичные монголоиды якуты и типичные европеоиды османские турки.

Поэтому для обозначения выделяемых мною в весьма смешанном населении Средней Азии человеческих рас я пользуюсь терминами географическими, указывающими центры распространения этих рас, независимо от этнической, лингвистической или национальной принадлежности населения данной территории.

С указанной выше точки зрения «историзма», тот отдел антропологии, который изучает человеческие расы — расоведение, я полагаю, лучше всего подразделить на историю формирования человеческих рас (проблема расогенеза) и историю расселения и заселения уже сформировавшихся и поныне живущих рас различных стран, где они вошли в состав племен и народов, слагавшихся на территории этих стран (часть комплексной проблемы этногенеза).

Изучение этого единого исторического процесса (антропогенез—расогенез—этногенез) подлежит ведению антропологии, как науки исторической в ее целом.

И на нынешней конференции, и в работах Института истории и археологии АН УзССР, в частности и в моих работах, речь шла и идет лишь о конечном этапе этого процесса, об истории расселения уже сформировавшихся человеческих рас и о заселении ими различных территорий Средней Азии и сопредельных с нею стран.

Вот почему (отвечаю на замечание Р. Н. Набиева) я не упоминаю в своем труде об этногенезе народов Средней Азии, о всех известных блестящих достижениях советских археологов, открывших неандертальского человека на территории Средней Азии. Вне всякого сомнения, что и тешикташский человек, и интереснейшие открытия стоянок первобытного человека в пещерах Аман-кутан свидетельствуют о весьма древнем обитании ископаемого человека на территории Узбекистана.

Однако неандерталоидная стадия эволюции ископаемого человека всюду предшествовала появлению современного человека: в Западной Европе — и в Италии, и в Испании, и во Франции, и в Бельгии, и в Германии; в пределах СССР — и в Крыму, и на Кавказе, а по последним исследованиям и в Узбекистане, но также в Африке (знаменитый «родезийский человек»), Передней Азии — в Палестине и на островах Малайского архипелага (так называемый яванский человек), короче говоря, на территории всего Старого света. Таким образом, открытия тешикташского человека и аман-кутанских стоянок лишь свидетельствуют о том, что неандерталоидную (а может быть и синантропную) стадию эволюции ископаемые гоминиды проходили, в частности, и на территории Узбекистана. Но это не имеет прямого отношения к вопросам формирования народов Средней Азии из различных современных человеческих рас.

Один процесс отделен от другого даже не десятками, а сотнями тысяч лет, если скудные костные останки Аман-кутана будут окончательно отождествляемы с синантропом. Не всегда археологическая, палеоантропологическая и геологическая периодизации плейстоцена совпадают. Может оказаться и так, что в одних странах неандертальцы стояли на стадии мустьерской культуры, а в других те же неандертальцы находились еще на стадиях шелльской и ашелльской культур.

Ближе к нашим конкретным задачам, к вопросам этногенеза стоят проблемы расогенеза. Р. Н. Набиев отметил, не столько в порядке упрека, сколько в порядке вопроса, что я разделяю ту «концепцию», что Средняя Азия является зоной, пограничной между ареалами распространения двух основных расовых стволов современного человечества — большой европеоидной и большой монголоидной рас.

Исходным ареалом распространения большой монголоидной расы являются главным образом страны, лежащие к северу и востоку от территории Средней Азии, а европеоидной — к югу и западу от нее. Такая формулировка поставленного Р. Н. Набиевым вопроса не совсем точна в том смысле, что это является не моей или чьей-либо «концепцией», а простым констатированием такого же бесспорного факта, как тот, что, скажем, Сахара, Абиссиния и полуостров Сомали представляют собою зону, пограничную между ареалами большой негроидной и большой европеоидной рас. Таким же простым констатированием факта является то, что европеоидная и монголоидная расы, сформировавшись на

огромных территориях, за ряд тысячелетий, в свою очередь дифференцировались на так называемые малые расы или, как их принято называть в советской антропологии, на расы второго порядка, каждая из которых обладает гораздо меньшим центром распространения и отличается от других меньшим числом морфологических признаков. Таким образом, Средняя Азия заселялась фактически не двумя большими расами — монголоидной и европеоидной, а несколькими монголоидными и несколькими европеоидными. Говоря суммарно, европеоидные расы двигались в Среднюю Азию главным образом с юга и юго-запада, из Передней Азии и стран Ирана, а расы монголоидные двигались сюда преимущественно, с севера, из стран, носивших в средние века название Дешти-Кипчака и Могулистана.

На основании сравнительно-антропологических исследований я полагаю, что европеоиды выдвинули сюда с юга и юго-запада две расы из ныне известных центров их распространения, а монголоиды с севера и востока также не менее двух. Но сложность расового состава населения Средней Азии усугубляется еще тем, что эти сравнительно поздние пришельцы отнюдь не застали Среднюю Азию необитаемой. Наоборот, они нашли здесь уже довольно густое, частью оседлое, частью кочевое население. По нашим исследованиям, это население уже было здесь представлено во всяком случае двумя европеоидными автохтонными, местными расами, т. е. здесь, между бассейнами Аму- и Сыр-дарьи, с одной стороны, и в закаспийских степях — с другой, сформировавшимися.

Мы подошли к последнему этапу намеченного выше исторического процесса: антропогенез—расогенез—этногенез. Этот общий процесс нашел свое выражение, в частности, и в истории заселения человеком Средней Азии.

Разрешите теперь перейти к проблеме этногенеза узбеков с антропологической точки зрения, точнее, к вопросу о том, является ли основная масса узбеков древнейшим местным населением или пришлым. Я не имею, разумеется, никакой возможности приводить сегодня соответствующую аргументацию (она изложена в моей итоговой монографии), и ограничусь общими выводами

Итак, одни из рас Средней Азии являются местными, автохтонными, сформировавшимися здесь, на территории равнины Среднеазиатского Междуречья и Памиро-Алайской горной системы, с одной стороны, и закаспийских степей —

с другой; другие же расы Средней Азии являются пришлыми сюда из сопредельных и более далеких стран.

На основании весьма обширных сравнительно-антропологических исследований различных народов и племен Средней Азии, народов и племен по языку турецких, иранских или в исходных корнях семитических (я имею в виду арабов и евреев Средней Азии), далее, на основании сопоставления сравнительно-антропологических данных с данными истории, археологии и лингвистики, и на основании пока, к сожалению, лишь скудных, но уже достаточно показательных костных материалов, добытых из этнически и хронологически датированных древних погребений, я убедился в том, что на территории Средней Азии сформировались и в этом смысле «искони», т. е. на протяжении нескольких тысячелетий, обитают две европеоидные расы — одна, которую я называю расой Среднеазиатского Междуречья, и другая—закаспийская. Покойный московский антрополог А. И. Ярхо, проведший ряд капитальных, ценнейших исследований в Киргизии, Туркмении, а также в Хорезме и других областях Узбекистана, на основании материалов выделяет в населении Средней Азии те же местные европеоидные расовые компоненты, но дает им лишь иные наименования. Европеоидную расу Среднеазиатского Междуречья он называет памиро-ферганской, а европеоидную расу Закаспия — восточным вариантом средиземноморской расы. Ленинградский антрополог В. В. Гинзбург, проделавший весьма ценные исследования в Таджикистане — в Каратегине и Дарвазе, относит горных таджиков к той же европеоидной расе Среднеазиатского Междуречья, придерживаясь предложенной мною номенклатуры, но вопросы номенклатуры в данном случае второстепенны. Важна реальность местных европеоидных расовых компонентов, выделенных тремя антропологами, ведшими свои исследования совершенно самостоятельно, на основе собственных материалов. Одна из этих местных рас — европеоидная брахицефальная явно преобладает в расовом составе узбеков, таджиков, ягнобцев и иранских племен Западного Памира (ягнобцы и иранские племена Западного Памира исследованы мною во время экспедиции 1936—1937 гг.), другая, долихоцефальная, тоже европеоидная, преобладает в составе различных туркменских племен (исследованных мною в 1929 г. и покойным А. И. Ярхо в 1930—1931 гг.).

На это древнейшее место автохтонное население уже в исторически обозримые времена наслаивались иные евро-

пеоидные расы с юга, принесенные сюда персами, греками, арабами, а расы монголоидные — с севера, из Дешти-Кипчака.

Примесь первых, т. е. европеоидных рас, входивших в состав персов, греков и арабов, настолько незначительна, что не улавливается обычными методами сравнительно-антропологического анализа. Наоборот, примесь монголоидных компонентов совершенно несомненна и значительна среди узбеков и туркмен, менее выражена у равнинных таджиков, почти отсутствует у горных таджиков и совсем нет ее на севере Таджикистана у ягнобцев и на юге — у рушанцев, шугнанцев, ваханцев и иных племен верховьев Пянджа.

Таким образом, подходя к вопросу этногенеза узбеков с антропологической точки зрения, я вполне солидаризируюсь, как и Р. Н. Набиев, с Иакинфом Бичуриным, по мнению которого (цитирую) «предки теперешних народов Средней Азии искони жили на протяжении двух тысяч лет на этой территории с небольшими изменениями». Так, во всяком случае, обстоит дело с основной массой населения, вошедшей в состав узбеков, таджиков и туркмен, но сроки Бичурина надо удвоить, если не утроить. К этой точке зрения примыкает и В. Ю. Захидов, поскольку основную массу населения, вошедшую в состав узбекского национального объединения, он считает населением местным, здесь с древнейших времен обитавшим. Но, разумеется, как учит товарищ Сталин, нация это «не расовое и не племенное единство», а «единство, исторически сложившееся из различных рас и племен». В состав узбекского народа вошли, конечно, и те европеоидные расы, которые были принесены в Среднеазиатское Междуречье из Ирана, Передней Азии и Средиземноморья персами, греками, арабами. Но они не оставили здесь своих «антропологических следов», что и понятно, ибо появление персов, греков и арабов на исторической арене Средней Азии не знаменовало собою сколько-нибудь крупных «переселений» этих народов. Наоборот, племена монголоидного типа, пришлые с территорий, которые в средние века получили наименование Дешти-Кипчака и Могулистана, задолго до узбеков времени Шейбани начали заселять Междуречье. Судя по скудным пока данным палеоантропологии, этот процесс начался еще до обычно приводимой даты начала экспансии тюркских племен на юг, т. е. первой кочевой тюркской империи VI в.

Вот все, что может сказать антропология по вопросу об

этногенезе узбеков, исходя из анализа расового состава узбеков, которых за 25 лет мы исследовали и в Хорезме, и в Ферганской долине, и в Бухаре, Самарканде, Кермине и Ташкенте, и в областях, центрами которых являются названные города, и в Кашка-дарьинской области — в Шахрисябзе, Китабе, Гузаре и Карши, и во многих других городках и кишлаках Узбекистана.

Таким образом, вопрос о том, являются ли узбеки потомками местного древнейшего населения Хорезма и Мавераннахра или потомками тюркоязычных племен, пришлых сюда из Дешти-Кипчака, мне кажется, можно считать вполне решенным: они потомки и тех и других, но с явным преобладанием местного автохтонного населения.

Означает ли сказанное, что все вопросы этногенеза узбеков разрешены? Ни в какой степени. Во-первых, сбор и изучение костных материалов, добытых из хронологически и этнически датированных древних погребений, только-только начинаются, а им принадлежит решающее слово об эпохах смен расового состава населения и об эпохиальной изменчивости расового типа, независимо от процессов метисации с иными расовыми типами. А это два разных вопроса.

Во-вторых, только в свете палеоантропологических материалов можно будет ответить на вопрос, поднятый Р. Н. Набиевым, о том, как шла здесь эволюция от неандерталоидной стадии в сторону вида Homo sapiens, далее—европеоидной расы, и, наконец, формирование ее варианта Среднеазиатского Междуречья.

Еще больше темных мест остается в вопросах лингвистической принадлежности ряда племен и народов, последовательно появлявшихся на территории Средней Азии. Р. Н. Набиев, судя по его докладу, будучи историком, видимо, испытал в этом отношении те же затруднения, как и я, антрополог. Между тем вопрос о лингвистической принадлежности того или иного народа, появлявшегося на территории Средней Азии, чрезвычайно важен для всех работающих по вопросам этногенеза. В частности, остается темной лингвистическая принадлежность усуней, юэчжей из китайских летописей, хотя у В. В. Бартольда они названы «кочевыми иранскими племенами». Не менее темным остается вопрос о языке сакских племен Закаспия, да и вообще сакских племен, как отметил Р. Н. Набиев. Короче говоря, лишь хорезмийский язык и особенно согдийский, благодаря ценнейшим находкам на горе Муг в Таджикистане, определены как языки, несом-

ненно, иранской ветви. Наконец, мне, как и Р. Н. Набиеву, представляется весьма вероятным, что турецкие языки появились на территории Мавераннахра и Хорезма задолго до VI в. н. э.

В связи с весьма сложными вопросами смен лингвистического состава населения Мавераннахра и Хорезма в различные исторические эпохи, нельзя не отметить заявления В. Ю. Захидова о том, что «узбеки не тюрки или, все равно, турки». Такое его заявление не могло не вызвать полного недоумения не только у меня, но и у ряда товарищей, с которыми мне пришлось беседовать после доклада. Остается неясным, в каком смысле В. Ю. Захидов не считает узбеков тюрками или, все равно, турками? Это термины чисто лингвистические и в лингвистике употребляются как синонимы.

От того, что мы ликвидируем общепринятые в науке термины, узбеки не перестанут говорить на турецком языке, а таджики на иранском, только придется для них придумывать иные термины. Кроме того, для всех нас, работающих по вопросам этногенеза — будь то историки-лингвисты, этнографы, археологи или антропологи, — чрезвычайно важно знать, на каком языке говорил тот или иной народ исторического прошлого Средней Азии. Советская марксистско-ленинская наука ни в коем случае не может отказываться от таких языковых понятий, как турки и иранцы, только потому, что зарубежные агрессоры выдумали не существующую в природе «турецкую» и «иранскую» расы и наградили их такими психическими качествами, какими это им в агрессивных целях заблагорассудилось, аналогично тому, как немецкие фашисты выдумали не существующую в природе «арийскую расу», надели эту шапку на весьма пестрое в расовом отношении население Германии и наградили этот конгломерат рас титулом «высшей расы».

Именно с этого пункта разрешите перейти к лженаучным пантюркистским и панираністским расовым теориям. Это очень большой, сложный и огромной политической важности вопрос, особенно теперь, когда агрессоры снова хотят поставить на карту будущее нашей великой многонациональной социалистической Родины.

Политическая сторона этого вопроса нам совершенно ясна. Но это ни в какой степени не исключает необходимости разоблачать эти «расизмы» с позиций каждой дисциплины. Еще в 1934 г. на очередном съезде партии товарищ Сталин

охарактеризовал «расизм», как «странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли». В частности, «расизм» так же далек от антропологии как науки, как небо от земли.

Я подхожу к «расизму» с трех точек зрения: во-первых, с позиций «историзма», каким должна быть пропитана всякая советская наука, что я выше уже подчеркивал; во-вторых, с позиций конкретного фактического материала своей дисциплины; в-третьих, с позиций основного положения марксизма-ленинизма: критерий истины — практика.

С точки зрения «историзма» важно еще и еще раз подчеркнуть, что так называемые «расовые теории» являются характерной чертой всякого классового общества на протяжении всей истории этого общества. Разумеется, они не имеют ничего общего с реально существующими расами, которые изучаются наукой — расоведением.

Мои московские и ленинградские товарищи — антропологи не мало работали над разоблачением «расизма». Так, ленинградский антрополог Муров, погибший в тяжелые годы блокады Ленинграда, в своей книге проследил эту многовековую «имманентность» «расовых теорий» всякому классовому обществу на протяжении тысячелетий.

В древнем Египте, в так называемом лейденском папирусе № 344, датируемом 1750 г. до н. э., говорится: «Существуют деревья различных пород. Как же нам не различать рабов от их господ?».

Через 14 столетий (говоря суммарно) Аристотель писал: «Господин есть по самой природе своей существо властвующее и господствующее, а раб по самой природе, по своему существу подвластное и рабствующее». И поэтому прав поэт, говорит Аристотель, сказавший: «прилично властвовать над варварами грекам». Расизм был присущ не только древней Греции, но и древнему Риму.

Товарищ Сталин в 1934 г., характеризуя «расизм», вновь воскресший в гитлеровской Германии, напомнил, что «старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители высшей расы на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму».

Общеизвестно, что представители большой негроидной расы до сих пор подвергаются расовой дискриминации в США. В США продолжает процветать «расовая теория»,

«научное обоснование» которой еще 100 лет тому назад, в 1844 г., стремился дать американский антрополог Мортон, писавший, что негры представляют особую породу людей, самой природой предназначенную для рабства.

Таким образом, один и тот же «лейтмотив расизма» проходит через всю историю классового общества на протяжении нескольких тысячелетий. При этом «рабами по самой природе своей» третируются то представители негроидной, то представители европеоидной расы.

Здесь уместно напомнить то, что писал К. Маркс в «Наемном труде и капитале». «Что такое негр? Раб. Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого. Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом». В «определенных условиях», как напоминал товарищ Сталин, становились рабами недавние претенденты на пресловутую «высшую» «арийскую расу» — немецкие фашистские расисты.

Я уже отметил, что в природе такой расы не существует. Этот термин фашисты заимствовали из лингвистики и покрыли им весьма пестрое по своему расовому составу население нынешней Германии, приписав этой, не существующей в действительности, «арийской расе» такой комплекс «психических качеств», который полностью воспроизводил «идеологию» мракобесия и человеконенавистничества самой нацистской партии.

Как я уже говорил, путаница понятий и покрывающих их терминов — характернейший признак «расизма».

В одних случаях в лженауке «расизма» на титул высшей расы претендует одно какое-либо государство, преследуя агрессивные империалистические замыслы, как то имело место в древней Греции, в древнем Риме, и, на нашей памяти, в гитлеровской Германии. В других случаях «расизм», претендуя на то же качество «высоких культурных потенций», в агрессивных целях перешагивает границы государств и апеллирует к своим якобы «кровным братьям», апеллирует, так сказать, к «зову» и к «крови» предков, продолжая фальсифицировать науку, подменяет одну категорию явлений другой, отождествляя понятие «человеческая раса» с понятием «язык». Для этой цели, как в случае пресловутой «арийской расы», лингвистическим термином покрываются огромные пласты населения весьма различного расового состава.

Ярким примером в этом отношении являются ныне панираністские и пантюркистские «расовые теории», усиленно пропагандируемые ныне в странах Ближнего Востока. Эти

«теории» не новы. Достаточно напомнить всем здесь известную «теорию» «панфиннизма», когда Финляндия, в эпоху второй мировой войны, апеллировала к «расовому единству» всех народов угрофинской языковой системы и мечтала о Великой Финляндии — от Финляндии до Урала.

Нет, разумеется, надобности с кафедры Академии Наук УзССР доказывать всю безграмотность подобных притязаний на «расовое единство» тюркоязычных, ираноязычных или угрофинских племен и народов.

Наконец, что касается «неравнокачественности культурных потенций» различных реально существующих человеческих рас, то лучшим опровержением таких «теорий» служит наша многонациональная Родина, наше отечество — СССР.

Критерий истины — практика. Дайте «культурным потенциям» различных рас проявиться и они проявятся с тем блеском и с тем размахом, как проявились населением нашей страны, столь пестрым по своему расовому составу.

Товарищи! Советская антропология разоблачает враждебные нам «расовые теории» не первый день. Не мало работ, разоблачающих эти «теории», написано моими московскими и ленинградскими товарищами — антропологами.

Нельзя забывать и того, что советская антропология не является своего рода «безродным космополитом» в науке. Ее основоположниками были крупнейшие русские ученые — Анатолий Петрович Богданов и Дмитрий Николаевич Анучин. Ими создана школа русских антропологов, получившая мировое признание. Русской антропологии, к ее чести, никогда не был свойствен расизм. К школе Анатолия Петровича Богданова принадлежит и знаменитый исследователь Средней Азии Алексей Павлович Федченко. В частности, ему принадлежат первые сборы материалов по антропологии Средней Азии.

Советская антропология, продолжая лучшие традиции русской передовой науки, обогащена могучим методом диалектического материализма. Советская антропология всегда сумеет дать отпор лженаучным «расовым теориям», ныне вновь пропагандируемым агрессивным американским империализмом, стремящимся использовать эти «расовые теории» в качестве идеологического оружия.

М. Айбек. Слово предоставляется профессору А. А. Семенову.

Проф. А. А. Семенов. Достаточно хорошо вскрытые и освещенные Р. Н. Набиевым порочные понятия: пантюр-

кизм, панирапизм, панарабизм и другие, тождественные с ними представления в последние годы нашли, к сожалению, широкое распространение в нашей науке, литературе, в истории и востоковедении вообще. Непродуманное и обобщающее употребление терминов «турецкий», «персидский», «иранский», «арабский» неизбежно ведет к обезличению того или иного народа, к экспроприации его культурного наследства, к низведению на нет его самобытности.

В частности, я позволю себе остановиться на чересчур широком и обобщающем значении до сего времени существовавших у нас терминов «иранство», «иранская культура». Одним из виновников этого взгляда, так сказать, на всеобъемлющее значение иранской культуры являюсь я. В своей брошюре «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии», изданной в 1944 г. в Сталинабаде Таджикским филиалом Академии Наук СССР, я необдуманно назвал все упомянутые памятники иранскими, чем вызвал в нашей печати ряд справедливых и резких нареканий.

На широком обсуждении в прошлом году в САГУ названной брошюры и в марте 1949 г. — в Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР я осознал неправильность моего взгляда на местные памятники материальной культуры, как созданные под влиянием только иранской культуры.

Причина моей ошибки заключалась в том, что я не вполне мог уяснить себе марксистское понимание истории.

Я повторил старые взгляды буржуазных востоковедов об историческом прогрессе, утверждающих, что в прошлом на Востоке существовало несколько крупных и культурных народов, и созидателями всей культуры в целом были только эти народы, а все остальные не обладали данным свойством. Разумеется, это совершенно неправильно, и я это осознал. На самом деле, эти древние народы состояли из множества народов и племен. До Великой Октябрьской социалистической революции их позднейшие потомки не могли проявить себя во всей полноте. Я признаю, что моя концепция была вредной.

В моей брошюре не была также произведена дифференциация самих памятников, не отражены старые культурные связи местных и соседних народов между собой, а все как бы огулом неправильно названо иранским; не полно были представлены новые археологические открытия в Средней Азии наших, советских археологов и их новые достижения в изучении памятников материальной культуры Средней Азии, раскрывавшие самобытность местных культур.

Неправильность таких обобщающих терминов, как «персидский» или «иранский», внося путаницу (и притом нередко вредную) в разные литературные, исторические и археологические концепции, основывается на самих фактах возникновения этих терминов.

Мы много веков употребляли термины «Персия», «персидский язык», бессознательно следуя за древними греками, но те имели к тому полное основание, а мы — никаких. Греки соседствовали именно с персами, основавшими первую мировую монархию, через царей их династии ахеменидов, вышедших из исконной персидской области, именовавшейся по-гречески Персида и населенной персами (по-гречески — перс-о-персес). Все это совершенно точно соответствует современной центральной провинции Ирана Фарсистану, т. е. стране фарсов или персов, Персиде греков, где была древняя столица всего государства ахеменидов, называвшаяся греками Персеполис, т. е. город персов (развалины в 40 км от современного Шираза). Но как называло себя все остальное население империи «великих царей», т. е. по отдельным ли племенам, областям, или каким-либо общим именем, — мы не знаем.

Через две с половиной тысячи лет после исчезновения государства ахеменидов мы продолжаем прилагать термины «Персия», «персидский язык», «персидская культура», следуя за греками, и к сасанидскому Ирану, и ко всем последующим государственным образованиям, возникшим в эпоху мусульманского средневековья на развалинах царства сасанидов.

Между тем из дошедших до нас актов XII в. хорезмшаха Текеша (1172—1200), в состав империи которого входила и территория современного Ирана, видно, что в ту эпоху все иранское (или персидское) население этого обширного государства именовалось таджиками, безразлично — жило ли оно в низовьях Сыр-дарьи или на территории современного Ирана (или Персии). Через сто лет историк Чингиз-хана Джувейни (XIII в.) все нетюркское население западной части монгольской империи именует **таджиками,** а поход Чингиз-хана против империи хорезмшаха Мухаммеда называет в своей истории «походом в страну тазиков». Позже него, писавший в конце XIII и начале XIV вв. в Азербайджане, в государстве персидских ильханов, свою всеобщую историю, Рашидеддин, все то же самое население, независимо от местности, где оно проживает, также именует таджиками. Так

же поступают историки XV—XVI вв. Мирхонд и Хондемир, писавшие свои труды в Герате и вне его — всюду у них таджики, а не персы. Даже автор более поздний (XVII в) и, так сказать, чисто персидский, писавший в Исфагане, историк Шаха-Аббаса, Искандер-мунши также употребляет термин таджики, а не фарсы или персы.

Таким образом, с несомненностью можно сказать, что за все эти века Восток не знал или, по крайней мере, совершенно не употреблял терминов «перс», «персидский» в смысле «таджик», «таджикский» (но не язык), европейцы же в этом отношении продолжали следовать за древними греками.

Еще более неопределенен термин «иранский», ибо его нельзя обобщить с политическим значением **Иран,** как государство, потому что таковое в мусульманскую эпоху, как самостоятельное целое, возникло лишь в XVI в. А в науке географической этим термином обозначается то Великое азиатское плоскогорье, которое называется Иранским и которое занимает столь срединное положение на континенте Азии с крайними точками: на северо-востоке массив Памира, на западе равнины Месопотамии. Правда, за последние годы советской наукой в лице ряда наших ученых (акад. Струве, проф. Толстов, Птицын и др.) было высказано мнение, что именно в Средней Азии и в прилегающих к ней северо- и юговосточных районах возникла и религия Зороастра, и национальная эпопея персов «Шах-намэ», и сам новоперсидский язык, что, таким образом, сами персы или иранцы теперешнего Ирана являются только позаимствователями отсюда всего того, что они считают своим. Однако и при таком положении вещей употребление термина «иранский» или «иранство», особенно в его догматическом значении, в его, так сказать, безапелляционном виде (как, например, я его употребил), будет не точным. Мы не знаем, как называл себя народ или народы, создавшие Авесту, Шах-намэ, новоперсидский язык и вообще культуру, основывающую и утверждающую себя на этих культурных явлениях; был ли компактен в целом, в смысле племенного единства, этот народ или он был перемешан с другими народностями, был многонационален?

Во всяком случае, пользование такими терминами, как «персидский» или «иранский», ввиду их большой сбивчивости, как мне кажется, может повести и, несомненно, ведет к великим искажениям исторической правды, к неверным выводам, самообольщению и крайнему национализму. Как

пример, позволю себе привести концепции некоторых современных афганских ученых.

Известный французский ориенталист Джемс Дармстетер, более принадлежавший к XIX в. (род. в 1849 г.), изучая афганский язык, пришел к выводу, что он восходит к языку Авесты, или, скорее, представляет диалект, весьма мало отличающийся от языка Авесты. Едва ли покойный ученый мог предвидеть, к каким последствиям приведет этот его абстрактный вывод.

С проникновением в Афганистан европейского просвещения, по мере знакомства афганцев с европейской наукой и ее достижениями, в связи с археологическими открытиями на территории Афганистана в 20-х гг. нынешнего столетия французской экспедиции Фуше, — у афганской европеизированной молодежи проявляется повышенный интерес к прошлому своей родины. Вывод Дармстетера явился для них целым откровением. Устанавливается взгляд, что афганцы— прямые потомки носителей языка Авесты, древних арийцев, их страна — колыбель и очаг арийской культуры; сопредельные страны, населявшиеся арийцами или подчинявшиеся их культуре, тоже являются достоянием потомков древних ариев, современных афганцев. Возникает специальный журнал «Ариана» (т. е. страна ариев, читай — Афганистан и все к нему прилегающее). Не только в этом органе, но и в таких общелитературных журналах, как «Кабул», помещаются статьи, стремящиеся обосновать и доказать бытие тех или других памятников вещественной и словесной культуры других, неафганских народов, как памятников единой арийско-афганской культуры, а чужих знаменитостей в области науки, литературы, истории превратить в афганцев.

В свете этих доморощенных «научных» изысканий устанавливается, что еще больше 4000 лет назад арийцы, переселившиеся с побережья Сыр-дарьи в Афганистан, положили здесь начало стране Ариане. И приблизительно 3000 лет назад, когда арийцы создали в области Балха государственное образование, Афганистан стал носить название Бактрии, от какового названия, путем изменения звуков под влиянием тех или иных фонетических особенностей, возникли термины

Бактия, Пактия, а сами обитатели этой страны стали называться сначала пактины, потом пункты, пухтуны, пуштуны.[1]

Так весьма упрощенно объясняется происхождение пухтунов или афганского народа и создается определенная потомственность его от первобытных арийцев (бактрийцев тоже). При этом, по определению современных афганских «ученых», название Бактрия в общегеографическом и политическом смысле включало, помимо Афганистана, все области Бухары, Самарканда, Хорезма, Хорасана, Сеистана, Белуджистана и восточные долины Синда[2].

Естественно, что при таком понимании истории или, вернее, при таком обращении с подлинной историей все превращается в афганское.

«Афганистан в мусульманскую эпоху считается одною из наилучших в литературном отношении стран Азии: на протяжении веков здесь выпестовались такие поэты и литераторы, подобных которым в других странах мало найдется», — начинает свою работу «Поэты Афганистана» Сервер-хан-гуя[3]. И нет ничего удивительного в том, что под пером современных афганских историков и литературоведов султан Махмуд газневид превращается в «афганского султана Махмуда», Алишер Навои — в «Везира Афганистана, Эмира-Али-Шера», его эпоха называется «тем нашим временем»[4], а афганскими поэтами и учеными считаются Ибн-Сина (Авиценна), Абу-Рейхан-Бируни, Насыр-и-Хосров, Фердоуси, Омар Хайям, Джелаледдин Руми, Джами и проч. и проч.[5].

В числе знаменитых афганских полководцев оказываются эмир Исмаил саманид, эмир Насируддин Себуктегин и др., к Афганистану в собственном смысле не имеющие отношения[6].

Можно привести и еще множество примеров такого безудержного панафганизма, но, мне кажется, и этих достаточно, чтобы составить себе представление о безмерных притязаниях на чужие культуры, которые по праву принадлежат другим народам, в первую очередь узбекам и таджикам.

1 «Кабул», 1931, № 2; статья Гобара «Афганистан и взгляд на его историю», стр. 43—44.

2 «Кабул», 1931, № 5, та же статья, стр. 33.

3 «Кабул», 1932, № 2, стр. 40.

4 «Кабул», 1932, № 11, статья Сервер-хана, стр. 61 и сл.

5 «Кабул», 1932, № 9, статья Сервер-хана, «Знаменитости Афганистана», стр. 48—52, продолжение в следующих номерах; «Седьмая книга месневий» Джелаледдина — «Кабул», 1937, № 72, стр. 22 и сл.

6 «Кабул», 1948, №№ 9 и 12, статья Аминуллы-хана «Зумарлая» — «Военные знаменитости Афганистана».

Все вышеотмеченное, на что претендуют современные афганцы, возникло задолго до консолидации афганского народа, афганской нации, многое из того развилось и упрочилось на совершенно иной территории, чем та, что принадлежит афганской нации, следовательно, противоречит известному и очень четкому определению И. В. Сталина: «Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории».[1] Если же мы примем во внимание, что многое из того, что теперешние афганцы считают своим, афганским, возникшим на территории современного Афганистана, создано совсем другими национальностями, не объединенными с афганцами ни общностью языка, ни историческими судьбами, то притязания на культуру таких народов, включение таких культур в одну общую афганскую культуру может быть рассматриваемо как проявление крайнего афганского национализма наших дней.

Из всего сказанного очевидна необходимость разоблачения утверждений пантюркистов и панафганистов, стремящихся присвоить культурное прошлое народов Средней Азии и поставивших свои шовинистические теории на службу империалистическим политикам.

Пора также покончить с космополитическими ошибками наших востоковедов, филологов и историков, ибо эти ошибки льют воду на мельницу наших врагов.

В. Ю. Захидов отметил, что на Востоке, в Средней Азии, не было централизованного государства даже в таких империях, как Чингиза и Тимура. Столь догматическое утверждение совершенно противоречит исторической правде. Даже при первых преемниках Чингиз-хана огромная власть «великих ханов», сидевших в Монголии, довлела над всеми и ощущалась во всех концах громадной империи. Умный и наблюдательный францисканец Плано Карпини, отправленный папою Иннокентием IV в 1246 г. к татарам и проехавший все их владения до далекой Монголии включительно, видевший вступление на престол Гуюка, в таких словах охарактеризовал централизацию монгольской державы:

«Император этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам,

1 И. В. Сталин, Соч., т. II, стр. 294.

тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия»[1], т. е. сохранялся введенный Чингиз-ханом военный строй подданных, делившихся на тысячи, сотни и десятки. И Карпини подчеркивает это хотя бы тем фактом, что Батый, приняв папских послов в великую пятницу, на следующий день отдал распоряжение, чтобы они, несмотря на болезненное состояние, безотлагательно ехали в Монголию к «великому хану».

Даже назначение уйгурских секретарей к таким владетелям улусов, как Золотая орда «Джучиев и Джагатаев», происходило путем командирования их «великим ханом».

Что касается государства Тимура, то едва ли можно сомневаться в его централизации. Достаточно прочесть в описании путешествия испанского посла Клавихо о том, как образцово содержалось движение в столице Тимура и по дорогам его обширных владений, как бесперебойно доставляли туда всякие вести и разных послов, как все пути были снабжены помильными столбами, как Тимура всегда сопровождали многочисленные правительственные чиновники, ведавшие теми или иными государственными делами и приводившие в исполнение все распоряжения Тимура, как по бумагам Тимура за его печатью «все исполнялось без малейшего промедления в тот же день и в тот же час». Правда, все это поддерживалось мерами жестокими, ибо это была эпоха, когда пред террором одного человека дрожала половина Азии, но тем не менее империя Тимура была вполне централизованным государством. И в последующие эпохи мы видим в Средней Азии и в сопредельных с нею странах существование таких централизованных государств, в которых верховная власть не оспаривалась феодалами, вполне ведала всеми делами государства и все ей подчинялись. Даже в XIX в. мы видим, до каких последних пределов доходила централизация государственного аппарата мангытов Бухары. Конечно, в азиатских централизованных государствах не было стабильности, не было у них прочного и длительного существования; они быстро распадались и потом, при других исторических условиях, снова возникали.

Докладчик считает также, что феодальная раздробленность, насколько я понял его, весьма способствовала понижению культурного уровня народа и вызывала регресс в науке, но в действительности мы в истории наблюдаем и противоположное: например, Киевская Русь, несмотря на ее раздробленность на отдельные княжества, являет нам образцы высокой культуры и духовного развития; XI в. для Средней Азии с Ираном был веком большой политической слабости, но он дал миру Авиценну (Ибн-Сина), Бируни, Насыр-и-Хосрова, Омара Хайяма, Ал-Газамая и других знаменитостей.

[1] Плано Карпини, История Монголии, перев.; СПБ; 1911; стр. 23.

Второе: В. Ю. Захидов отмечал крайне реакционную деятельность в Самарканде Ходжа Ахрара, указал, что тот участвовал в убийстве Улугбека. Откуда это видно?! Улугбек был убит в 1449 г., когда Ходжа Ахрар проживал в Ташкенте, не принимал никакого участия в политической жизни страны, а переселение его в Самарканд связано со временем его доброхота и почитателя Абу-Саида Мирзы, вступившего на самаркандский престол в 1452 г. Только после этого по просьбе Абу-Саида Мирзы Ходжа Ахрар переселился в Самарканд[1], иначе говоря, он появился там после убийства Улугбека. Кстати, отмечу одно обстоятельство, на которое никто из историков и философов не обратил внимания,

У Улугбека и Ходжа Ахрара был один и тот же духовный наставник, которого оба они весьма почитали и уважали, — Касим-и-Анвар, придерживавшийся самых крайних рационалистических воззрений. Известный современник Навои — Джами говорит, что лично он не знал Касим-и-Анвара, но много общался с его учениками и пришел к заключению, что они перестали быть мусульманами. Ходжа Ахрар четыре года был его учеником в Герате, а когда Касим-и-Анвара оттуда изгнали, он нашел самый радушный прием в Самарканде у Улугбека, который стал его усердным учеником.

В докладе Р. Н. Набиева меня, если я правильно понял его, удивило очень определенное утверждение со ссылкой на проф. Толстова, что пришедшие в Среднюю Азию во II в. до н. э. тохары, основавшие обширное государство на развалинах греко-бактрийского царства, были тюрки. Догматичность такого утверждения ни на чем не основана. Тохары были пришельцами с Востока, из-под Хотана. Там в начале нынешнего столетия были найдены фрагменты тохарской письменности. Язык этих памятников свидетельствует о существовании там когда-то двух, ныне безусловно мертвых, языков, из которых один, более южный, принадлежит к индоевропейскому корню, не будучи ни индийским, ни иранским,

[1] Рэшэхат, стр. 290.

и, за неимением иных материалов, не обследован в достаточной мере. Другой, существовавший севернее первого, обследован несколько подробнее. В нем встречаются слова, присущие циклу европейских языков. Правда, вопрос о месте тохарского языка среди других остается не определенным, но в памятниках буддийской литературы на тюркском языке упоминается, как один из буддийских литературных языков— тохарский, который тюрки, повидимому, не считали своим.

Мне думается, что во всех таких спорных или неясных вопросах нельзя полагаться на мнение одного ученого, на определенную этикетку. Надо самому посмотреть, порыться в других источниках, ибо следование штампам несвойственно науке. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Объявляю перерыв до 11 часов утра.

Утреннее заседание 27 апреля 1949 г.

М. Айбек. Продолжаем наше заседание.

Слово имеет кандидат филологических наук тов. М. А. Салье.

М. А. Салье. Вопросы, для обсуждения которых мы собрались, имеют самое актуальное значение для нас. В связи с этими вопросами, по моему мнению и, думаю, по мнению других, очень существенным и важным является вопрос о космополитических ошибках в нашей науке. Должен сказать, что подобного рода ошибки имеются и в моих востоковедческих работах. Я имею в виду «Очерки по истории узбекской литературы», напечатанные в 1947 г. в журнале «Звезда Востока».

Беря слово, я отнюдь не собираюсь оспаривать утверждения моих критиков, но для того, чтобы показать и объяснить происхождение этих ошибок, мне хочется остановиться на некоторых общих вопросах.

Основной из моих ошибок я считаю игнорирование самостоятельности культуры узбекского народа, сводящееся, в конечном итоге, к отрицанию этой самостоятельности.

В связи с этим мне придется сказать несколько слов относительно так называемой арабской и иранской культуры. Я буду говорить главным образом о культуре арабской, в которой я себя считаю несколько большим специалистом, так как я все-таки арабист.

В нашей печати, в частности в статьях Климовича, вопрос о степени влияния арабской культуры на культуру народов Средней Азии подвергнут детальному обсуждению, тем не менее я считаю возможным и целесообразным кое-что добавить. Мне придется говорить об истинах, которые я в значительной мере считаю азбучными, и тем более печально, что, как приходится констатировать, эти азбучные истины были усвоены далеко не всеми, и, в частности, мною самим.

Что же такое, в сущности, арабская культура? Некоторые ученые проводят мысль, что культура народов Средней Азии, особенно в первые века ислама, была привозная и создана не на территории Средней Азии, а на родине ее завоевателей — арабов.

Правильно ли такое утверждение? Конечно, абсолютно неправильно. Опровержение этого можно найти в любом учебнике истории ислама, хотя бы и истории ислама Мюллера, переведенной на русский язык. Никакой культуры в том смысле, как мы это слово понимаем, у арабов-кочевников, которые пришли из аравийской пустыни, не было. Они пришли в Среднюю Азию и застали там культуру, неизмеримо более высокую, чем та, которой располагали сами. И совершенно ясно, что никакой арабской культуры в собственном смысле этого слова, в тот период, когда они завоевывали новые страны, не было. Тем более не существовало ее позднее.

Теперь, если мы возьмем так называемую арабскую литературу, т. е. литературу, написанную на арабском языке, и посмотрим, кто были авторами тех произведений, которые вошли в область «арабской» литературы и считались ее элементами, то увидим следующее.

Исследуя историю арабской литературы Брокельмана, мы обнаруживаем, что подавляющее большинство произведений, написанных на арабском языке в первые века и тем более в последующие века ислама, принадлежит не арабам по крови, не арабам по происхождению, ибо арабским в них предстает лишь язык. Украшением арабской литературы, в том смысле, как ее понимали раньше, являются географические сочинения. Но среди арабских географов — авторов этих сочинений — мне удалось найти только одного, который может назвать себя арабом — это Хамдани, родившийся в южной Аравии. Все остальные — не арабы, и большинство этих географов, в том числе и самые ранние из них — иранского происхождения.

Следовательно, мы не имеем никаких основательных

данных для того, чтобы говорить об арабской культуре в том смысле, как этот термин употреблялся до сих пор.

Еще одно. Если говорить, что в первые века ислама культура Средней Азии была арабского происхождения, что эта культура была создана арабами, то, даже если игнорировать только что сказанное мною, этот тезис недоказуем, потому что не осталось ни одного произведения, относящегося к указанной эпохе. Они до нас не дошли, если вообще были созданы.

Следовательно, эта гипотеза не имеет никакого подтверждения в действительности. Нельзя предъявить ни одного произведения, которое могло бы служить образцом этой культуры завоевателей. Всем известно, это азбучная истина, что арабский язык, как государственный, как язык деловых сношений, и арабские надписи на монетах появляются лишь в конце VIII в. До этого времени арабский язык еще не мог выступить в качестве государственного языка, языка деловых сношений. Канцелярским же языком является местный язык исконных обитателей Средней Азии.

Следовательно, даже в области языка, который должен был быть государственным языком, арабы не сразу получили гегемонию. Как же получили они ее впоследствии? Арабский язык — язык религии, язык корана, язык ислама — насаждался завоевателями насильственными средствами.

Все мы знаем, что все, что можно было бы назвать «арабской культурой» в чистом виде, есть фактически нечто абсолютно антикультурное, это—разрушение. Арабы приносили с собой ислам, огонь, меч и больше ничего. Та культура, которую они заставали на месте, которую они находили, завоевывая новые области, сейчас же начинала применяться ими в том смысле, что они пользовались учреждениями, созданными до них. Даже такие казалось бы коренные арабские институты, как податная система, по исследованиям А. Ю. Якубовского, тоже были заимствованы у сасанидского Ирана.

Теперь относительно ошибок нашего литературоведения. Наиболее серьезной и вредной ошибкой литературоведов является, как я уже сказал, отрицание самостоятельности культуры узбекского народа. Оно возникло на почве некритического, так сказать, преклонения перед той культурой, которую, опять-таки не совсем справедливо, называли иранской. И моя ошибка и ошибка многих из нас заключалась именно в том, что в этом отношении мы слепо следовали старой науке.

Я не хочу ни в какой мере перекладывать бремя своих

ошибок на плечи тех ученых, которые отстаивали эту точку зрения. Раз я писал, я виноват, так что то, что я говорю, есть не оправдание, а лишь объяснение — откуда все это произошло. Вчера мы уже слышали о том, к чему это в конце концов привело одного из наших крупнейших востоковедов — Е. Э. Бертельса. Должен сказать, что в этом отношении мы слепо следовали вредным, антинаучным традициям. Я, в частности, и многие другие товарищи, вместо того, чтобы анализировать то или иное произведение узбекской литературы самостоятельно, пытались провести какую-то нить, которая связывает его с другой литературой, с другой культурой. В этом, конечно, наша ошибка, за которую каждый из нас должен отвечать сам.

Относительно заблуждений Е. Э. Бертельса здесь уже достаточно говорилось. Я хотел бы добавить лишь одну небольшую деталь. Наибольшим нападком, и совершенно справедливо, подвергалась его последняя книга — «Роман об Александре», при этом отмечалось, что Е. Э. Бертельс всячески старался доказать оригинальность Алишера Навои, но получалось у него зачастую совершенно обратное.

Так, например, он говорит о том, что в первых двух строках поэмы Навои «Стена Искандера» дается противопоставление шаха и нищего. Он пишет: «Как оригинально, смотрите: в одной строке «шах», в другой — «нищий» и тут же делает примечание, что это совсем не оригинально, что такого рода противопоставления делали много раз. Это, действительно, самое распространенное противопоставление, к которому часто прибегают.

В работах многих литературоведов исследуемое произведение рассматривается в полном отрыве от конкретной исторической действительности. Мы должны были бы поступать совершенно иначе: изучая то или иное произведение, следует рассматривать его в свете той идейно-политической обстановки, которая была характерна для данной эпохи. Нарушение этого элементарного методологического принципа — вторая моя серьезная ошибка.

На чью мельницу льют воду подобного рода ошибки, в этой аудитории говорить нет нужды, совершенно ясно, что все мы, повинные в таких ошибках, приносили большой вред науке и, вольно или невольно, помогали нашим зарубежным врагам. Я приветствую слова одного из выступавших, который говорил, что в этой области нам следует перейти в наступление. Я не уверен, что такого рода наступлению содей-

ствует произнесенный здесь призыв: спокойно «строить науку», не обращая внимания на то, что говорят о нас за границей.

Есть в моих работах и другие ошибки, но они менее важны, и, может быть, не стоит затруднять внимание собравшихся их анализом. Могу сказать, что считаю своей большой ошибкой, отмеченной и прессой, в частности в статье тов. Климовича, излишнее, а может быть и совсем ненужное, подчеркивание психологического фактора в творчестве писателя. Я ошибочно старался объяснить некоторые литературные явления субъективными чувствами и переживаниями их авторов, применял ошибочный и антинаучный «психологический» метод.

Мне хотелось бы заверить, что год, истекший с тех пор, как я подвергся справедливой критике, не прошел для меня даром, и я надеюсь, что сумею это доказать в своей дальнейшей работе.

М. Айбек. Слово имеет научный сотрудник Ташкентской Обсерватории тов. Г. Джалялов.

Г. Джалялов. Р. Н. Набиев в своем докладе цитировал одну фразу из моей статьи, написанной в 1946 г., напечатанной в Астрономическом журнале Академии Наук СССР в 1947 г. и названной там «Секстант как главный инструмент обсерватории Улугбека».

Тов. Набиев, во-первых, не знал и не был знаком с историей обсерваторий, особенно обсерватории Улугбека. Видимо, он не познакомился с моей статьей детально. В ней Академией Наук СССР сделано сообщение об одной новости, о которой мировая наука до сих пор не знала.

Для меня исходным пунктом служила статья Гияс ад-дина Джемшида «Описание инструментов обсерватории» и другие источники. Моя статья была связана главным образом с именем Гияс ад-дина Джемшида. Это был узбекский ученый, который родился в гор. Чусте, то есть на территории нынешней Наманганской области УзССР. Гияс ад-дин Джемшид не жил постоянно на одном месте. До приезда в Самарканд он путешествовал по различным городам и странам тимуридов и вел астрономические наблюдения. Гияс ад-дин Джемшид был старше Улугбека на 30 лет, с 1417 года он жил в Самарканде в течение 25 лет и работал в обсерватории до самой смерти. До приезда в Самарканд Гияс ад-дин Джемшид жил в гор. Кашане, который управлялся отцом Улугбека Шахрухом. Чтобы отличить Гияс ад-дина Джемшида от дру-

гих, его стали называть Гияс ад-дин Каши. Тогда было много таких одноименных названий. Улугбека обыкновенно величали Мугис-ад-дином. Характерно, что и везира Шахруха также именовали Гияс ад-дином Джемшидом, но в отличие от других называли еще Коруни.

В своей статье я совсем не умалял роль Улугбека, как создателя обсерватории. Я сейчас зачитаю это место: «В центре внимания большого собрания астрономического съезда, созванного в Самарканде Улугбеком, куда приехал из гор. Кашана и автор упомянутой статьи, обсуждался вопрос о постройке секстанта и всей обсерватории в целом».

Как видите, Улугбек был не прорабом, а действительным организатором этого большого дела.

В самом начале статьи я сказал, что Самаркандская обсерватория создана в начале XV в. Улугбеком. По литературным источникам, а также по раскопкам видно, что это было грандиозное красивое здание, подобного которому в то время народы не видели, настолько оно было величественно.

Кроме того, Улугбек был большим государственным деятелем, и территория его управления была очень обширна (Кашгар, западная часть Хотана и Северный Казахстан).

С 30 годов XV в. Улугбек стал меньше заниматься государственной деятельностью, начал больше бывать в обсерватории и работать над составлением своего труда.

Р. Н. Набиев взял из моей статьи фразу о том, что Каши был учителем Улугбека, конструктором и руководителем обсерватории. Но это было сказано языком Улугбека. Посмотрите рукописи, хранящиеся в Институте восточных рукописей Академии Наук за № 2118, страница 2, № 1825, том II № 1854, относящиеся к обсерватории.

Моя ошибка заключается в том, что, следуя некоторым авторитетам, я называл Гияс ад-дина Джемшида Каши вместо Чусти. Дам некоторое разъяснение.

Практика астрономов древних и средних веков показала необходимость сооружения обсерватории хотя бы один раз в два-три столетия. В I, II и III вв. со времени деятельности Багдадской и Ширазской обсерваторий возникла необходимость постройки новой обсерватории. Она была сооружена в Мараге. В результате наблюдений за светилами вышли «Ильхановы таблицы». Астрономы пользовались ими до начала XV в. В то время расхождение между табличными местами планет и фактически наблюденными достигало большой величины. Чтобы составить астрономические таблицы, соответ-

ствующие позднейшим наблюдениям планетного мира, в седьмом году XV в. приступили к постройке обсерватории в гор. Давлатабаде в Индии, но по каким-то причинам она не была достроена.

Чтобы снабдить астрономов хорошими таблицами на несколько лет, можно было исправить некоторую часть «Ильхановых таблиц», не прибегая к сооружению новой обсерватории. Такую задачу решил узбекский ученый Гияс ад-дин Джемшид в своем труде «Хакановы таблицы» — улучшенные (усовершенствованные) «Ильхановы таблицы». Этот труд, написанный в 1414 г., был посвящен Шахруху — отцу Улугбека. Но, чтобы обеспечить астрономов-практиков лучшими таблицами на десяток лет вперед, надо было построить обсерваторию, по поводу чего еще до 1414 г. Гияс ад-дин Джемшид обратился к Мирзе Искандеру, двоюродному брату Улугбека.

Этот факт доказывается статьей Джемшида, написанной в январе 1416 г. Мирзе Искандеру. Неоднократные научные беседы Улугбека с Джемшидом привели к решению — построить обсерваторию в Самарканде.

Вот какова история возникновения обсерваторий в Средней Азии вообще и обсерватории Улугбека в частности. Такого освещения истории нет в некоторых статьях, опубликованных за последнее время в изданиях Академии Наук УзССР. Например, в сборнике научных докладов на сессии Академии в июне 1947 г. помещена статья проф. Т. Н. Кары-Ниязова под названием «Обсерватория Улугбека в свете новых данных». В одном месте этой статьи сказано, что Улугбек поставил перед собой задачу: сделать генеральную ревизию астрономических таблиц, данных обсерваториями прежних времен. В другом месте статьи говорится о том, что сразу же после смерти Улугбека его обсерватория прекратила свою деятельность, наука астрономия на мусульманском Востоке замерла и возродилась лишь спустя три века в Индии.

С точки зрения истории астрономической науки такая трактовка неверна, антинаучна. Почему? Возникла необходимость создать обсерваторию — Улугбек сделал это. Надо было дать элементы движений планет на основе тридцатилетних наблюдений — Улугбек осуществил это в своем астрономическом труде. С завершением этой работы обсерватория Улугбека выполнила свою задачу. Поэтому ее деятельность должна была прекратиться на несколько сот лет, по крайней мере, на несколько десятков лет.

Труд Улугбека был рассчитан на использование его будущими поколениями.

Использовали их будущие поколения? Да, использовали. Изучали ли труд Улугбека? Да, изучали.

Есть масса документов, хранящихся в Институте восточных рукописей Академии Наук УзССР, которые подтверждают этот факт.

По словам проф. Т. Н. Кары-Ниязова получается, что Улугбеку захотелось проверить прежние астрономические таблицы, для чего он создал большую и красивую обсерваторию. На самом же деле ошибочность астрономических таблиц была выявлена задолго до Улугбека. У всякого читателя на первый взгляд возникает мнение, что Т. Н. Кары-Ниязов поднял роль Улугбека и его обсерватории. Если же обратить внимание на вышеуказанное, то получится, что он, наоборот, умаляет роль Улугбека. Сама практика всегда принуждала строить обсерватории. Привожу слова И. В. Сталина: «Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птоломея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека»[1]. Из слов вождя ясно, что если бы не было нужды в астрономии, то не строились бы и обсерватории, не развивалась бы наука — астрономия, и мы не достигли бы ее современных вершин.

Товарищи, вообще как-то умаляется деятельность Улугбека в области астрономии и работа его обсерватории. Например, я имею в виду статью Е. Д. Мемедбейли, она называется «Из истории Марагинской обсерватории» и помещена в изданных Академией Наук СССР «Трудах совещания по истории естествознания» (24 — 26 декабря 1946 года). Мемедбейли в одном месте говорит: «Очень интересно то, что некоторые авторы, стремясь похвалить обсерваторию Улугбека, приписывают ей работу Марагинской обсерватории, этим умаляют достоинство обеих обсерваторий». Для этого он берет из брошюры проф. М. Е. Массона 2—3 числа и как бы на этом основывается. В заключение же говорится: «а это значит, что если в обсерватории Улугбека и занимались самостоятельным определением значения наклона эклиптики, то наибольшая

[1] И. В. Сталин. Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.

ошибка была бы 43 секунды. Поэтому мы подвергли сомнению самостоятельность определения значения наклона эклиптики в обсерватории Улугбека. К сожалению, из-за отсутствия у нас первоисточников нет возможности бесспорно доказать справедливость высказанного мнения». Видно, что Мемедбейли, не имея перед собой труда самого Улугбека, делает неправильное заключение. «Произведенные нами исследования, — пишет далее Мемедбейли,—показали, что указанные таблицы составлены им в Марагинской обсерватории. При составлении «Зидж» Улугбека эта таблица просто-напросто включена в него, именно она, как упоминалось, была переведена на латинский язык и напечатана в 1652 г. в Лондоне».

В этом году намечается осенью провести юбилей Улугбека. Подготовку к нему ведет Ташкентская астрономическая обсерватория. У нас есть материал о том, что Улугбек в отношении изучения планетных систем сделал очень много и что до него такие работы не выполнялись. Все это будет отражено в трудах обсерватории.

М. Айбек. Слово имеет кандидат филологических наук Т. Салимов.

Т. Салимов. Товарищи Захидов и Набиев в своих обстоятельных докладах дали глубокий анализ классовой сущности пантюркизма, панираниэма, панисламизма и прочих крайне враждебных идеологий буржуазии зарубежного Востока.

Буржуазия Востока всегда отличалась своей реакционностью, трусливостью перед народной революцией и в виду этого—своими контрреволюционными действиями, своей полной зависимостью от империалистов Запада. Прикрывая свои классовые интересы, как указывал Маркс, «лживым языком», она во весь голос кричала о раскрепощении нации, всеми средствами отравляла массы ядом национализма, чтобы задушить классовую борьбу внутри нации и страны. Так как буржуазия была слаба в своей позиции и недоверчиво относилась к своей нации, она пустила в обиход пропаганду об единении народов по языковым сходствам, по принципам верования, тем самым ища себе опору в реакционных кругах других стран.

Таковы социальные основы возникновения пантюркизма, панираниэма, панисламизма феодально-буржуазного Востока.

Эти идеологии отличаются лишь по названиям, а по содержанию дополняют друг друга.

Буржуазия Востока, как и буржуазия всех стран, чтобы сохранить свою шкуру, прибегает к различным методам: к лицемерию, к обману, к террору, к измене своей стране и народу. Она использует все методы авантюризма, нагло искажает, фальсифицирует историю народов и стран, стремится держать свою нацию в невежестве, чтобы не создавать ей возможностей раскрепощения.

В то время, как под влиянием русской революции 1905 г. быстро распространилась волна освободительного движения на Востоке, когда Великая Октябрьская социалистическая революция, разделив мир на два лагеря, разбудила революционное движение во всех странах, напуганная народной революцией буржуазия Востока под эгидой империалистических держав Запада стала усердно распространять идеологию пантюркизма, панисламизма, панирапизма, паназиатизма.

Эти идеологические разновидности буржуазного Востока были и остаются для империалистов тем орудием, при помощи которого они распространяют различные антисоветские измышления, чтобы покорить народы и завоевать мировое господство. Так используются они и теперь поджигателями новой войны. Народы этих стран получают взамен голод и нищету, бескультурье, отсталость в экономике, культуре, науке.

Когда читаешь так называемые «ученые труды», посвященные вопросам языкознания, например «исследования» прославленных в своей стране турецких профессоров, даже членов турецкой Академии, получаешь полное разочарование, невольно вспоминаешь науку раннего буржуазного Запада, если не средневековья. Турецкая наука наивна в толковании языковых фактов, крайне консервативна, фальшива, потому и вредна в лингвистической мысли.

Она в различных видах повторяет все те реакционные мысли индоевропейской лингвистики, которые были отвергнуты даже самим ходом буржуазного языкознания последующего периода. Она, не говоря уже о методологических порочностях, на целый век, если не больше, отстала от методики исследования языковых фактов. Турецкая лингвистическая наука, если вообще можно назвать ее наукой, на протяжении всей своей незавидной истории не создала ничего оригинального, не выдвинула ни одного достойного ученого. Она подражает индоевропейской лингвистике, заимствует и грубо переносит на турецкую почву уже отжившие, реакционные взгляды западноевропейского языкознания.

Турецкая лингвистическая наука своим зарождением и формированием прежде всего и больше всего обязана русской тюркологической науке. Она обогатила себя благодаря научным открытиям русских ученых-тюркологов, труды которых переведены на турецкий язык.

Турецкие лингвисты, как можно было ожидать, бесстыдно изменили и изменяют своим учителям — русским тюркологам. Они искажают научные мысли русских ученых, отбирают у них все те реакционные мысли, которые им необходимы для культивирования пантюркизма.

Турецкая наука, как и все буржуазные науки, переживает острый кризис. Чтобы развиваться, она не может опереться на экономику, на материальную и духовную культуру своей страны, ибо страна находится на грани гибели вследствие проникновения в нее англо-американской «цивилизации».

Зарубежный Восток не может гордиться своими выдающимися деятелями науки, культуры, литературы. Его история не выдвигала их. Но буржуазии стран зарубежного Востока это положение не по вкусу. Чтобы хотя бы на время укрепить свои позиции, им нет другого выхода, кроме как фальсифицировать историю. Потому-то, опираясь на языковые сходства или на формальные признаки языка, они объявляют таких великих мыслителей народов Советского Востока, как Навои, Низами, Фузули, Джами, ибн-Сина, Улугбек и т. п. турецкими, иранскими или арабскими учеными, ища себе защиту в их творениях.

История этих стран не только не создала великих мужей науки и культуры, она даже не выработала определенных исторических названий для народов этих стран. Например, основной народ, населяющий Малую Азию, называет себя турками. Турки—одно из древних племен Средней Азии. Впоследствии оно, утратив свой этнический характер, приобрело общее название по языковым сходствам, по языковой системе. С исконных времен в Средней Азии столкнулись две языковые системы, которые были приняты в лингвистике: тюркская и иранская. В древние времена тюрками называли себя народы и племена, не говорившие на языках и наречиях так называемой иранской языковой системы.

Исторические факты свидетельствуют о том, что народ современной Малой Азии по языковым и этническим признакам имеет нечто общее скорее с огузскими племенами, нежели с тюркским, как убедительно показал это еще Махмуд Кашгарский.

Турки на протяжении ряда веков называли себя, в отличие от других тюркоязычных народов, османскими тюрками, от имени основателя Оттоманской империи в Малой Азии. Но это название, так же как и огуз, было неприемлемо с точки зрения пропаганды пантюркизма. С той же целью впоследствии ими искусственно были присвоены имена мифического племени турок, которые были узаконены после так называемого кемалистского переворота в Турции.

Название турок для османских проповедников расистской «теории» послужило тем историческим аргументом, при помощи которого они усердно распространяют всякие небылицы о якобы первоначальном единстве тюркоязычных народов и языков. «Теоретически» закрепляя это тенденциозное положение, небезызвестный тюрколог XIX в. Казем-бек писал, что «современные тюркистские диалекты представляют собою скудные, обедневшие остатки первоначального богатства».

Руководствуясь подобными положениями, пантюркисты, в первую очередь анатолийские, всячески пытались и теперь пытаются игнорировать самостоятельность в развитии, самобытность культуры и языков тюркоязычных народов. Этим самым они нагло приписывают себе все те материальные и духовные ценности, которые были созданы лучшими умами узбеков, азербайджанцев и других народов Советского Востока. Более того, они стремятся навязать свою культуру, отравленную идеей пантюркизма, всем народам тюркоязычной системы. Анатолийские пантюркисты были вдохновителями создания искусственного, так называемого «общетюркского языка» на основе османского языка. Эта вредная для тюркоязычных народов идея пропагандировалась агентами пантюркизма в узбекской, татарской, азербайджанской, казахской и другой периодической прессе, в дореволюционном, а частично и в послереволюционном периоде. В результате османские элементы проникали, как идеологическая контрабанда, в язык тогдашней периодической печати.

Вся продажная «деятельность» пантюркистов в области истории литературы и языка подчинена этой цели.

История убедительно доказывает, что языки, составляющие общность в языковой структуре, не есть результат первоначального единства, а наоборот, являются продуктом позднейшего явления, созданного самим ходом общественно-исторического развития.

Товарищи Захидов и Набиев в своих докладах широко осветили вопрос о самобытности узбекской культуры, вместе

с тем дали сокрушительную критику востоковедов, литературоведов, труды которых пропитаны буржуазной идеологией пантюркизма, панираназма, космополитизма.

Я хочу закрепить эти высказывания наших докладчиков некоторыми данными из истории узбекского языка.

Узбекский язык — один из древнейших языков Средней Азии. Он формировался на протяжении длительного периода на основе различных племенных языков и диалектов, носители которых исторически были связаны с формированием, возрождением узбекского народа.

Узбекский язык в рамках историко-сравнительного изучения тюркских языков давно привлекал к себе внимание мировых тюркологов. Среди них первыми были русские тюркологи. Научные открытия и мысли Казем-бека, Бартольда, Радлова, Корша, Мелиоранского, Ильминского, Гордлевского, Дмитриева, Малова, Юдахина и других были обобщены и обобщаются тюркологами других стран, в первую очередь западноевропейскими.

По известным причинам особое значение приобрело изучение древнеузбекского и староузбекского языка. Так как изучение языка уникальных узбекских письменных памятников рассматривалось с позиции сравнительного метода индоевропейской школы, поскольку языковые факты толковались в отрыве от истории народа, с точки зрения «общетюркского праязыка», поскольку исследователи опирались на те формальные наименования языка, которые были употреблены в письменных памятниках древности, — естественно, что были даны неправильные представления об историческом развитии узбекского языка, о некоторых древних памятниках письменности, которые западноевропейскими ориенталистами по известным причинам все еще принимаются за общетюркские.

Язык, который является государственным языком нашей республики, по историческим обстоятельствам и условиям на протяжении веков несколько раз менял свое название — тюркский, уйгурский, чагатайский, кипчакский, узбекский. Эти названия были заимствованы либо от наименований древнеузбекских племен (тюркский, уйгурский, кипчакский), либо от имени правителей минувших времен (чагатайский, узбекский).

Названия менялись, но язык как фактор культуры, как орудие борьбы развивался с исторической последовательностью.

Буржуазные востоковеды, тюркологи, опираясь на формальное название «узбек», историю узбекского языка начинают с XVI в., оторвав от нее так называемые «уйгурский» и «чагатайский» периоды языка. Между тем название «узбек», главным образом как политическое, проникло в Мавераннахр в период нашествия шейбанидов и укоренилось в результате распространения и укрепления их господства.

Буржуазные тюркологи, развивая далее свои мысли, утверждают, что так называемые уйгурский и чагатайский языки являются мертвыми или искусственно созданными, не имеют своего наследия и являются языками общетюркскими. Исходя из этой неправильной точки зрения, они Навои, например, в одном случае считают турком, в другом чагатаем, каковой взгляд усердно распространяют западноевропейские тюркологи и анатолийские пантюркисты. В третьем случае они считают Навои уйгуром, с чем согласен, к нашему сожалению, и уважаемый нами проф. Семенов, но только не узбеком.

Эти заблуждения, созданные буржуазными тюркологами, естественно дали тов. Климовичу основание определить языковый памятник XIV в. «Хосров и Ширин» Кутба уйгурско-кипчакским, как это утверждал в свое время Самойлович.

Между тем формирование узбекского языка с исконных времен связано с возрождением Мавераннахра и Хорезма, пути развития узбекской литературы неразрывно связаны с так называемым чагатайским и т. п. языками, которые по историческим обстоятельствам носили различные названия.

Буржуазные тюркологи, опираясь на свою порочную и уже отжившую методологию, естественно, не были в состоянии определить пути развития узбекского языка, не могли связать языковые факты с явлениями истории, материальной культуры, с общественно-политической, экономической, одним словом, с исторической жизнью узбекского народа, которая по существу породила языковые факты, изменяла и развивала их в различные эпохи. Буржуазные тюркологи, далее, определяли периодизацию истории узбекского языка по времени царствования правителей, без учета общественно-исторического развития узбеков. Этой болезнью страдал и я, она отразилась в составленной мною программе истории узбекского языка.

Эта болезнь явилась результатом, прежде всего, некритического освоения всего того, что было создано старшими поколениями востоковедов и тюркологов, продуктом неразработанности периодизации истории узбекского народа. В отношении периодизации наши историки мало еще что сделали, видимо, и для них, к сожалению, это является проблемой.

Правда, за последнее время наши историки создали значительные работы, освещающие те или иные периоды истории нашего народа. Но надо теперь увязать их, расширить исследования. Если работники науки ведут свои исследования изолированно, то можно не сомневаться, что они проиграют в своих научных изысканиях. Мы должны координировать свои усилия и, руководствуясь великими творениями классиков марксизма-ленинизма, создать подлинно научную историю нашего народа и тем самым спасти ее от покушений пантюркистов, космополитов и прочих паразитов общественно-исторического развития.

К этому делу необходимо привлечь историков материальной культуры, археологов, этнографов, фольклористов, литературоведов, языковедов и работников других наук.

Эту почетную задачу обязана выполнить Академия Наук УзССР. **(Аплодисменты).**

Хочу еще остановиться на выступлении проф. Семенова. А. А. Семенов упрекает В. Ю. Захидова в том, что тот в своем докладе высказал мнение, что Ходжа Ахрар был участником злодейского убийства Улугбека. Профессор привел данные о том, что в 1449 г. Ходжа Ахрар находился в Ташкенте и потому не мог быть участником убийства. Мы охотно верим тому факту, что Ходжа Ахрар действительно не задушил лично своими собственными руками Улугбека. Но он как мракобес, как злейший враг знания злодейски действовал через своих агентов, которых тщательно подготовлял в течение ряда лет.

В. Ю. Захидов, по-моему, не утверждал, что Улугбек был убит лично Ходжа Ахраром. Он имел в виду, как мне кажется, то, что злодейское покушение на Улугбека было осуществлено реакционными кругами мусульманского духовенства, проповедниками мракобесия, теми злейшими врагами прогресса и культуры, покровителем и вождем которых был Ходжа Ахрар.

Ходжа Ахрар не мог и не был намерен своими руками убить Улугбека. Это не потому, что его совесть не позволила пойти на такой поступок, а потому, что своим личным действием он совершил бы величайшую глупость, разоблачив себя как убийцу в глазах правоверных мусульман, которые

волей-неволей оптимистично отнеслись к его «гуманностям». С точки зрения мусульманского духовенства, покушение на мусульманина считается тяжелым преступлением, большим грехом. Грешника-мусульманина духовенство сначала отлучает от религии, т. е. объявляет его не мусульманином, а затем, как неверующего, казнит.

Улугбека нельзя было отрешить от религии, трудно было считать его неверующим, ибо никто этому не поверил бы. Он не был атеистом, хотя в своих научных изысканиях отрицательно относился к религиозным воззрениям. Улугбек был правоверным мусульманином, искателем гуманности и справедливости в религии, к тому же мусульманским правителем Самарканда. Поэтому опасно было организовать открытое покушение. Оно подготовлялось и совершилось втайне. В том-то и заключалась хитрая политика злодея Ходжа Ахрара.

Как видим, проф. А. А. Семенов слишком наивно относится к «гуманностям» Ходжа Ахрара — его формальному отстранению от политики реакционных кругов феодального общества.

Проф. А. А. Семенов один из пионеров — исследователей нашего края. Он всю свою жизнь и научную деятельность посвятил изучению истории народов Средней Азии, собрал много ценных материалов.

Но беда в том, что проф. А. А. Семенов освещает эти ценнейшие материалы с позиций буржуазных востоковедов, не увязывает добытые факты с развитием производительных сил и производственных отношений, что могло бы быть отправным пунктом в изучении исторических материалов. Правда, он скромничал, утверждая, что повторял положения своих предшественников, но им создано не мало оригинальных работ.

Вследствие ссылок на известные авторитеты, некритического усвоения основных положений предшественников, у проф. А. А. Семенова отсутствует партийность в его исследовательской деятельности.

Свои дальнейшие исследования проф. А. А. Семенов должен увязать с политикой нашей большевистской партии, ибо только она одна может дать ученому правильную ориентацию.

Если мы, молодые работники в науке, ошибемся — это еще полбеды, ибо еще недостаточно усвоили все то богатейшее наследие, которое создано нашим народом. В этом вопросе выигрыш у проф. А. А. Семенова.

Мы глубоко уважаем и любим его за трудолюбие, за богатое знание материала, он так же, кажется, любит и нас. Но как бы мы его ни любили, и как бы он нас ни любил, — факт остается фактом, что у Александра Александровича, как мне известно, нет учеников. Он оторван от наших молодых кадров и, видимо, безразлично относится к их успехам, к их влечению к науке. Ведь это один из старейших профессоров нашей республики, один из основателей первого в Средней Азии университета.

Мы ценим наших старших ученых еще и за то, что они выращивают, по-отечески заботливо воспитывают молодые кадры науки, щедро передают им свои знания и опыт, соревнуются со своими учениками в науке. От этого они сами молодеют, непрерывно двигают науку вперед.

Мы хотим, чтобы Александр Александрович, не жалея времени и сил, постоянно помогал молодым историкам в усвоении ценнейших материалов истории народов Средней Азии, чтобы он в тесном содружестве с ними создал такие работы, которые отвечали бы возросшим требованиям советской исторической науки.

М. Айбек. Слово имеет кандидат филологических наук тов. Х. Х. Хамидов.

Х. Х. Хамидов. В деле коммунистического воспитания советской молодежи и всего нашего народа огромное значение имеют наши учебники и монографические труды наших литературоведов. К сожалению, в этих трудах, кстати сказать, весьма малочисленных, все еще имеют место серьезные недостатки формалистического и космополитического характера. Часто идеализируется феодальное прошлое с его придворными поэтами. Разбираясь в некоторых книгах по истории узбекского народа и его литературы, мы находим такие нелепые утверждения, как отрицание оригинальности и самобытности национальной литературы, приписывание ее к «единому общетюркскому потоку», подчеркивание приоритета иранской литературы и т. д. Так, например, в хрестоматии по истории узбекской литературы для педвузов нашей республики (изд. 1941 г.) сказано: «Образец дидактической литературы — «Кутодгу-билик» является в литературе тюркских народов первым подражанием произведению Фердоуси «Шах-намэ» (стр. 17).

В этой учебной книге феодальное прошлое с его ненавистными народу правителями и тиранией трактуется в идеализированном аспекте. Так, на стр. 299 Хусейну Байкаре

дается следующая характеристика: «Хусейн Байкара, вступив на престол, назначил Навои сначала хранителем печати, затем визирем. Собрав в Герат из различных стран Востока поэтов и ученых, он оказал им материальную и духовную поддержку».

Во втором томе этой хрестоматии, составленном узбекским литературоведом Шарафутдиновым (изд. 1945 г.), видим следующее формалистическое объяснение литературных явлений, идеализирующее феодально-придворных поэтов: «Придворные поэты Умархан Фазли, Гази, Хиджлят, Хазик и другие талантливые писатели увлекались стихосложением, подражая друг другу, и это оставило в их творчестве отрицательные последствия.

Вследствие этого господствовавшего тогда подражания в поэзии, литература превратилась в игру слов, что препятствовало ее обогащению новыми идеями и дальнейшему развитию» (стр. 192).

Разберемся в аналогичных ошибках Х. Зарифова, соавтора проф. Жирмунского по книге «Узбекский героический эпос», где оригинальное и самобытное творчество узбекского народа, вследствие изучения его порочным «сравнительным методом» Веселовского, приписано Ирану и другим зарубежным странам. В своей вступительной статье к сборнику «Современники Навои» (1948 г.), написанной уже после исторических решений партии по идеологическим вопросам и доклада тов. А. А. Жданова, Х. Зарифов пишет: «По образцу таких произведений Хусрова Дехлави (XIII в.), усовершенствовавшего литературный жанр лирических посланий («Нома», имею в виду его «Рухул Ошиқин» и «Мантиқул ушшоқ»), впервые на узбекском языке Хорезмий создал жанр лирического послания — Мухабатнома (стр. 6). Такие же нелепые утверждения мы встречаем в статье Х. Зарифова «Лютфи и Навои», помещенной в юбилейном сборнике «Великий узбекский поэт» (изд. Института языка и литературы АН УзССР, 1948).

Характеризуя поэму Дурбека «Юсуф и Зулайхо», он пишет: «Отдельные строки этой поэмы показывают, что для поэмы Дурбека основой служили персидские прозаические сказания об Иосифе Прекрасном; он мечтал стихотворно изложить этот сюжет и сочинить это сказание по версии мусульманской священной книги («Қур'ан»), а также по другим вариантам упомянутого сказания» (стр. 163).

Не ограничившись этим утверждением, подстрочным замечанием еще раз подчеркивая эту же мысль, навязывая

поэту Дурбеку подражательность персидским и другим поэтам, Х. Зарифов пишет: «Хотя Дурбек в своей поэме откровенно не говорит о своей осведомленности в произведении «Юсуф и Зулайхо» Фердоуси (932—934), Шахабутдина Амака Бухарского (умер в 1149 г.), Али (XIII в.) и Бурханитдина Рабгузи, несомненно можно предполагать, что Дурбек, кроме поэмы Амака, знал все подобные произведения».

Далее Х. Зарифов в таком же духе отзывается о творчестве узбекского поэта Лютфи. Он пишет: «Лютфи во многих местах своих творений подражал Камалу Ходженди. Исследование влияния Хафиза и Камала Ходженди на творчество Лютфи представляет собой большое дело.

Здесь ограничимся некоторыми примерами его подражания Камалу Ходженди» (стр. 168).

В этой же вступительной статье, находясь на позиции враждебной нам теории космополитов о «едином потоке», Х. Зарифов утверждает, что «персидский язык был» якобы общим литературным языком народов Средней Азии (стр. 6). Как видим, здесь полностью отрицается самостоятельность культуры и языка узбекского, таджикского и других народов Средней Азии.

Тов. Шарафутдинов в биографическом очерке «Алишер Навои» отдает дань прежде всего Ирану, говоря, что «не только в области литературы, но и по всем отраслям искусства и вообще культуры Иран является образцом». Далее он нелепо утверждает, что «под влиянием иранской классической музыки, известной под названием «Дувоздах мақом» (12 мелодий), была разработана известная под названием «Шашмақом» (6 мелодий) классическая музыка (стр. 11), тогда как перечисленные им мастера этой классической музыки (Дарвиш Ахмед Самаркандский (қонунчи), Султан Ахмад Самаркандский (найчи) и др.) были выходцами из местного населения. Исмета Бухарского тов. Шарафутдинов считает «прославленным иранским поэтом».

Буржуазно-объективистским и беспринципным подходом к деятелям феодального прошлого с вытекающими отсюда последствиями, сводящимися к идеализации угнетателей народных масс — царей и царевичей, насыщено немало страниц сборника «Современники Навои», составленного Х. Зарифовым. Он, не написав ни строчки о подлой деятельности Хусейна Байкары, занимается исключительно писанием дифирамбов по адресу Султана Хусейна. Так, например, «прекрасные качества Султана Хусейна заключаются в том, что он

сочувствовал стремлениям великого Навои в пользу страны, народа и культуры, давая полную свободу его деятельности, направленной к благоустройству и просвещению» (стр. 150).

Чем отличаются такие мысли Х. Зарифова от подобных высказываний автора первого тома уже упомянутой нами хрестоматии, изданной за 5—6 лет до выхода сборника, составленного Х. Зарифовым?

Как видно, Х. Зарифов все еще остался на уровне своих предшественников. Неужели трудно было понять, что «деятельность» и «сочувствие» Султана Хусейна были ограничены интересами класса феодалов, правителем которого он был. Ведь всем известен ряд народных восстаний против тирании Султана Хусейна и его грабительской политики, проводившейся им и его приближенными. Историк того времени Васифи в своей известной книге «Балойнульвакое» свидетельствует о том, что «не было ночей, когда бы на улицах не находили раненых и убитых людей. Царь приказал грабить тех, кто на улицах и в махаля не поймал и не представил воров и грабителей».

Как видно, Султан Хусейн грабил даже ни в чем не повинных людей, навязывая им свою вину. Х. Зарифов даже и в дворцовых интригах против Алишера Навои обвиняет каких-то неопределенных по классовому признаку «врагов прогресса», утверждая при этом, что «эти враги прогресса всячески пытались порвать дружественные отношения между Хусейном Байкара и Навои», будто они «из-за своих интересов втягивали Султана Хусейна в опасности и усиливали дворцовые интриги».

Как видно, во всем этом виноваты какие-то «враги прогресса», не имеющие в описаниях Х. Зарифова определенного классового лица, и какие-то «личные интересы», не связанные с определенными классовыми целями.

Х. Зарифов очень сочувствует положению Султана Хусейна, представляя его весьма наивным и стоящим вне политических событий. Например, он говорит: «Султан Хусейн испытывал много неприятностей вследствие того, что попал в коварную ловушку хищника, хотя впоследствии разобрался во всем этом и пожалел, что оказался бесполезным».

В таком же идеализирующем тоне охарактеризовал Х. Зарифов Султана Хусейна и как поэта, написав, что «Султан Хусейн Байкара был талантливым поэтом. «Диван» Хусайни, дошедший до нашего времени, состоит из его высокохудожественных стихов. Интересно то, — продолжает

автор, — что все газели Хусайни были написаны лишь одним стихотворным размером («вазн»), чего совершенно не встречается у других поэтов. Причины этого явления пока что не определены. Стихи Хусейна дают себя знать своей прелестью образов, увлекательностью эмоциональных выражений, гибкостью и выразительностью стиля» (стр. 150).

Известно, что даже Бабур, будучи таким же царем и поэтом, как и Султан Хусейн, не давал последнему, т. е. своему старшему современнику, такой высокой оценки. В известных мемуарах Бабура мы читаем следующий, весьма скромный отзыв о поэтической личности Султана Хусейна Байкары. «Был поэтом, составил «Диван». Писал по-тюркски. Его псевдоним «Хусайни». Неплохи некоторые его двустишия, но «диван» Мирзы написан полностью одним размером»[1].

Эти факты не требуют комментариев. Заметим лишь, что Х. Зарифов, находясь в плену буржуазного формализма, представил историю узбекской литературы в извращенном виде.

На страницах «Истории народов Узбекистана» и в книге проф. Райнова «Великие ученые Узбекистана» приводится немало высказываний, где идеализируются феодалы-беки и игнорируется приоритет нашей культуры. Например, на страницах 96—97 «Истории народов Узбекистана» пишется, что на средства эмира Ялангтуш бия здесь было возведено медресе Ширдор («медресе со львами»). На странице 97 говорится о другом медресе, как пишут авторы, «построенном тем же Ялангтуш бием — медресе Тилля кари («отделанное золотом»)». Как видим, ни одного слова нет здесь о подлинных творцах этих прекрасных памятников нашего зодчества — о трудовом народе, создавшем все блага обществу в условиях феодально-помещичьей эксплоатации.

В этой же книге, давая общую характеристику просвещения и литературы народов Средней Азии, авторы пишут, что «культурная традиция поддерживала авторитет персидского и арабского литературных языков» (стр. 59).

Проф. Райнов говорит даже о том, что «местной, т. е., в сущности, национальной науки в Средней Азии не было в IX — XI вв.».

Труд проф. Толстова «Древний Хорезм», удостоенный высокой награды — Сталинской премии, служит прекрасным ответом на подобные космополитические утверждения.

---

[1] «Бабур-Намэ», стр. 204—205.

«Большой ошибкой многих наших востоковедов, — правильно замечает тов. Мирза-Ибрагимов в «Литературной газете», — является то, что они до сего времени изучали литературу народов Востока изолированно от великой русской литературы.

Не будь исторической связи с Россией и благотворного влияния передовой русской культуры, не было бы Мирза Фатали Ахундова, Абая, Ахмеди Дониша, Тукая и других крупнейших представителей литературы народов нашего Востока».[1]

В этом аспекте нас не удовлетворяет исследовательская работа проф. Е. Э. Бертельса «Рукописи произведений Ахмеда Калла», помещенная в «Трудах Таджикской базы Академии Наук СССР».

Нас не удовлетворяет и второй том хрестоматии по «Истории узбекской литературы» для педагогических вузов, составленный тов. Шарафутдиновым. В нее не включен, например, ряд стихотворений поэта Фурката, посвященных великому русскому полководцу Суворову, и «Гимназии», в которых было бы видно настоящее лицо узбекского поэта, отражавшего устремление своего народа к великой русской нации и его передовой культуре.

Во имя торжества ленинско-сталинской национальной политики и свободы наших народов, востоковеды, историки, литературоведы обязаны вести непримиримую борьбу со всякими извращениями научной мысли, проявлениями паниранизма, пантюркизма и панисламизма.

М. Айбек. Слово имеет кандидат исторических наук тов. В. А. Шишкин.

В. А. Шишкин. Прежде всего хочется отметить, что как организованное Отделением гуманитарных наук обсуждение второго тома «Истории народов Узбекистана», которое прошло с большим успехом, так и происходящее в эти дни обсуждение целого ряда основных вопросов истории и истории культуры Узбекистана должны будут, конечно, иметь огромное значение для развития исторической науки в нашей республике. Здоровая критика некоторых, до настоящего времени еще распространенных, неправильных взглядов и всевозможных «теорий» и «теориек» есть как раз то, чего нам недоставало в предыдущие годы.

Остановиться на всех поднятых здесь злободневных, волнующих вопросах в коротком выступлении, конечно, невозможно. Поэтому я затрону лишь некоторые из них.

[1] «Литературная газета» от 20 апреля 1949 г.

Первое, на чем я остановлюсь, это вопрос о двух терминах: «тюркский» и «иранский». В употреблении этих слов у нас до сих пор царит очень большая путаница. Происходит она вследствие двух причин. Во-первых, многие товарищи не учитывают того, что исторически эти два термина неоднократно меняли свой смысл, и переносят в отдаленную древность их современное политическое значение. Это, конечно, неверно. Во-вторых, смешиваются два момента, которые смешиваться никоим образом не должны. Это — моменты этногенетический и глотогенетический. Ведь этногенез и глотогенез не всегда идут одними и теми же путями и не всегда совпадают, а чаще всего вовсе не совпадают. Вот эти два обстоятельства нередко не учитываются.

Прежде всего скажу о термине «тюркский». Как совершенно правильно отметил В. Ю. Захидов, никакого тюркского народа, тюркской нации не существует. Исторические пути образования якутского, узбекского, туркменского, османотурецкого народов настолько различны, что говорить о каком-нибудь этническом или культурном единстве их совершенно нельзя. Исторически этот термин первоначально обозначал название народа, вокруг которого объединились другие племена и народы, в результате чего образовался некогда тюркский каганат. Первоначально, до образования каганата, этот термин имел этническое значение. Но позднее, с тех пор как тюркский каганат объединился, термин приобрел значение политическое, а впоследствии он потерял и политический смысл, сохранив до наших дней единственное свое значение — языковое. Поэтому мы можем сказать, что тюркской нации, тюркского народа нет, но тюркская языковая группа, несомненно, существует. Это историческая реальность.

То же самое можно сказать об иранском народе. Как не существует тюркского народа, так нет и народа иранского. Начиная с отдаленной древности, существовали лишь различные племена и этнические образования, говорившие на так называемых иранских языках.

Особо следует сказать о слове «Иран». Это название присвоено господствующей в Персии кликой из соображений, не имеющих ничего общего с историей, с наукой. Слово «Иран» этническим термином, по существу, никогда не было. Этот термин в основном географический; он обозначал страну, населенную племенами, говорившими на родственных

языках и близкими, до некоторой степени, одно к другому в культурном отношении. Что же касается фарсидского народа, то он является лишь одним из так называемых иранских народов, к которым относятся также таджики, осетины и другие народы, говорящие на родственных языках.

Таким образом, слова «иранский» и «тюркский» сохраняют право на свое существование только как термины языковые, тем более, что они общеприняты и других терминов, которыми мы могли бы заменить их, нет.

Следовательно, термины «иранский» и «тюркский», как языковые термины, приходится оставить. История древнего Ирана была значительно шире, чем современное употребление этого названия. Он включал в себя и значительную часть районов нынешней советской Средней Азии. В этом смысле термин и употребляется у многих исследователей истории древней Средней Азии. Это может быть и верно для древнейших времен в географическом, но не в этническом смысле. И, разумеется, культура народов Средней Азии ни в коем случае не может быть названа иранской культурой, так как творцом ее были все народы Средней Азии, независимо от этнической или языковой принадлежности. Не только иранский народ, в языковом смысле — таджики, но также узбеки и целый ряд других народностей, самое название которых теперь уже исчезло, были участниками создания этой культуры. Поэтому считать культуру среднеазиатских народов только частью единой культуры, общей для всех народов, живших на территории древнего Ирана, в широком смысле этого слова нельзя. Это противоречит и историческим и археологическим данным, дающим нам право и возможность говорить о высокой и самобытной культуре народов Хорезма, долины Зеравшана и других областей Средней Азии.

Еще В. В. Бартольд, который назвал культуру народов Средней Азии иранской, понимая «иранский» в том широком смысле слова, о котором я говорил, показал в своей работе «Восточноиранский вопрос», что в Средней Азии сложилась самостоятельная культура, оказавшая влияние на переднеазиатские области. Археологические памятники также говорят нам, что культура Средней Азии во многих отношениях была выше западноиранской. Об этом говорят памятники материальной культуры — художественный карниз, найденный в районе Термеза, алебастровая скульптура и стенная роспись дворца Варахши и Топрак-кала и другие памятники древней культуры и архитектуры.

Алебастровая декорация дворца Варахши является одним из самых ярких памятников древнего периода и несомненно стоит выше соответствующих памятников Западного Ирана по богатству представленных в ней орнаментальных и изобразительных мотивов. Что же касается стенных росписей, открытых в прошлые годы, они дают нам такие памятники искусства, каких в Западном Иране мы еще совершенно не знаем.

Даже знаменитое «сасанидское» серебро, замечательным собранием которого гордится Ленинградский государственный Эрмитаж, как выясняется теперь, в значительной своей части, а, может быть, в большей части, происходит не из Западного Ирана, как считали раньше, а из Средней Азии. Мысль эту еще в 20-х годах высказал Орбели, а затем Тереножкин и Толстов, которые показали, если не хорезмийское, то, во всяком случае, среднеазиатское происхождение группы этих серебряных сосудов. Покойный Борисов, правда, осторожно, но также высказывал мнение, что изящные, очень хорошо сделанные серебряные кувшинчики, находимые преимущественно в бассейнах рек Камы, Вятки, в Приуралье, считавшиеся сасанидскими, происходят из Средней Азии. Наиболее убедительный материал в отношении того, что это серебро в значительной части является среднеазиатским, дали наши раскопки на Варахше в 1947 г. Мы вскрыли лишь небольшую часть стены, покрытую живописью, и в этой живописи нашли такие изобразительные мотивы, которые до самых незначительных деталей повторяются на пресловутом «сасанидском» серебре.

То же самое можно распространить и в области языка и литературы, в которой я не являюсь специалистом и поэтому буду ссылаться на авторитет того же проф. Е. Э. Бертельса, подвергавшегося здесь такой жестокой критике.

У него есть крайне интересная работа, о которой тут не вспоминали. Работа эта помещена в «Трудах Таджикского филиала Академии Наук СССР» (№ 12, 1946) и называется «Персидский, таджикский, дари». Я не буду вдаваться в оценку идеологических и методологических ошибок Бертельса, об этом здесь говорили много, и остановлюсь только на названной работе, чтобы и на ней показать приоритет именно среднеазиатских народов.

Проф. Бертельс в своей статье говорит, что прежние взгляды на происхождение новоперсидского языка, заключавшиеся в том, что этот новоперсидский язык возник при-

близительно во время арабского завоевания из среднеперсидского языка пехлеви, который в свою очередь является потомком языка древних персов (эту старую точку зрения, между прочим, поддерживал Фрейман), не соответствуют данным источников. «Как объяснить, — спрашивает Бертельс, — что новоперсидский язык господствует полностью в Средней Азии и в Хорасане, в Фарсе и Западном Иране его в это время нет и следов». Он доказывает дальше, что новоперсидский язык есть язык среднеазиатских рустахов, и именно отсюда он распространился в Персию. Дальше автор переходит к так называемой персидской литературе. Цитирую по Бертельсу: «Едва ли можно усомниться в том, что первый блестящий период развития персидской литературы (необдуманное употребление термина персидский — **В. Ш.**) целиком связан с Средней Азией. Все древнейшие авторы IX в. или происходят из Средней Азии и Хорасана, или же действуют при дворе бухарских правителей. Именно в этой среде созрели такие изумительные таланты, как Рудеки, Дакики, Шахид-Балхи и др.». Эта поэзия пользовалась языком дари. Язык дари резко отличается от согдийского языка, который обычно считается основным языком долины Зеравшана; в этом языке дари, или фарси, по заключению Бертельса, никакого согдийского субстрата не обнаружено, иначе говоря, язык дари и так называемый согдийский — совершенно разные языки.

В то время, когда существовали в Бухаре эти два языка — язык дари и согдийский, запад и центр Ирана, как литературным, пользовались языком пехлеви или табари. Картина исторически получается, как мне кажется, весьма интересной. Несомненно, что население долины Зеравшана, в частности Бухарского оазиса, было далеко не однородным по своему этническому и языковому составу. Язык какой-то правящей группы и язык народных масс, видимо, был неодинаковым, и можно предположить, как мне кажется, что язык дари — тот, который называется персидским, — и был языком широких народных масс Бухары. А язык согдийский, бывший тогда литературным, являлся языком правящей верхушки. Подробно в этом вопросе разобраться очень нелегко, он потребует больших и серьезных исследований. Ограничимся этими замечаниями, которые нужны для того, чтобы показать, что так называемый персидский язык, по мнению Е. Э. Бертельса, сложился в Средней Азии (**Айбек:** Иранские ученые тоже это доказывают, Бертельс ссылается на одного иранского ученого).

Вел я эту речь о таджикском языке или о языке фарси к тому, чтобы показать, что все претензии современного Ирана на культурный приоритет в области языка и литературы также необоснованы, что культурный приоритет скорее принадлежит здесь одному из народов Средней Азии, а именно, таджикскому, предки же таджикского народа в культурном отношении ничего отдельного от предков узбекского в ту эпоху не представляли, следовательно, этот культурный приоритет принадлежит и узбекскому народу. Если нельзя говорить о культурном единстве народов Средней Азии и Ирана (против этого приходится решительно возражать), то культурное единство между узбекским и таджикским народами должно было быть весьма сильным. Эти два народа жили общей жизнью, на одной и той же территории, в постоянном общении друг с другом.

В заключение хотелось бы высказать убеждение, что дальнейшая работа археологов, лингвистов, историков будет год от года давать все новые материалы, все новые доказательства того, что приоритет в культурном творчестве народов Средней Азии Ирану не принадлежал.

Второе, на чем я хотел бы остановиться. Доклады и выступления, которые мы слышали в декабре прошлого года и теперь, на этом собрании, вскрыли ряд существенных недостатков в нашей исторической работе. Одним из самых важных недостатков надо считать все еще не вполне четкую периодизацию истории Средней Азии. Периодизация в исторической науке, как это понятно всем присутствующим, с одной стороны, является как бы зеркалом, наглядно отражающим тот уровень, которого мы достигли, а с другой стороны, она сама оказывает влияние на разрешение ряда кардинальных вопросов истории. Оставшаяся в наследство от старой буржуазной науки и прочно укоренившаяся привычка рассматривать историю народов Средней Азии преимущественно по завоеваниям, предопределяет переоценку значения этих завоеваний, приводит к преувеличению влияния народов-завоевателей. В результате обезличивается культурная роль среднеазиатских народностей, игнорируются внутренние причины развития производственных и социальных отношений, которые созревали в недрах самого среднеазиатского общества и являлись, конечно, самым настоящим двигателем исторического процес-

са. Мы не склонны, разумеется, отрицать весьма большое значение таких важных исторических фактов, как греко-македонское, арабское, монгольское нашествия или завоевание Средней Азии русским царизмом. Эти завоевания то замедляли естественные темпы развития, внося в страну опустошение и разорение, то объективно играли прогрессивную роль, но не их следует класть в основу изучения истории, а, как учат нас наши великие учителя Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин, — развитие производства и производственных отношений.

Полагаю, что задачи настоящего собрания не должны ограничиваться одной критикой лженаучных и немарксистских направлений и враждебных теорий, а что было бы уместно наметить некоторые мероприятия для устранения вскрытых здесь пороков нашей историографии. Одним из таких мероприятий мы считаем созыв специального расширенного заседания Отделения с обсуждением вопросов исторической периодизации и других не менее важных вопросов, как, например, об этногенезе народов Средней Азии.

М. Айбек. Слово предоставляется тов. Ю. З. Ширвани.

Юсуф-Зия Ширвани (преподаватель). Я приготовил было выступление, в котором хотел остановиться на вопросах нашей литературы в двух разных аспектах. В первом аспекте я хотел заострить ваше внимание на некоторых беспардонных притязаниях современных пантюркистских «литературоведов» в Стамбуле и Анкаре и их агентов в Восточном Туркестане на литературные и культурные богатства тюркоязычных народов Советского Востока, в частности узбекского народа. Известно, что некоторые из этих, с позволения сказать, литературоведов относили величайшего корифея узбекской литературы Навои к персидским поэтам, но писавшим и потюркски. В этом аспекте я хотел осветить весьма интересные моменты, говорящие о сильнейшем влиянии ряда узбекских поэтов во главе с Навои на формирование и развитие светской поэзии в османской литературе XV — XVI вв. Однако жесткий регламент лишает меня такой возможности. Поэтому перехожу ко второму аспекту моего выступления. Речь будет итти о персоязычной литературе народов Средней Азии — узбекского и таджикского.

Такой переход продиктован еще и тем, что Салье в своей интересной речи дал исчерпывающую справку, — что из себя

представляет арабская «культура», в частности арабоязычная литература. Шишкин, выступавший после Салье, осветил вопрос о так называемом «иранском» глотогенезе, что было очень важно. Я, следуя за этой своеобразной трилогией, постараюсь дать справку — что же представляет собой персоязычная литература, которую мы неправильно называем иранской и от которой, как это ни печально, отмахиваемся руками и ногами.

Литература на так называемом новоперсидском языке, точнее на фарси, вернее на «дари», начала складываться еще в IX в. н. э. в Средней Азии, постепенно вырастая в одну из самых значительных литератур мира.

Создаваясь в Средней Азии, эта богатейшая литература явилась весьма оригинальным продуктом художественного творчества ряда среднеазиатских народов. Если у некоторых из них, в силу сложившихся исторических обстоятельств, язык фарси занимал превалирующее положение в качестве книжно-литературного языка (я имею в виду главным образом народы тюркоязычные, туркменский и узбекский), то для других, например таджиков, этот язык был и остается родным языком.

Однако тот факт, что эта богатейшая и самобытная литература создавалась на языке фарси, или, как его называют, «дари», послужил «поводом» к возникновению совершенно неправильного взгляда на эту литературу, как на персидскую (иранскую). При этом под так называемой «персидской» литературой обычно понимают все, что написано на фарси, независимо от того, где и в каких условиях сложилась эта литература, а затем весь этот богатый комплекс механически приписывают Ирану, подразумевая под этим, прежде всего, ту политико-географическую единицу, которая носит это название в наши дни.

К сожалению, эти антиисторические и лженаучные взгляды до сих пор не только полностью не отвергнуты, но и самым активнейшим образом бытуют в советском востоковедении, в частности в советской иранистике. Эти в корне ошибочные взгляды, совершенно игнорирующие национальное и конкретное историческое содержание всей этой литературы, сложились не без вдохновения западноевропейского востоковедения, в недрах буржуазно-либерального литературоведения с его враждебными нам формализмом, объективизмом и космополитизмом.

Последователи и сторонники этих порочных взглядов в

своих утверждениях исходят из того, что язык этой литературы, мол, персидский, забывая, что язык вовсе не говорит об оторванности литературы от народов, создавших ее, от жизни, питавшей ее своим живительным соком, от среды, отразившей в ней свои чувства и мысли. Эта литература органически связана с многовековой историей, с высокой и богатой культурой народов Средней Азии, каждый из которых вносил в нее свою специфику, свое собственное, художественно отражая свое национальное бытие.

Напомним, что в условиях феодального средневековья в Средней Азии национальная идея и содержание носили иной характер и смысл, чем, например, в условиях ликвидации феодализма. Образование наций — это процесс новейшего периода, а в Средней Азии — это процесс советского периода.

Несостоятельность и реакционность традиционного «утверждения» об этой литературе, как о литературе Ирана, насильственное и искусственное извращение буржуазными востоковедами и иранскими националистами, вроде Сеида Зия-эд-дина, доктора Афшара и других, истории литературы народов Средней Азии и Азербайджана, непонимание роли языка фарси на определенном этапе истории культуры этих народов — все это приводит к отрицанию большой исторической правды, могучих созидательных способностей и творческих сил этих народов.

Украинский поэт Микола Бажан в своем докладе об итогах XVIII съезда ВКП(б) на общегородском собрании интеллигенции Киева привел гениальное высказывание великого вождя товарища Сталина о Низами: «Товарищ Сталин говорил об азербайджанском поэте Низами, цитировал его произведения, чтобы словами самого поэта разбить безосновательность того утверждения, что, дескать, этого великого поэта нашего братского азербайджанского народа нужно отдать персидской литературе только потому, что он, мол, большинство своих поэм писал на персидском языке. Низами в своих поэмах сам утверждает, что он вынужден был прибегать к персидскому языку, ибо ему не разрешалось обращаться к своему народу на родном языке. Вот именно это место и цитировал товарищ Сталин, гениальным размахом своей мысли и эрудиции охватывая все выдающееся, что создано историей человечества».

Эти мудрые высказывания товарища Сталина — основной научно-теоретический принцип, исходя из него можно будет разрешить сложные дискуссионные проблемы, которых

немало в истории средневековых литератур народов Средней Азии.

Между тем неоспоримо велика роль Средней Азии в создании и развитии литературы на языке фарси, являвшемся, да и сейчас являющемся одним из основных языков самой Средней Азии, поскольку на нем испокон веков говорил и говорит древнейший из иранских народов Средней Азии — таджикский народ. Самой первой колыбелью этой литературы история выбрала именно Среднюю Азию, в частности западную часть территории современного Узбекистана. И самыми ранними поэтами, положившими основу этой литературы, как раз и были коренные среднеазиатцы Абу-Хафс Согдийский (Самаркандский), Аббас Мервский, Мухаммед ибн-Баис Мервский и др.

Пусть от них ничего не дошло до нас, или дошедшие обрывки их произведений, по мнению панирансствующих космополитов, «недостаточно» древни; пусть ничего не стоят упоминания о них в трудах таких выдающихся ученых Востока, как географ Хордадбех, историк Табари, туркестанский философ ал-Фараби и др. Пусть все это так! И все же наиболее достоверным родоначальником этой литературы (уже не подлежащим никаким сомнениям) признан славный поэт-лирик Рудеки Самаркандский, которого сами персы называют «адамом иранских поэтов». В этой связи интересно отметить далеко идущие панираністские вожделения современных персидских литературоведов в лице ректора тегеранского университета доктора Али-Аскера Хекмета. Сей ученый в своей работе о Рудеки утверждает, что «литературная Бухара, вырастившая Рудеки, была колыбелью выдающихся литературных традиций Ирана». В связи с таким беспардонным утверждением нельзя не отметить очень важного и значительного факта, имеющего громадное историко-научное значение: исторические процессы, пережитые этой литературой на всем громадном протяжении своего блестящего классицизма и во всем своем богатейшем многообразии, рождались именно в Средней Азии, исторические и этнические границы которой тогда были куда шире, чем в наши дни, но не в Иране! Все вехи и этапы ее эволюции, от зарождения до угасания, от стадии богатейшей оригинальности до стадии убогой подражательности, до эпигонства, тесно и органически переплетены с историей и жизнью народов Средней Азии. Тот сложный и зигзагообразный путь, который проделала эта литература с древнейших времен вплоть до настоящего, включая советский

период, свое начало, свои истоки берет именно в нашей солнечной Средней Азии, в частности на территории современной УзССР.

Я не согласен с тт. Захидовым и Мирза Турсун-Заде, когда они объявляют Рудеки Самаркандского и Дакики Бухарского таджиками и тем самым следуют традиционному шаблону. В своих утверждениях они, по всей вероятности, исходят главным образом из того, что эти поэты, как и многие другие, писали свои произведения на фарси. Боюсь, что других данных у тт. Захидова и Турсун-Заде нет! Что же из того, что Рудеки и Дакики писали на фарси? Ведь Низами, Хагани и другие поэты Азербайджана для своих произведений также пользовались фарси. Однако никто не считает их таджиками или персами. Не надо забывать, что языковый критерий ни в коем случае не может быть для нас основным в разрешении вопросов средневековой литературы, в особенности литературного наследия феодального периода тех тюркоязычных народов Средней Азии, чья культура, например узбекская, на определенном этапе своей истории носила двуязычный характер. Жаль, что ограниченность времени лишает меня возможности остановиться на этом подробно.

С другой стороны, перенесение понятия об Иране XX в., как о политической единице, даже на 500 лет назад — исторически неправильно, ибо после крушения сасанидской империи (648 г. н. э.) вплоть до XVI в. в Иране не было самостоятельного государства. Напротив, территория современного Ирана непрерывно входила в состав различных феодальных государств, во главе которых стояли представители династий большей частью среднеазиатского происхождения (саманиды, газневиды, сельджуки, хорезмшахи, тимуриды и др.).

Что касается сферы потребления самого языка фарси, то следует иметь в виду, что кроме Средней Азии, где он бытовал как родной язык среди местных ираноязычных народностей и как книжно-письменный язык у некоторых тюркоязычных народов, язык фарси был в обиходе еще в придворных и феодально-аристократических кругах в различных княжествах и царствах северного и южного Азербайджана, южного побережья Каспийского моря, персоязычного Ирака и т. д. Язык фарси, особенно при сельджуках, становится основным литературным языком огромной территории от Индии до Малой Азии; позже, по мере роста и подъема города и городской жизни, в ремесленно-цеховых кругах на языке фарси складывается городская поэзия с антифеодальными и, отчасти,

антиклерикальными стремлениями, дошедшая до нас в своем обильном многообразии. Так постепенно фарси становится своеобразным средством общения для бесчисленных народов, входивших в состав той или иной неиранской феодальной державы.

Однако, к огорчению последователей панираністско-формалистических взглядов на нашу литературу, язык фарси никогда не носил унифицированного характера. Напротив, он в разных местностях проявлялся разнообразно: употребляясь в той или иной географической области, где налицо было своеобразное этническое расселение той или другой народности фарсидский язык должен был впитывать в свой состав характерные и специфические для данной области лексические и идиоматические выражения, отражавшие в себе местные понятия и представления.

В результате, в «каждой» географической местности выработался своеобразный фарси, резко отличавшийся между собой. Например,фарси среднеазиатских поэтов сильно разнится от фарси азербайджанских поэтов и т. д. В этой связи весьма любопытно, что выдающийся среднеазиатский поэт Насир-и-Хосров Мервский, упоминая о маститом азербайджанском поэте Катране Джабали, говорит, что он фарсидским языком не владеет, а Саади Ширазский, говоря о Джаляледдине Руми, шутливо замечает, что он «мыслил по-туркестански, а излагал по-румийски».

Так или иначе, народы Средней Азии создавали свою литературу на фарсидском языке на протяжении пяти столетий (X-XV), составивших, как известно, период классицизма этой литературы. И не случайно в ее пантеон вошел целый ряд бессмертных корифеев: Рудеки Самаркандский, Дакики Бухарский, Фердоуси, Омар Хайям, шахрисябзец Эмир Хосров Делийский, хорезмиец Джаляледдин Румийский, Саади и Хафиз Ширазские и, наконец, Абдуррахман Джами.

Хотя некоторые поэты из этой блестящей плеяды, например Саади и Хафиз Ширазские, были персами, но их творчество проявлялось на фоне тех литературных традиций поэтического мышления и ряда классических форм, которые зародились и сложились в литературной Бухаре X в., не говоря уже о том, что сама поэтика, так называемый аруз, была разработана в Хорасане крупнейшим теоретиком литературы Халиль ибн-Ахмедом Хорасанским. То же самое можно сказать о Фердоуси и Омаре Хайяме, которые, кроме того, что принадлежали, как об этом говорят сами персы, к «туркестанской»

поэтической школе, были уроженцами Хорасана, являвшегося органической частью Средней Азии. Впрочем, другого, кажется, мнения придерживается Р. Н. Набиев, в чьем докладе Хорасан стоит несколько поодаль от Средней Азии. По крайней мере, такое впечатление создалось у меня. Если так, то это исторически неверно: Хорасан до XVI в. был составной частью Средней Азии, точнее Мавераннахра и жил его культурно-экономической жизнью. И литературная жизнь Хорасана с Мавераннахром была единой. Это можно видеть хотя бы из того, что в других странах и в другие эпохи поэтизированное обращение к местной народной старине и фольклору являлось свидетельством высшего пробуждения национального, а в Хорасане и Мавераннахре — антиарабского самосознания. Лучшие поэты страны участвовали в ту пору, т. е. в X в. в борьбе за национальное и государственное бытие всего Мавераннахра, включая сюда и Хорасан. Своими произведениями они стремились объединить и поднять народы Мавераннахра на сопротивление арабам в случае их возможного нападения. Таково поэтическое содружество и единомыслие Дакики Бухарского и Фердоуси Хорасанского. Именно в литературной Бухаре зародилась сама идея воссоздания монументального «Шах-намэ», начатого Дакики Бухарским и завершенного Фердоуси. Идеи литературной Бухары и ее представителя Дакики также были кровными идеями Фердоуси, как идеи предназначения его «Шах-намэ» были жизненными и спасительными для саманидской Бухары, которая в момент окончания «Шах-намэ» падала под ударами караханидских уйгуров.

К разочарованию космополитствующих панираниетов отмечу, что значительную часть своих живучих «рубаи» Омар Хайям создавал в Средней Азии, в сельджукском Мерве, где он работал в специально построенной для него обсерватории. В своих четверостишиях Омар Хайям отразил самые передовые взгляды и мысли туркестанской философской школы во главе с Фараби и Авиценной Бухарским. Характерно, что сама форма «рубаи» является чисто народной формой поэзии таджикского и узбекского народов. Следовательно, классической родиной «рубаи» была Средняя Азия, откуда она впоследствии перекочевала в литературы других стран.

Таким образом, литературу Ирана следует начинать, пожалуй, с XVI в., когда на территории современного Ирана впервые за весь так называемый «мусульманский» период образовалось первое местное государство, хотя во главе его

стояла опять-таки не иранская — азербайджанская — династия сефевидов, первоначально поощрявшая литературу на азербайджанском языке.

Вот все, что я хотел доложить собранию.

(**В. Ю. Захидов.** Вы говорите, что Рудеки и Дакики не таджики, а как их можно назвать?). Пока трудно сказать как их назвать, но все же нельзя называть их таджиками.

М. Айбек. Слово имеет профессор И. И. Умняков.

И. И. Умняков. Все выступавшие до меня ораторы—жители Ташкента. Моим местожительством является Самарканд, и я командирован сюда Узбекским государственным университетом. Полагаю, что в силу этого мне, как гостю, предоставят возможность высказаться до конца. Постараюсь быть кратким.

Я взял слово, чтобы высказать некоторые замечания и дополнения к докладам В. Ю. Захидова и Р. Н. Набиева.

Тов. Захидов совершенно верно отметил, что отрицание самобытности узбекской культуры и стремление выводить ее извне—явление не новое. В числе упомянутых в докладе лиц фигурирует и один из крупнейших советских востоковедов — академик Бартольд. Отдавая должное этому выдающемуся ученому, своими многочисленными трудами создавшему целую эпоху в изучении прошлого Средней Азии, докладчик совершенно справедливо отмечает, что Бартольд никогда не стоял на марксистско-ленинских позициях. Но едва ли прав он, утверждая, что Бартольд отрицал оригинальность культуры узбекского народа и выводил ее целиком из Ирана. В этом вопросе я хочу быть объективным. Напомню, что Бартольд неоднократно указывал, что именно при узбеках впервые была создана богатая историческая литература, ибо историки Тимура и его потомков почти все по происхождению или по месту деятельности не принадлежали Средней Азии.

В. А. Шишкин в своем выступлении здесь уже отметил статью Бартольда «Восточноиранский вопрос», в которой автор отдал должное Восточному Ирану (территория советской Средней Азии) и отметил влияние его на Западный Иран (территория современного Ирана). Я мог бы привести и другие высказывания Бартольда из нескольких сот его работ, из которых видно, что он признавал оригинальность культуры узбекского народа и не выводил ее целиком из Ирана. Этому вопросу могло бы быть посвящено специальное заседание. Но есть в работах Бартольда вопросы, с трактовкой которых согласиться нельзя.

Будучи весьма ограничен временем, остановлюсь лишь на одном вопросе, которым сам давно занимаюсь. Речь идет о толковании слова «таджик», образованном, по утверждению Бартольда, якобы от имени арабского племени «тай» (точнее: тайи). При династии сасанидов (III—VII вв.) ближайшим географически к Ирану бедуинским племенем было племя тайи, поэтому название этого племени служило для обозначения арабского народа в целом. Из Ирана название «тайи», вероятно, в произношении «таджик» проникло в Среднюю Азию и Китай. Задолго до Бартольда подобное же объяснение слова «таджик» предложил французский востоковед Катрмер, трактовку которого затем поддержал немецкий востоковед Нельдеке. Утверждение Бартольда построено лишь на одной цитате, приведенной в одной из работ Нельдеке со ссылкой на сирийского автора III в. Бардесана. Цитата эта в переводе гласит: «Тайи уже в начале III в. упоминаются жителем города Эдессы как представители всех бедуинов, рядом с сарацинами». Вот и все. В трактате Бардесана интересующее нас арабское племя названо «Tayöye», которое вместе с саракинами (Saraköye)были представителями арабских независимых кочевых племен. Спрашивается, каким же путем могло быть образовано слово «таджик», «тазик» от арабского племенного названия «Tayöye», или Taiyàyë , ибо ниспа от слова Taiy, как указывают, не täzi, а ta'i

Полагаю, что у нас нет никакого веского основания лишь по одному весьма неясному свидетельству автора III в. заключить, что термин «таджик» действительно происходит от арабского племенного названия тайи. Из арабских источников мы знаем, что арабское племя тайи имело селения в Хорасане (ат-Табари, ал-Я'куби), но ничего не говорится о том, что оно играло какую-либо роль в Средней Азии. Трудно поверить, что арабское племя тайи, не игравшее, повидимому, никакой роли в исторических судьбах Средней Азии, могло передать свое имя оседлому населению Средней Азии. Я не буду здесь более подробно останавливаться на этом вопросе. У меня подготовлено к печати большое исследование о термине «таджик», которое будет напечатано в Сталинабаде.

Вернемся к докладу В. Ю. Захидова. Он упомянул, между прочим, о существовании так называемого традиционного течения и привел некоторые примеры «традиционизма» из II тома «Истории народов Узбекистана». Докладчик счел возможным провести знак равенства между безродным космополитизмом и пресловутым «традиционизмом». Думаю, что

такого знака равенства ставить не следует, ибо у каждого народа есть свои традиции, которые мы глубоко уважаем. Если в области просвещения, литературы и искусства Бухара в XVII в. продолжала еще жить традициями предшествующего XVI в., то в этом, я полагаю, нет преступления.

Тов. Захидов остановился на турецких пантюркистах, которые исходят из пресловутого «учения» о единой тюркской нации и культуре. В дополнение к сказанному В. Ю. Захидовым приведу один пример. Пантюркисты Риза-Нур, неудачный издатель и интерпретатор «Огуз-намэ», и особенно Кепрюлю-заде, недавно исключенный из состава членов-корреспондентов Академии Наук СССР, отрицают существование у народов Средней Азии самостоятельного пути развития, своей самобытной культуры. Турецкие националисты стремятся доказать не только древнее происхождение турецкой культуры, но и ее приоритет над древними европейскими культурами Средиземноморья, ее тождество с древней культурой хеттов. Вы видите, как далеко махнули турецкие националисты. Тов. Захидов упомянул и о том, что недостаточно раскрываются (не сказано — где?) те объективные закономерности, социально-экономические причины, которые породили относительный застой, отставание в отдельные периоды в феодальной Средней Азии. Приведенные им в докладе особенности, специфические черты восточного феодализма не являются чем-то новым. Я не совсем понял докладчика, что он хотел сказать, напомнив присущие восточному феодализму особенности. Есть ли это памятка для авторов второго издания II тома «Истории народов Узбекистана» или что другое? В числе особенностей восточного феодализма докладчик упомянул и о рабстве. Он сказал: «В Средней Азии создавались рабовладельческие государства, и в недрах рабовладельческой формации появлялись элементы феодализма». Для подкрепления этого тезиса докладчик привел цитату из книги проф. Ляшенко, удостоенной недавно Сталинской премии. Цитата гласит: «Все же дальнейшее зарождение и развитие феодализма происходило здесь (в Средней Азии—**И. У.**) не всецело на почве распада рабовладельческих отношений, как это было, например, в античном мире. Само рабовладельческое хозяйство не получило здесь такого глубокого значения, и преобладающая часть местного населения сохранила до окончательного закрепощения в известном смысле свободу и родовой быт». Так как я не являюсь сторонником того взгляда, что на территории Средней Азии существовала рабовладель-

ческая формация в ее классической форме, как это было в античном мире, я просил бы тов. Захидова в заключительном слове указать, какие он знает рабовладельческие государства, созданные в Средней Азии; в частности, просил бы сообщить, в недрах каких рабовладельческих государств появились элементы феодализма? Почему я ставлю этот вопрос? Мне кажется, что здесь у нас не все ясно. Не знаю, как решили вопрос об общественно-экономических формациях авторы I тома «Истории народов Узбекистана». В программе по истории Узбекистана он был так решен: Ахеменидский период (VI—IV вв. до н. э.) — ускорение процессов разложения первобытно-общинных отношений. Кушанский период (первые века н. э.) — ставится вопрос о рабовладельческой формации. Эфталитский период (V — первая половина VI вв.) — зарождение феодальных отношений. Период, предшествующий арабскому завоеванию (VII в.), — раннефеодальные отношения.

Были и другие высказывания по этому вопросу: разложение родового строя и начало феодальных отношений в Средней Азии относятся к IV—V вв. н. э. А. Ю. Якубовский в своей рецензии на труд С. П. Толстова «Древний Хорезм» указывает, что после выхода в свет этой работы вопрос о рабовладельческой формации разрешен в положительном смысле. Мне кажется, что этот вопрос нуждается еще в дальнейшем изучении и уточнении. Во всяком случае едва ли можно говорить о существовании «античной» формы рабовладения в Средней Азии. Насколько мне известно, в Средней Азии рабство не стало основой хозяйства, хотя рабовладельческие отношения были и здесь развиты. Однако в гораздо большей мере здесь сохранялись остатки родового строя, а преобладающее значение имели сельские общины. Мне представляется, что можно говорить об общинно-рабовладельческих отношениях даже и для Хорезма.

Тов. Захидов в конце своего весьма содержательного доклада коснулся очень важного вопроса: этногенеза узбекского народа. Этот вопрос уже был поднят при обсуждении II тома «Истории народов Узбекистана» в конце декабря 1948 г. Проблема этногенеза узбекского народа, как указывал в свое время тов. Непомнин,—главный предмет исследования в I томе «Истории народов Узбекистана». Об этногенезе узбекского народа здесь уже высказывались. Тов. Захидов, собственно говоря, поставил два вопроса: 1) является ли узбекский народ пришельцем откуда-то извне и 2) правильно

ли поступают некоторые историки, когда они называют узбекский народ тюркским народом? На первый вопрос вчера дал, как мне представляется, исчерпывающий ответ Л. В. Ошанин. Мне кажется, что этот вопрос не вызывает никаких сомнений. Ни узбеки, ни таджики не являются пришельцами извне. Кочевники-узбеки были одним из последних этнических элементов, из которых сложился узбекский народ. Эти кочевники, захватившие в XVI в. у тимуридов Мавераннахр, и передали народу свое общеплеменное наименование. Узбекский народ складывался в течение веков и образовался не только из кочевников-узбеков, но и из оседлых земледельческих племен Мавераннахра.

Касаясь вопроса о «тюрках», В. Ю. Захидов, к сожалению, не рассмотрел его в историко-лингвистическом аспекте. Докладчик прямо заявил, что узбекский народ не является тюркским народом. Скидка, однако, делается в отношении языка. В. Ю. Захидов сказал: «В отношении языка узбеков можно причислить к тюркоязычной группе, но нисколько не в другом отношении» (см. стенограмму). И далее докладчик говорит: «В прошлых источниках, где узбекский народ назван тюркским, надо понимать только условно, не как этническое понятие, а лишь в смысле тюркоязычного народа». Вопрос, поднятый тов. Захидовым, оказался несколько неожиданным. Этим можно объяснить выступление тов. Захидова со своими тезисами по данному вопросу перед тем как были открыты прения по докладам. По этому вопросу я присоединяюсь к мнению, высказанному Л. В. Ошаниным. Термин «тюрк» в его историческом аспекте не этническое, но политическое название союза племен, говоривших на языке, которому впоследствии было присвоено название «тюркский». Еще одно замечание. Ни при обсуждении II тома «Истории народов Узбекистана», ни на нашем совещании никто не коснулся вопроса об этимологии термина «узбек». Мое пожелание, чтобы наши лингвисты занялись этим вопросом и внесли в его толкование определенную ясность.

Последнее замечание. Я просил бы В. Ю. Захидова в заключительном слове указать источники, из которых видно было участие Ходжа Ахрара, конечно, не непосредственное, в заговоре и убийстве Улугбека. Это было бы ценным дополнением к тому, что нам известно об Улугбеке.

Несколько замечаний по докладу Р. Н. Набиева. Докладчик затронул весьма сложную юэчжи-тохарскую проблему. Движение гуннов, юэчжи, усуней и их борьбу между собою

он рассматривает как теорию миграций, созданную Бартольдом. Это, конечно, не так. О движении гуннов, юэчжи, усуней говорят китайские источники. Бартольд писал об этом, опираясь на них. Докладчик говорит: «По Бартольду — последний удар греческому господству был нанесен не народами Средней Азии, а пришедшими с востока юечжи». Бартольд, говоря так, основывался на письменных известиях. Касаясь этой проблемы, мы не можем игнорировать сообщения греческих авторов, по которым падение греко-бактрийского царства приписывается тохарам. Проблема, затронутая тов. Набиевым, не так проста, как может казаться с первого взгляда. Я немного занимаюсь этими вопросами. В результате изучения доступных мне источников я пришел к следующему выводу. По моему убеждению, тохары и юэчжи — различные родоплеменные образования в составе скифской конфедерации племен. По данным китайских источников, виновниками падения греко-бактрийского царства явились юэчжи, а по данным античных авторов (главным образом Страбона), тохары разрушили эти царства. Кому же мы должны отдать предпочтение в этом вопросе — китайцам или грекам? По моему мнению, у нас больше данных следовать за китайскими авторами уже по одному тому, что китайские авторы, писавшие о падении Греко-Бактрии, были современниками рассматриваемого события (II в. до н. э.), тогда как греки, точнее географ Страбон, писали о событиях в Средней Азии II в. до н. э. спустя почти два века. Почему же китайцы говорят о юэчжи, а греки их не знают и пишут о тохарах, приписывая им главную роль в разрушении греко-бактрийского царства? Я уже сказал, что и юэчжи, и тохары, и другие родоплеменные образования входили в состав скифской конфедерации племен, простиравшейся почти до границ Китая.

Следовательно, китайцы могли быть осведомлены о составе скифской конфедерации, в частности о юэчжи, с которыми вели борьбу гунны — соседи китайцев. В момент разрушения Греко-Бактрии юэчжи играли, повидимому, главенствующую роль в скифской конфедерации, а о других родоплеменных образованиях, в том числе и о тохарах, китайцы или очень мало знали, или, возможно, еще ничего не знали. О тохарах китайцы пишут лишь при династии Северной Вэй (IV—VI вв.). Известно, что греки очень слабо знали Среднюю Азию и писали о ней по книжным источникам или по слухам.

Я не вдаюсь в дальнейшие подробности, так как, возможно, выйдет моя работа об этом, где я подробно разбираю то-

харский вопрос. Хочу только отметить, что когда мы рассматриваем вопрос о тохарах, то должны различать тохаров, осевших в так называемом Тохаристане (область к северу и к югу от верхнего течения Аму-дарьи), и тохаров Китайского Туркестана, которые в процессе постепенного отуречения края смешались с господствующим тюркским элементом, а в период XI—XIII вв. вошли под именем тюкер, лингвистически сближаемым с тохарами, в списки делений огузского-туркменского народа, который, по данным антропологии, является последним остатком скифо-сарматов Средней Азии.

Не ясен для меня и другой тезис тов. Набиева. Он говорит, что еще до нашей эры на территории Средней Азии жили не только иранские племена, но и народы, не имевшие ничего общего с иранцами. Докладчик при этом ссылается на работу С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации», в которой автор говорит, что на территории Хорезма (но не на территории Средней Азии) сталкивались три обширные области древних индоевропейских племен: индоиранских, фракокиммерийских и сакских или скифских. Отсюда докладчик делает вывод, что на территории Хорезма до нашей эры жили не только иранцы, но и другие народности местного происхождения. Приведенные С. П. Толстовым в указанной книге (стр. 85—86) сближения и совпадения этнокультурного характера для меня не совсем ясны. Насколько мне известно, в письменных источниках нет сведений о наличии фракокиммерийских племен в Приаралье и в Закаспийских степях (указание С. П. Толстова). Отмечу кстати, что западноевропейский ученый Покорный считал тохаров за фракофригийских киммерийцев. Во всяком случае, выдвинутый С. П. Толстовым тезис нуждается в дальнейшем изучении.

Я не могу принять уравнение Кангха—Хорезм. Мне представляется, что это противоречит китайским известиям о Кангхе. В данном вопросе я присоединяюсь к мнению А. Н. Бернштама, высказанному им в рецензии на «Древний Хорезм» С. П. Толстова[1].

Едва ли прав тов. Набиев, утверждая, что Бартольд отрицал наличие у народов Средней Азии культурных традиций. Этот вопрос я уже затронул выше (**Р. Н Набиев.** Речь идет о влиянии культуры Ирана на развитие культуры наро-

[1] Известия АН СССР, серия истории и философии, т. VI, № 1, 1949, стр. 96.

дов Средней Азии. Надо лучше почитать. Я не говорю о том, что Бартольд отрицает).

Тов. Набиев обрушился на астронома Джалялова за его слова о том, что Гияс-эд-дин Джемшид был учителем Улугбека и являлся инициатором и руководителем его обсерватории. На это можно ответить, что без знающих учителей Улугбек не мог бы быть тем, чем он стал. Делать же отсюда вывод, что Улугбек якобы был прорабом обсерватории, по моему мнению, по меньшей мере странно.

В заключение хотелось бы высказать ряд пожеланий.

В виду важности затронутых в докладах вопросов, следовало бы, как совершенно верно отметил уже В. А. Шишкин, созвать специальное совещание историков Узбекистана для обсуждения проблем периодизации истории Средней Азии, вопроса этногенеза узбекского народа, об этапах развития феодализма в Средней Азии, о характере среднеазиатского рабовладения, о тюрках и др. Все эти и другие вопросы следовало бы подвергнуть обсуждению, прежде чем окончательно сдавать в печать I том «Истории народов Узбекистана», дабы избежать ошибок, которые имели место во II томе. (**Голоса:** «правильно»). Кстати, не могу не указать, что в процессе создания II тома «Истории народов Узбекистана» совершенно игнорированы были ученые Самарканда. Это мне поручено сказать от имени историков Узбекского государственного университета.

Следует подумать о создании археографической комиссии при Академии Наук УзССР по изданию актов, документов и других архивных материалов. Это особенно важно для изучения истории Узбекистана после Октября 1917 г.

Мне представляется крайне важным ускорить издание приготовленных к печати Институтом по изучению восточных рукописей материалов (рукописи, переводы с восточных источников) .В частности, надо ускорить печатание каталога восточных рукописей и переводов с них, приготовленных А. А. Семеновым.

Несмотря на существование Института истории и археологии Академии Наук УзССР, который, на мой взгляд, призван координировать работу историков и археологов республики, последние, по сути дела, предоставлены самим себе. Историки Самарканда, например, не знают, какими сюжетами и проблемами занимаются их ташкентские коллеги. Я уже не говорю о работе ученых других городов Узбекистана. Мы даже не знаем, какими проблемами занимается Институт истории

и археологии Академии Наук УзССР. Нам не известны плановые работы института. Отсюда пожелание—почаще устраивать расширенные заседания с участием периферийных научных работников для совместного обсуждения вопросов истории, археологии и даже литературы народов Узбекистана; заслушивать научные доклады с мест и обмениваться опытом работы. Если бы такой обмен существовал, мне кажется, II том «Истории народов Узбекистана» вышел бы в свет в более совершенном виде.

Было бы весьма желательно издать материалы обсуждения II тома «Истории народов Узбекистана». Может быть не все опубликовать, а наиболее ценные выступления. Этот вопрос должен решить сам институт. Кроме небольшой статьи в «Правде Востока» об итогах дискуссии по II тому, ничего по существу не говорящей, специальной рецензии как будто не было. Издание этих материалов важно уже потому, что книгой пользуются студенты вузов и им необходимо знать достоинства и особенно недостатки этого учебного пособия.

Желательно, наконец, видеть в печати заслушанные здесь доклады тт. Захидова и Набиева, а также выступления отдельных товарищей по этим докладам.

Разрешите от имени Узбекского государственного университета поблагодарить Отделение гуманитарных наук за приглашение представителей нашего университета на данное расширенное заседание, посвященное обсуждению весьма актуальных вопросов сегодняшнего дня.

Прослушанные доклады преследовали одну основную задачу: до конца разоблачить всякие попытки отрицания самобытности культуры узбекского народа.

Полагаю, что наше совещание принесет огромную пользу всем историкам.

Тов. У. Юсупов в отчетном докладе на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана говорил: «Наша задача — всячески способствовать росту чувства национальной гордости узбекского народа, видя в этом средство коммунистического воспитания трудящихся». Отсюда вывод: всякие попытки оскорбить национальное достоинство любого народа, посягнуть на его исторические права, в том числе и в области культуры, должны встретить решительный отпор с нашей стороны. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Слово имеет писатель А. Станишевский.

А. Станишевский. Усиление борьбы против пантюркистских, панираністских и панисламистских извра-

щений в освещении истории народов Средней Азии очень своевременно. Все эти враждебные «теорийки» являются оружием в той идеологической войне против нас, которую ведут американские и английские империалисты не только сами, но и руками реакционеров стран Среднего и Ближнего Востока.

Разрабатываемые англичанами и американцами (а ранее немецкими фашистами) основы мракобесных «измов», спускаются в виде полуфабрикатов в Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан и приобретают там соответствующую форму. На деле они подготавливают почву для установления господства американского и английского империализма, разрушая у народов стран Востока чувство патриотизма и любви к родине, прививая космополитизм и разжигая авантюрное стремление к захвату советских территорий.

Эти «теорийки» служат также орудием для порабощения наших угнетаемых зарубежных братьев — узбеков, таджиков, туркмен и азербайджанцев.

«Теорийки» эти являются теми идеологическими бактериями, которые враги пытаются забросить в среду нашей науки и нашей литературы, чтобы замутить ее.

Посмотрим на конкретные факты. Турецкие подголоски американцев сейчас рьяно доказывают расовое единство всех тюркоязычных народов. Они пытаются при этом доказать, что тюрки рассеяны по всему свету, особенно в тех местах, на которые зарится американский империализм.

Не отстают от них и панираниста.

Прозаик Али Джаль Али написал роман, прославляющий захватническую политику персидских шахов и снабженный псевдопатриотическим заголовком «За спасение родины».

Ширазский писатель Ферейдун Зафар Ардалан состряпал роман «Золотой кинжал», в котором сумел соединить американский детектив с пропагандой панисламизма.

Не отстают и драматурги. Хамид Ахмеди преподнес пьесу «Азермидохт», посвященную древнему Ирану. Драматург Эшги, говоря, как и его единомышленник Сейфи Азад, о «несравненном арийском духе», написал пьесу «Воскресение иранских властелинов».

При просмотре всех иранских книжных новинок невольно возникает вопрос: почему иранского читателя пытаются увести в глубь веков? Ответ довольно прост. Во-первых, правящая клика хочет отвлечь внимание от неприглядной действительности загнившего Ирана, а во-вторых, устами «знатных предков» пытаются обосновать агрессию, которая подготавливается и диктуется американскими империалистами.

Вот почему в иранской пропаганде слышится истошный крик о величии древнего Ирана, о его культурном приоритете, вот почему в иранской газете «Седае Бастон» («Голос древности») была помещена статья, в которой говорилось, что «Иран опять должен принести светоч культуры в разоренную большевиками Среднюю Азию, как это он сделал в древности».

Кто же заказчик этого лозунга о роли иранцев в культурной жизни Средней Азии? Американский и английский империализм. Одним из первых провозвестников подобного рода «теориек» выступил американский профессор Филипс Аккерман, который указывал, что Бактрия и вообще Средняя Азия обязаны своей культурой Персии, Египту, Месопотамии и Сирии.

До последнего времени, однако, основными дирижерами пропаганды панираниста были английские империалисты.

Потребовалось бы много времени, чтобы дать библиографический перечень всех изысканий англичан в области пресловутого приоритета персидской культуры. К чести академика Бартольда надо сказать, что он, резко выступая против пропаганды таких взглядов, и в своих работах об иранской культуре в термин **иранская культура** вкладывал совершенно иные понятия, чем те, которые пытался приписать Бартольду тов. Набиев.

В своей работе «Иран, Исторический обзор», изданной, кстати, в Ташкенте в 1926 г., Бартольд сказал, что слово **Иран** впервые упоминается у Эратосфена в III в. до н. э., а позже было заимствовано Страбоном. Бартольд привел границы этого древнего Ирана. На востоке границей являлась долина реки Инда, на севере — хребет Гиндукуш и горные цепи, служащие продолжением его, на юге — Индийский океан, а западная граница шла от Каспийских ворот, т. е. от горного прохода к востоку от Тегерана, по линии, отделявшей Парфию от Мидии и Караманию (Керман) от Персиды (Фарса). Таким образом, курьезнее всего то, что, как указал Бартольд, в географическое понятие древнего Ирана не входил Фарс, не входила страна, населенная персами, и поэтому, они меньше всего могут претендовать на приоритет в иранском культурном мире.

Достаточно проследить за полемикой Бартольда с Херцфельдом, чтобы увидеть, какое значение придавал Бартольд Бактрии, Согду и Средней Азии вообще.

Такой же точки зрения придерживался корифей русского востоковедения академик Жуковский. Он указывал, что в

создании той культуры, которой, к сожалению, по уровню науки, давалось расплывчатое название иранской культуры, основную роль играли народы, населявшие Среднюю Азию. С исключительной теплотой писал о роли народов Средней Азии в создании иранской культуры и другой корифей русского востоковедения академик Григорьев. В своей работе «Поход Александра Великого в Западный Туркестан»[1] Григорьев описывает борьбу согдийцев против Александра Македонского, называет вождя согдийцев Спитамена «борцом за свободу родины» (стр. 187). Описывая его гибель, он говорит: «Так кончил жизнь великий, но не признанный за такового врагами потому только, что не успел достигнуть благородной цели своей, патриот согдийский» (стр. 188).

Нельзя перечеркивать все достижения русской востоковедческой науки, а тем более советского востоковедения, как это с легкой душой проделал тов. Набиев. Русская наука сделала достаточно много, чтобы к ней относились с уважением. Английские же востоковеды, в противоположность русским, стремились свести культурную роль Средней Азии на нет и особенно стараются в этом отношении сейчас. Достаточно посмотреть орган английской пропаганды журнал «Шейпур», усиленно распространявшийся англичанами в Иране и издававшийся на персидском языке, чтобы судить о подобного рода подрывной работе англичан на этом участке идеологического фронта. В журнале «Шейпур» № 29 за 1944 г. в статье «Древнее искусство Персии» они, говоря о памятниках Самарканда, утверждают, что эти памятники возводили не наши славные среднеазиатские мастера, а персы, что, кстати сказать, повторяет в своей статье «Тимур»[2] А. Ю. Якубовский. В работах русских и советских востоковедов встречается много интереснейших данных о том вкладе в мировую культуру и в культуру Востока, который внесли народы Средней Азии. Кстати, народы живущие на Иранском плато, дважды получали литературный язык от народов Средней Азии. Впервые это было, когда литературный язык дали Ирану парфяне (так называемый пехлевийский язык). Вторично Иран получил так называемый новоперсидский язык, который, как язык литературный, родился и развивался на территории нашей Средней Азии. Английские же востоковеды, для того, чтобы свести на нет культурную роль народов Средней Азии, решили отказаться даже от термина Иранское плато и подменяют его на-

[1] Журнал Министерства народного просвещения, сент.-окт., 1881.
[2] Вопросы истории, 1946, 8-9, стр. 72.

званием—Персидское плато, как это сделано в № 46 журнала «Шейпур» за 1945 год. Таким образом, они постепенно от расплывчатого термина «Иран», «иранский» переходят к термину «персидский», чтобы обосновать притязания своей подспечной продажной клики на культурный и исторический приоритет.

Сайкс в своей «Истории Афганистана» пространно рассуждает о роли персов в формировании культуры Бактрии и Согда. Он заявляет, что персы внесли «неоценимый вклад в дело развития культуры Центральной Азии». Книга Сайкса вышла в 1940 г. Мысли, высказанные им, не новы. Они уже не раз были изложены другими английскими востоковедами.

К сожалению, подобные высказывания были подхвачены кое-кем и у нас. В этом отношении выделяются работы члена-корреспондента АН СССР А. А. Фреймана, которого, кстати сказать, совершенно обошел в своей критике тов. Набиев, хотя на произведениях Фреймана надо особенно заострить внимание, ибо они являются наиболее реакционными и проникнуты наиболее густым духом панираниэма. Основные взгляды Фреймана широко опубликованы в его статье «Задачи иранской филологии»[1]. ..

Трактовка вопроса о так называемой иранской культуре в установочной статье Фреймана весьма порочна и реакционна. Раболепное преклонение перед иностранщиной, перед феодальным Ираном и его культурой пронизывает всю статью, которая прямо ставит перед нашими востоковедами задачу пропагандировать «роль иранской, персидской культуры в истории культуры Передней и Средней Азии, значение, которое в этом отношении сыграли персидский язык и литература» (стр. 375).

Из приведенной цитаты ясна основная установка автора, пытающегося протащить мысль о том, что народы Средней Азии заимствовали откуда-то извне чужую культуру. За отправную точку своих изысканий Фрейман берет момент — «когда кончается доисторическая эпоха общеарийской словесной культуры» (стр. 375). Короче говоря, Фрейман попутно воскрешает взгляды буржуазной лингвистики по поводу пресловутого «арийского праязыка», говоря, что язык в своем развитии идет не к общности, а к раздроблению, что давно

[1] Известия АН СССР по Отделению литературы и языка, 1946, т. V, вып.

опровергнуто указаниями товарища Сталина[1].

Совершенно не считаясь далее с таким общеизвестным историческим фактом, как то, что так называемый, литературный персидский язык начал развиваться в эпоху саманидов в Бухаре и Самарканде[2], и перечеркивая роль таджиков в сложении этого языка, который, как показывают все факты, возник на базе скрещивания древних языков населения районов Термеза — Балха, в таджикской этнической среде, Фрейман привлекает не только персов, но и арабов для того, чтобы объяснить процесс становления таджикского языка. Он пишет: «Принявшая ислам городская интеллигенция (Ирана), родным языком которой был персидский язык, помогала арабам в их дальнейшем продвижении в Среднюю Азию, в организации власти в ее ираноязычных областях. Население последней, прежде всего ее городское население, принимая ислам, постепенно воспринимало персидский язык» (стр. 183). Далее Фрейман дает формулировку, что такое таджикский язык, вообще устраняя роль таджиков в его сложении — «таджикский язык, так называемый среднеазиатско-персидский язык, возникший на основе восточных хорасанских говоров персидского языка в устах согдийского ираноязычного населения Средней Азии» (стр. 383).

Пытаясь перешагнуть от древних времен к современности, Фрейман переходит к Афганистану. В Афганистане, как известно, после того, как английские империалисты отторгли области, где живет более половины всех афганцев, сами афганцы составляют лишь 44,6% населения страны, а узбеки, таджики, туркмены и другие народности Средней Азии — 54,3% населения. Проводя политику жесточайшего национального угнетения, афганская правящая верхушка пытается обафганить эти народы, чтобы оторвать их от влияния культуры советского Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. Таджикам, узбекам и туркменам вбивают в голову, что все живущие на территории Афганистана являются афганцами; их насильственно заставляют изучать афганский язык и т. д.

Фрейман же идиллически описывает это, говоря, что афганский язык «превратился в мощное орудие распространения культуры (?!) и просвещения в широких массах населения. На афганском языке ведется в стране преподавание в школах, издаются газеты, журналы» (стр. 383).

Не говоря уже о том, что афганизация узбекско-таджикского населения, составляющего абсолютное большинство в стране, является орудием национального и классового угнетения, вызывает удивление раболепное возвеличивание «афганской культуры», мракобесных журналов и газет, которые в большинстве представляют собой рупор антисоветской пропаганды английских и американских империалистов.

Еще большее удивление вызывает то, что на страницах журнала, подписанного к печати 12 декабря 1946 года, в дни, когда реакционное правительство Кавама топило в крови автономию Азербайджана и попутно вело активную антисоветскую пропаганду, Фрейман говорит о «дружественном Иране» (стр. 382). Вызывает не только удивление, а прямое возмущение следующее место его статьи: «Менее значительна, но относительно все же велика утеря ираноязычного пространства в Иране, в котором наиболее развитая в экономическом отношении его северозападная область Азербайджан ныне сплошь тюркоязычна» (стр. 384).

В утверждениях профессора сквозит явная скорбь об утере «ираноязычного пространства». Как раз в этот же период подобные же слезы лил по тому же поводу палач азербайджанского народа Кавам. Получается перекличка, которая совершенно не к лицу советскому ученому.

Непонятным во всем этом остается то, что сноской на странице 373 редакция (отв. редактор акад. И. И. Мещанинов) подчеркивает авторитетность статьи Фреймана, указывая, что она представляет собой доклад, прочитанный на заседании Отделения литературы и языка Академии Наук СССР. Название этого доклада — «Задачи иранской филологии». Следовательно, на заседании Отделения литературы и языка были приняты программные установки доклада заведующего иранским кабинетом Института востоковедения АН СССР. Подобными путями Институт руководил работой востоковедов, живущих в Средней Азии. Могут сказать, что это дело прошлое, что статья опубликована в 1946 году, но до сегодняшнего дня Институт востоковедения АН СССР внятно не сказал в широкой печати ни одного слова, оценивающего порочность этой статьи. Непонятно и то, почему подобную статью обошел в своем выступлении тов. Набиев.

От панираниста не отстают и их идеологические союзнички «велико-афганисты». Таким образом, появляется еще один новый «изм». Наиболее ярым проповедником велико-

[1] «В период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык». И. В. Сталин. Заключительное слово на XVI с'езде партии, сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», Партиздат, 1937, стр. 197; подчеркнуто автором.

афганизма и избранности афганцев был американский профессор Феликс Хоуленд, преподававший в Кабульском колледже и опубликовавший в журнале «Эйша» статью под очень характерным названием «Афганистан не имеет границ». Разжигая ненависть афганцев против народов Средней Азии, Хоуленд все время толкует об «избранности» афганцев и дает адрес для экспансии велико-афганских молодчиков в сторону советской Средней Азии. Под руководством подобного рода учителей в Афганистане сложилась группировка историков и литераторов — лидеров панафганизма. К ним надо отнести в первую очередь Мир-Гулям-Мухаммедхан-Губара и Ахмед-Али-Кихзада. Губар выпустил работу под названием «Краткий очерк истории Афганистана». Чтобы судить об этой работе, приведу несколько анекдотических выдержек. Во введении Губар говорит: «Афганистан страна, находящаяся в южной Азии. Его старая естественная география включала современный Афганистан, Бухару, Самарканд, Хорезм, Хорасан, Керман, весь Сеистан, Белуджистан, Синд, Пенджаб и Кашмир». Размах у молодчика явно широкий, он не отстает от американских учителей. В главе, посвященной истории Афганистана от VI до IV в. до н. э., всего навсего 41 строка, но зато она густо пестрит «открытиями» новоявленного арийца. Говоря о сражениях Кира, он упоминает о скифах, называя их афганским племенем. Бактрийцев он также именует афганцами. В главе «Язык, религия и ремесла Афганистана с VI до VII века н. э.» Губар уверяет своих читателей, что Мерв — исконный афганский город. В главе от I до V века н. э. он пишет: «На кушанских монетах надписи были на языках греческом и родном афганском». Раздел III части II носит название: «Афганская династия саманидов». В этом разделе Губар говорит: «Высшая культура эпохи саманидов была связана с Бухарой и Самаркандом, так как центром Афганистана были эти города».

К «школе» велико-афганцев принадлежат такие афганские писатели, как Мухаммед-Кадыр-Хан Таракки, редактор газеты «Ислах», выпустивший претенциозную книгу «Философия истории». Кстати, недавно Мухаммед-Кадыр-Хан посетил Турцию и распинался в единстве взглядов с турецкими реакционерами, ведя разговоры о необходимости создать блок государств Среднего и Ближнего Востока, направленный против нашей Родины. Сподвижником Мухаммед-Кадыр-Хана является редактор другой крупной афганской газеты — «Анис», Сидеги, написавший не менее гнусную книгу «Кризис Востока».

Кохзад, один из лидеров группы, выступает как историк, написавший двухтомный труд «История Афганистана», проникнутый арийскими теориями. Он выступает и как писатель, состряпавший пьесу «Александр Македонский», в которой проводится мысль, что Александр Македонский своим военным удачам на Среднем Востоке обязан поддержке «могучих афганцев». Так ведет работу под руководством американских агентов группа велико-афганцев в сопредельном с нами Афганистане.

Сейчас принято решение о составлении работы по истории Пакистана. Недавно состоялось совещание по этому вопросу и, кстати сказать, на этом совещании при обсуждении круга вопросов, подлежащих включению в историю Пакистана, было прихвачено освещение истории стран нашей Средней Азии, на которую на этот раз начинают претендовать пакистанцы. Досталось опять саманидам. То саманидов считали персами, что, кстати сказать, делает и Бертельс в своей книжке, посвященной персидской поэзии, то саманиды превращаются в афганцев, а под конец оказывается, что они являются чистокровнейшими пакистанцами.

Такой интерес к вопросам истории, к вопросам, которые являются идеологическим оружием в борьбе реакционеров против всего прогрессивного и, в первую очередь, против Советского Союза, заставляет нас обратить еще большее внимание на правильные и четкие формулировки в освещении основных этапов истории народов Средней Азии, истории их культуры, их литературы. Кстати, нельзя обойти молчанием и вопрос о так называемой «персидской литературе» государства бабуридов в северной Индии. Литература эта, понятно, ни в коем случае не может быть названа персидской, она была таджикской литературой и развивалась под немалым воздействием узбекской культуры, игравшей значительную роль в государстве бабуридов.

Одним из основных вопросов, который необходимо разрешить коллективными усилиями ученых Средней Азии, является вопрос этногенеза народов, населяющих Среднюю Азию. И тут надо посетовать на тов. Набиева, который не дал четких формулировок в этом отношении, а отделался словами о том, что это сложный вопрос. Очень многие вопросы истории сложны, но никогда нельзя прятаться за эту сложность. Надо правильно, по-марксистски разрешить и осветить все эти вопросы.

Кстати, вопрос о тохарском языке. У тов. Набиева получается, что этот язык является языком тюркской системы.

(**Р. Н. Набиев:** Я этого не говорил).

Есть, тов. Набиев, фигура умолчания, пользуясь которой можно сказать многое, и вы как раз воспользовались этой фигурой умолчания, чтобы намекнуть на принадлежность тохарского языка к языкам тюркской системы.

Тов. Набиев должен был познакомиться и с обширной литературой, существующей по этому вопросу, и в первую голову с самими образчиками тохарского языка, ибо наиболее полные памятники тохарского литературного языка хранятся в наших научных учреждениях. Простое ознакомление с тохарскими текстами покажет, что этот язык отнюдь нельзя включать в группу тюркских языков. У С. П. Толстова, не только в его последних работах, но и в ряде прежних, опубликованных в «Кратких сообщениях ГАИМК», в журналах «Советская этнография» и «Вестник древней истории», приведены очень ценные мысли и взгляды на вопросы этногенеза, протекающего особенно интенсивно на территории Хорезма. Вот эти данные Институту истории АН УзССР надо широко разработать, чтобы внести ясность в вопросы этногенеза народов Средней Азии.

Тов. Набиев говорит в своем докладе о том, что неизвестно, к какой языковой группе относится язык массагетов, язык скифов. Может быть, это действительно не известно тов. Набиеву, хотя должно было быть известно ему, как историку, занимающемуся вопросами истории Средней Азии.

(**Р. Н. Набиев.** А вы расскажите сами об этом языке).

Тов. Набиев, за меня это уже раньше сделали и более удачно, чем мог бы сделать это я: академик Григорьев в ряде своих трудов, в том числе в работе о скифском народе — саках, академик Соболевский — в интересной работе «Русско-скифские этюды», академик Марр, опубликовавший ряд ценнейших статей о скифском языке, и, наконец, проф. Абаев, который и сейчас ведет работу над скифским языком.

Задачи, которые стоят перед историками среднеазиатских республик, очень почетны. Мы обязаны не только разоблачать вражеские теории, которые временами получают доступ в нашу среду. Наша наука, наша литература должны быть проникнуты наступательным духом, ибо товарищ Сталин является творцом гениальной теории контрнаступления не только в военном искусстве, но и в области идеологической работы.

Мы обязаны разоблачать вражеские теории, которые фабрикуются за рубежом под руководством американских и английских мракобесов.

Наша идеология, идеология партии Ленина — Сталина — самая передовая в мире, и это обеспечивает нам победу.

Мы должны помнить о том, что нашим оружием является большевистская теория, которой мы обязаны овладевать все глубже и глубже. (**Аплодисменты**).

М. Айбек. Заседание объявляется закрытым. Работу продолжим в 8 часов вечера.

Вечернее заседание 27 апреля 1949 г.

М. Айбек. Продолжаем нашу работу. Слово предоставляется доктору математических наук профессору Т. Н. Кары-Ниязову.

Т. Н. Кары-Ниязов. Товарищи, я сегодня не предполагал выступить и выступаю здесь совершенно экспромтом. Пойти на это заставило меня выступление тов. Джалялова, внесшего большую путаницу в вопрос об Улугбеке. Больше того, тов. Джалялов своим выступлением намного усугубил допущенную им в его статье довольно грубую, не только научную, но и политическую ошибку, совершенно необоснованно считая «антинаучным» бесспорное положение, высказанное мною в одной моей работе, опубликованной в Трудах июньской сессии Академии Наук УзССР в 1947 г., по вопросу об обсерватории Улугбека в Самарканде.

Считаю долгом внести ясность в рассматриваемый вопрос. Прежде всего, напомню аудитории ту часть работы, которая была процитирована тов. Джаляловым. Вот она, в моей подготовленной к печати монографии, один из фрагментов которой был опубликован: «В результате продолжительной и успешной работы астрономической школы Улугбека на определенной стадии ее развития у Улугбека зарождается смелая мысль: произвести генеральную ревизию всего того, что было до него в области астрономических наблюдений, а затем продолжить эту работу».

Вот то место моей работы, которое было процитировано тов. Джаляловым и, по его мнению, считается «антинаучным».

Да, я утверждаю, что именно так обстоит дело и постараюсь доказать это положение более убедительно. Считаю, что в этом положении заключается одно из достоинств Улугбека и его астрономической школы.

Итак, из приведенной цитаты следует, что Улугбек поставил перед собой смелую задачу, заключавшуюся в том, чтобы проверить сделанное его предшественниками в области астрономии, а затем продолжить эту работу. Во-первых, каждый ученый имеет право поставить перед собой ту или иную интересующую его задачу. Спрашивается, почему тов. Джалялов лишает Улугбека права поставить задачу критической проверки сделанного его предшественниками в этой области?

Разумеется, совершенно другой вопрос, если тов. Джалялов считает, что такая задача Улугбеком не была поставлена, и, следовательно, это моя фантазия, подобная фантазии тов. Джалялова.

Но в таком случае я попрошу председателя предоставить на одну минуту слово самому Улугбеку. В моем распоряжении имеется рукопись его основного труда. Разрешите, чтобы не быть голословным, подобно тов. Джалялову, привести следующую цитату. Цитирую лист 117 этой рукописи Улугбека, хранящейся в нашем Институте восточных рукописей. В этой рукописи на упомянутом листе говорится следующее: «Абдурахман Суфи составил трактат о звездах, который был встречен с радостью всеми учеными. Прежде чем определить места звезд по нашим собственным наблюдениям, мы расположили их, согласно этому трактату, по сфере, и мы нашли, что большинство из них расположено не так, как это следует при обозрении неба. Это заставило нас самих заняться их наблюдениями».

Отсюда явствует, что каталог звезд знаменитого Абдурахмана Суфи, встреченный «с радостью всеми учеными», был подвергнут Улугбеком критическому анализу, в результате которого было обнаружено, как пишет Улугбек, «в большинстве случаев несоответствие с действительностью». Дальше, продолжает Улугбек, «мы вновь произвели наблюдение над уже определенными звездами, за исключением 27 из них, которые невидимы на широте Самарканда, а именно: семь звезд из Алтаря, восемь из Корабля, от 36-й до 41-й и от 44-й до 45-й, в Центавре, от 27-й и до последней, и одной, 10-й, в созвездии Волка. Эти 27 звезд мы взяли из книги

Абдурахмана Суфи, с учетом разницы в эпохах. Кроме того Абдурахман Суфи упоминает еще о 8 звездах, места которых были указаны еще Птолемеем, но которые он сам, Абдурахман, не наблюдал». Дальше он заканчивает: «эти звезды, несмотря на все наши тщательные поиски, нами не были обнаружены; поэтому мы не указываем эти звезды в нашем каталоге. Однако этими звездами Птолемея являются 14-я звезда Возницы, 11-я Волка и 6 экстернов Южной Рыбы».

Таким образом, высказанное мною положение принадлежит, как видите, самому Улугбеку, который именно и говорит, что прежде чем приступить к этой новой работе, то есть к составлению известных астрономических таблиц, он подверг тщательному анализу знаменитые астрономические таблицы Абдурахмана Суфи, нашел несоответствие с действительностью и после этой ревизии приступил к составлению своих астрономических таблиц.

Когда мы употребляем термин «антинаучный», то имеем в виду явное противоречие с наукой, или, вообще говоря, необоснованное, голое заявление, противоречащее науке. После приведенного аргумента, мне кажется, становится вполне ясным, является ли антинаучным утверждение тов. Джалялова или приведенные положения. Если тов. Джалялов отрицает приведенные слова Улугбека, то, мне кажется, это равносильно тому, что он отрицает свое существование (смех).

Дальше, о роли Улугбека в области астрономических наук. За неимением времени я лишен возможности подробно осветить это положение. Тов. Джалялов говорил об умалении роли Улугбека со стороны какого-то автора, но в то же время сам, в конце концов, сводит роль Улугбека буквально к нулю, на что совершенно справедливо и обоснованно было указано докладчиком т. Рашидом Набиевым. Он процитировал одно место из статьи тов. Джалялова. Позволю себе напомнить вам его. Вот она, эта цитата: «Коши был учителем Улугбека и является инициатором, руководителем и конструктором обсерватории Улугбека».

Следовательно, по нашей современной терминологии выходит, что Улугбек в лучшем случае является младшим научным сотрудником, если не лаборантом. В самом деле, что осталось на долю Улугбека, если руководителем, конструктором и инициатором обсерватории был не Улугбек, а Коши?

Велика роль Улугбека в области астрономии. В частности, об этом говорят индийские первоисточники — рукописи по астрономии XVII—XVIII вв. индийских астрономов Мулла-

Ферид-Дехлеви и Савой-джай-Синга. Этот Мулла-Ферид-Дехлеви в заключительном обзоре астрономических таблиц, перечисляя все предшествующие таблицы, в заключение останавливается на таблицах Улугбека и говорит: «Из всех астрономических таблиц в настоящее время наиболее почитаемыми и точными являются самаркандские астрономические таблицы», то есть таблицы Улугбека. Таким образом, Улугбек для индийских астрономов последующих веков — XVI, XVII и отчасти XVIII — был единственным авторитетом в этой области.

Дальше, если вы сопоставите работы Савой-джай-Синга и Мулла-Ферид-Дехлеви с работой Улугбека, то легко убедитесь в огромном влиянии Улугбека: почти на каждой странице виден отпечаток влияния Улугбека. Таким образом оказывается, что в данном случае в области точных наук, в частности астрономии, индийские астрономы находились под влиянием школы Улугбека.

Далее возьмите такую страну, как Китай. Ведь Китай, как известно, тоже имеет древнюю культуру, которую мы высоко чтим и уважаем. Но оказывается, что китайская астрономия в известной мере также находилась под влиянием школы Улугбека. Известный ученый миссионер Антуан Гобиль, весьма осведомленный в области истории китайской астрономии, один из активных участников постройки пекинской обсерватории, пишет следующее: «все, чему научились китайцы в области этой науки, пришло к ним с Запада, из окрестностей Самарканда».

Крупным событием в области науки вообще и астрономии в частности является открытие гелиоцентрической системы мира. Здесь, в известной мере, почва была подготовлена самаркандской школой Улугбека. Один из сотрудников самаркандской школы Улугбека пишет: «точкой, наиболее удобной для того, чтобы можно было относить к ней несложное движение, является не центр земли или мира; но обычно его относят именно к этому центру», а это есть не что иное, как намек на гелиоцентрическую систему мира.

Представители школы Улугбека были лишены всякой возможности открыто обнародовать это положение. Улугбек, по всем этим данным, является революционером в области астрономии. Таких фактов немало, и после этого сводить роль Улугбека к нулю — это значит клеветать на великого ученого.

Такое поведение тов. Джалялова совершенно непонятно.

Несколько слов об узбекском ученом ал-Хоразми. Когда говорят об ал-Хоразми, то подразумевают автора известного алгебраического трактата и только. Многие европейские «ученые» говорят, что это такая работа, в которой ничего нового нет, что это компилятивная работа. Таким образом, роль ал-Хоразми также сводится к нулю, а между тем работы ал-Хоразми оказывали большое влияние на развитие науки. Например, в 1878 году в Каире была обнаружена рукопись ал-Хоразми по географии. Этот труд является коренной переработкой известной географии Птолемея. Позднее данная рукопись оказалась в Страсбургской библиотеке. В заключении группы ученых говорится о том, что «Труд ал-Хоразми, в котором вносятся многочисленные новые данные и определения, может считаться в значительной своей части оригинальным, замечательным. Этот труд безусловно замечателен как в силу своей оригинальности, так и вследствие того влияния, которое он оказал на последующие географические труды арабских ученых». Изучавший этот труд Наллино пишет: «Географический труд, выполненный ал-Хоразми, имел важное значение для последующих работ. Некоторые положения, установленные в нем, не получили существенных изменений. В X веке Мас'уди восхвалял совершенство имеющихся в нем географических карт, а немного лет спустя астроном ибн-Юнус почерпнул в нем добрую часть своих географических таблиц».

Таким образом, более или менее поверхностное ознакомление с работами ал-Хоразми показывает, что в области географии он был, так же как Улугбек в области астрономии, крупнейшим авторитетом; подобно Улугбеку он подверг глубокому анализу работы своих предшественников.

Мне кажется, что многие недоразумения в рассматриваемой нами области являются продуктом недостаточного изучения культурного наследия народов Средней Азии. Ученым в этом деле предстоит большая работа, и я убежден, что в конечном итоге результатом многих исследований будет переоценка многих ценностей.

В связи с этим должен заметить, что иногда некоторые наши ученые, как здесь говорили и выступавшие товарищи, и особенно докладчики обращали внимание на это положение, формально подходят к решению тех или иных вопросов. Возьмем, например, вопрос об участии Ходжа Ахрара в убийстве Улугбека. Профессор Семенов отрицательно относится к этому взгляду. Но кто же в конце концов этот злополучный Ходжа Ахрар? Он был крупнейшим феодалом — раз, влия-

тельным ишаном — два, фактическим правителем — три. Ведь в свое время Ходжа Ахрар, насколько вам известно, имел столь колоссальный авторитет, что, вопреки восточной этике, когда Абу-Саид шел пешком, Ходжа Ахрар рядом с ним ехал на лошади. С другой стороны, не секрет и то, что после смерти Улугбека, почти на протяжении 40 лет, он был фактическим правителем. Теперь, заметив это положение, обратите внимание на то, что убийство Улугбека было отнюдь не случайным явлением. Шла довольно планомерная подготовка к этому убийству. Так можно ли после этого хоть на минуту допустить, что в то время, когда речь шла о подготовке к убийству такого крупнейшего ученого, как Улугбек, да притом ученого на троне, можно ли после этого допустить, что столь влиятельный человек, который фактически был дирижером правления, мог оставаться нейтральным. Разумеется, нет. Он должен был сказать или «да» или «нет». Конечно, он не мог сказать «нет» по той простой причине, что школа Улугбека по своей природе шла вразрез с воззрениями того времени, потому что астрономическая наука по своей природе диаметрально противоположна положениям религии. Так что утверждать после этого, что в столь важном вопросе, когда речь шла об убийстве главы государства и виднейшего ученого, такой крупнейший авторитет, как Ходжа Ахрар мог остаться в стороне — неправильно. В этом отношении совершенно правы и докладчик тов. Захидов и тов. Салимов, которые высказали примерно такое же мнение. Это характерный штрих того, что некоторые наши историки зачастую совершенно формально подходят к анализу того или иного явления.

Мне кажется, было бы прекрасным памятником для всех наших великих среднеазиатских ученых, если бы мы, начиная хотя бы с этого дня, приступили к более всестороннему и глубокому изучению культурного наследия наших великих предков. **(Салье:** «Правильно».). **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Слово имеет научный сотрудник Института истории языка и литературы Киргизского филиала Академии Наук СССР тов. Алтмышбаев.

Тов. Алтмышбаев. Товарищи! Я взял слово не для того, чтобы останавливаться на том или ином вопросе, вытекающем из предметов обсуждения этого довольно плодотворного совещания. Мы, я и мой коллега, кандидат философских наук тов. Джунусов, представляем здесь коллектив научных работников одной из братских Узбекистану республик — Киргизии.

Поэтому я хочу лишь в нескольких словах поделиться своими впечатлениями от данного совещания.

Вопросы, которые здесь обсуждаются, очень актуальны и своевременно поставлены на обсуждение широких слоев советской интеллигенции. Эти вопросы получили здесь, на мой взгляд, дельную трактовку и правильное освещение.

Тезисы, выдвинутые докладчиками, достаточно аргументированы конкретными фактами.

Приятно отметить и то, что те товарищи, которые в своих научно-исследовательских трудах в той или иной мере допустили элементы буржуазного объективизма и космополитизма, чистосердечно, как это свойственно только советским ученым — гражданам, признались здесь в своих ошибках и встали на правильный путь, дав обещание выправить положение.

Уместно сказать пару слов о том, что делается в этом отношении у нас в Киргизии. У нас, как и в Узбекистане, некоторые историки, литераторы, занимавшиеся и поныне занимающиеся вопросами истории киргизского народа, историей развития его общественной мысли и культуры, не были, к сожалению, свободны от элементов или тенденций буржуазного объективизма и космополитизма. Они не сумели руководствоваться в своей научно-исследовательской деятельности учением классиков марксизма-ленинизма, не сумели последовательно проводить в жизнь идею партийности науки, в результате чего, быть может, не сознавая этого, попали в плен враждебной нам идеологии.

Я имею в виду прежде всего доктора исторических наук А. Бернштама и его единомышленника С. Абрамзона, которые в своих работах, посвященных истории Киргизии и истории культуры киргизского народа, допустили весьма грубые ошибки космополитического характера. Их ошибочные взгляды, к которым присоединился и Жирмунский, ярко проявились в трактовке эпоса «Манас». По мнению Бернштама, Абрамзона, Жирмунского этот эпос не является творческой принадлежностью киргизского народа, а заимствован у греков и римлян, у персов и арабов. Космополитизм Бернштама, Абрамзона, Жирмунского доходит до того, что они лишают киргизов даже права на орнаментацию, считают, что она заимствована киргизами у китайцев.

Эти и подобные антинаучные трактовки получили действенный отпор со стороны коллектива научных работников республики, которые и дали иное, марксистское толкование культурных традиций советского Киргизстана.

Тов. Захидов говорил о некоторых тенденциях переоценки

прошлого среди литераторов. С аналогичным положением мы сталкиваемся в работах некоторых киргизских историков, литературоведов и критиков. Так, историк Ажамгирчинов в своем труде «Киргизы в эпоху Ормона» стремился, может быть, несознательно, показать Урманхана прогрессивной исторической личностью, а поэт Маликов в своем творчестве идеализировал прошлое. Литературный же критик Самончин до последнего времени всевозможными средствами препятствовал разоблачению ошибок поэта Маликова. Все эти факты были осуждены V съездом компартии (большевиков) Киргизии, пленумом союза ССП и активом интеллигенции Киргизии. Однако у нас еще остается очень много вопросов, которые нуждаются в дальнейших разъяснениях. Большинство из них поставлено и здесь, на данном совещании, и на них даны обстоятельные ответы.

Наше пожелание — в дальнейшем чаще созывать такие совещания, в работе которых мы могли бы участвовать и получать очень ценные советы и предложения, которые помогут нам в наших практических делах.

Имею основание надеяться, что научные работники и работники культуры Узбекистана и впредь проявят такую же инициативу, которую мы сейчас видим.

Разрешите от имени научного коллектива Киргизского филиала АН СССР поблагодарить вас за приглашение принять участие в работе данного совещания и пожелать вам в дальнейшем успешного разрешения тех грандиозных задач, которые поставлены перед нами нашей партией большевиков и лично товарищем Сталиным. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Слово имеет проф. Л. И. Климович.

Л. И. Климович. Разрешите, прежде всего, поблагодарить от имени Правления Союза советских писателей СССР и от себя лично руководство гуманитарного Отделения Академии Наук Узбекской ССР за любезное приглашение на это свое расширенное заседание.

Я присутствую уже на пятом обсуждении вопросов, связанных с борьбой против проявлений космополитизма в востоковедческой науке.

Эти обсуждения показывают, что советские востоковеды со всей ответственностью относятся к задачам борьбы против буржуазных влияний в востоковедении, против космополитизма, за чистоту марксистско-ленинской науки, за наше родное советское востоковедение.

Советское востоковедение имеет ряд серьезных достижений. Эти достижения есть во всех областях советского восто-

коведения, и нам не к лицу прибедняться. И именно потому, что наша наука сильна, именно потому, что наша наука стоит на единственно верной марксистско-ленинской основе, мы должны со всей ясностью вскрывать и разоблачать ошибки, имеющиеся еще недочеты и все то, что мешает нашему дальнейшему движению вперед.

Критика и самокритика есть закон развития советского общества, именно из этого мы и исходим.

В докладах, которые здесь были прочитаны, а также в выступлениях ряда товарищей в ходе прений был дан обстоятельный анализ многих существенных ошибок отдельных востоковедов.

Поэтому не буду останавливаться на многом из того, что говорилось на предыдущих заседаниях, а также на обсуждениях в Москве и Ленинграде, отмечу лишь некоторые вопросы, которые, как мне кажется, рассмотрены еще недостаточно.

Народы Средней Азии являются творцами и обладателями огромных культурных ценностей. О древности и высоте культуры этих народов, помимо письменных источников, свидетельствуют остатки былых систем орошения, замечательные создания зодчих, украшающие многие города и села, а также другие памятники материальной культуры. Об этом же говорят выдающиеся творения художественного слова — фольклор и письменная литература, произведения живописи, художественных ремесел, музыки, танца, созданные народами Средней Азии.

Эти создания народного гения показывают, что ни арабское завоевание, ни монгольское нашествие, ни другие нападения захватчиков не смогли погасить и принизить творческий взлет среднеазиатских народов. Не смог этого сделать и царизм, стремившийся подавить все подлинно прогрессивное, передовое.

Культура народов Средней Азии самостоятельна и самобытна. Она целиком определяется своеобразными конкретно-историческими условиями среднеазиатской действительности.

На развитии этой культуры издавна сказывалось большое положительное влияние русского народа, его передовая культура. Ф. Энгельс писал К. Марксу 23 мая 1851 года: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»[1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

Общение с русским народом, вопреки царизму, помогало трудящимся массам Средней Азии в их стремлении к достойной человеческой жизни, к светлому будущему. Русская революционно-демократическая мысль будила их и звала на борьбу с невежеством, темнотой и мракобесием. Воспитывая в трудовых массах лучшие чувства, передовая русская литература благотворно влияла на литературы народов Средней Азии, помогала уничтожению их патриархально-родовой и племенной ограниченности, способствовала развитию демократических тенденций и новых литературных жанров. Развившаяся в начале XX в. в Средней Азии реалистическая проза и драматургия возникли под прямым влиянием русской литературы.

Но только Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая режим эксплоатации и национального угнетения, открывшая новую эпоху истории человечества, впервые обеспечила условия для подлинно свободного развития национальных культур.

Узбеки, туркмены, казахи, киргизы, таджики и другие народы Советского Востока развиваются и консолидируются как нации не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой советской власти. «Это беспримерный факт в истории, но это все же факт»[2], — указывает товарищ Сталин.

Мудрая ленинско-сталинская национальная политика большевистской партии создала все условия для бурного роста экономики и культуры народов нашей многонациональной родины. Советская эпоха необычайно обогатила и подняла на новую качественную ступень литературу, искусство, все области культуры народов Советского Союза.

Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) указал: «... период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме»[1]. Многонациональная советская социалистическая культура является самой идейной и самой передовой, она глубоко партийна и противостоит растленной культуре капиталистической Европы и Америки.

Создавая новые культурные ценности, советские люди с величайшей любовью и уважением относятся ко всему передовому и прогрессивному, что было создано нашим народом в прошлые века. Только в нашей стране стало возможным воссоздать действительную картину истории и истории куль-

1 И. Сталин, Соч., т. VII; стр. 13.
2 И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, 1937, стр. 426.

туры народов Советского Союза. И только наша марксистско-ленинская наука оградила и ограждает от разграбления культурное наследие этих народов, наследие, составляющее их национальную гордость и национальное достояние.

Здесь уже говорилось о том, что буржуазные ученые, в угоду иноземным хищникам, выдавали многих деятелей литературы, искусства, науки народов Средней Азии за представителей культуры зарубежных народов. Например, великие ученые Узбекистана аль-Фараби и аль-Бируни выдавались за арабских ученых; гений узбекской литературы Алишер Навои изображался как «общетюркский», «турецкий» и даже «афганский» поэт. Отрицалась самостоятельность, а иногда и само существование узбекской, туркменской, казахской, киргизской, таджикской литератур. Эти древние и богатые литературы выдавались всего лишь за худосочные ответвления или придатки арабской, персидской, турецкой (османской) литератур. А то, что было написано представителями народов Средней Азии на языках арабском, персидском или турецком, уже по одному признаку языка относилось к литературам зарубежным, либо считалось неким абстрактным «общеарабским», «общеиранским» или «общетюркским» достоянием. Для того же, чтобы «доказать» «единство» этого «общеарабского», «общеиранского», «общетюркского», все своеобразие каждой из национальных литератур сознательно игнорировалось, все содержание их подравнивалось под иноземный «образец».

Нивелировались литературы и по религиозному признаку. Их рассматривали как проявления ислама, мусульманства, будто бы единого от Марокко и Пиренейского полуострова до Индии и Китая. Даже в таком распространенном издании, как энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, богатая и глубоко самобытная литература узбекского народа изображалась в виде некой безликой литературы, которая будто бы «ограничивается священными книгами, несколькими историческими сочинениями и переводами Гафиза и других персидских поэтов»[1].

Авторы таких «взглядов» по существу оплевывали замечательное культурное наследство народов нашей страны. Согласно подобным «теориям» получалось, что истоки культуры народа коренятся не в условиях его исторического развития, не в борьбе трудящихся против «своих» и иноземных поработителей, не в творческом гении народа и деятелей его культуры, а во влиянии зарубежного «мусульманства», в том, что шло из стран зарубежного феодального Востока и буржуазной Западной Европы и Америки.

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПБ, 1900, т. XXVIII-а, стр. 451.

Вредоносные, разлагающие идейки этих буржуазно-космополитических «теорий» протаскивались в область литературы и искусства братских народов СССР, в частности народов Средней Азии.

Еще совсем недавно безродный космополит Б. Дайреджиев изображал молодой национальный таджикский театр имени Лахути как некую копию с театров Западной Европы. «Черты испанского героико-романтического театра — «плаща и шпаги» и шиллеровского романтизма, — писал этот антипатриот 6 июня 1947 года в газете «Коммунист Таджикистана»,— возродились и зажили новой жизнью на крайнем форпосте советской культуры — на Среднем Востоке». Все своеобразие и самобытность советского таджикского театра, согласно домыслам раболепствующего перед буржуазным Западом Дайреджиева, сводятся к тому, что здесь «на блестящей героической шпаге начали жарить шашлык, а романтический плащ пошел на подстилку чайханщику». Таков оголтелый цинизм презренных отщепенцев, людей без роду и племени!

Немалый вред нанесли безродные космополиты и искусству узбекского, туркменского и других народов Советского Востока. В их подрывной деятельности были широко использованы родственные космополитизму, враждебные народу «теории» панисламизма, панарабизма, панираннизма и пантюркизма. Носители и проповедники таких «теорий» отрывают литературу и искусство от национальной почвы, которая определила возникновение и развитие этого искусства, а также замалчивают классовую борьбу в литературе, по существу выступают против ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре.

Касаясь в этом выступлении лишь отдельных вопросов советского востоковедения, я хочу еще остановиться на проблеме влияния передовой культуры русского народа на культуру народов Советского Востока и на их взаимовлиянии. Несмотря на исключительную важность этой проблемы, она до сих пор по существу не только в достаточной мере не освещена, но и не поднята.

Проблема отношения передовой русской культуры к культурам народов Советского Востока до последнего времени ставилась, как правило, односторонне. Преимущественному

рассмотрению подвергался, например, вопрос о влиянии языков народов Востока на русский, но не обратно. Об этом свидетельствуют, в частности, итоговые работы по тюркологии. Возьмем статью члена-корреспондента Академии Наук СССР Н. К. Дмитриева «Труды русских ученых в области тюркологии», опубликованную в 1946 году в «Ученых записках МГУ», выпуск 107 — «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры».

Здесь читаем, например, о тюркологе М. Казем-беке, что он «занимался также и специфической для русской тюркологии темой: «Элементы восточных языков в русском словаре»; о тюркологе В. Д. Смирнове, что «занимался Смирнов... также и основной проблемой нашего востоковедения — выяснением восточных элементов русского словаря»; о тюркологе П. М. Мелиоранском, что он также «занимался... важнейшей проблемой восточных элементов в русском языке и словаре». Отмечено, правда, в статье и то, что после Октябрьской революции «выявилась колоссальная роль русского языка в развитии и оформлении братских языков наших республик. Тем самым была поставлена новая кардинальная проблема о научном изучении этой роли».

Но, как ни странно, в статье не сказано ничего, что бы раскрывало эту тему на конкретном материале и тем самым подчеркивало все значение этой кардинальной проблемы. Напротив, во вступительной части сказано по старому, односторонне, в духе того неверного положения, якобы «основная проблема нашего востоковедения — выяснение восточных элементов русского словаря».

Читаю: «Исторически Россия всегда была связана с тюрками и их культурой. В таких известных памятниках древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве», древнерусские летописи, «Хождение за три моря Афанасия Никитина», записки Котошихина и т. д., заключается громадное количество слов и терминов, заимствованных из тюркских языков, главным образом татарского».

Ничего больше не сказано. Односторонность такого изучения очевидна. И мы не можем проходить мимо того, что такая односторонность не раз использовалась нашими врагами для всякого рода блудливых и злостно-клеветнических «теорий» об отсталости русского народа.

Не разработан в должной мере и вопрос о благотворном влиянии передовой русской литературы на литературы Советского Востока. Должен сказать, что это обстоятельство пагубно отразилось и на составленной мною хрестоматии,

выпущенной в 1947 году, этом первом опыте создания вузовского пособия по курсу «Литература народов СССР» и первой попытке построения истории шести литератур Советского Востока, каждой в отдельности.

Хрестоматия содержит и другие существенные недостатки, о чем уже отчасти писалось в печати, в том числе и мною. Подробно я говорил об этом на предыдущих обсуждениях в Москве и Ленинграде. Критику А. А. Фадеева я полностью принял и, как вы частично можете судить, делаю из нее соответствующие выводы.

Вместе с тем, я должен решительно отмести попытки некоторых товарищей, стремившихся огульно, без соответствующей научной критики опорочить хрестоматию. Считаю уместным сказать об этом здесь, так как подобная «критика» имела место на страницах газеты «Қзыл Узбекистан» и журнала «Звезда Востока». Я имею в виду статью товарищей С. Қасымова, Х. Убайдуллаева и С. Азимова, в которой допущены явные передержки, а действительные ошибки хрестоматии получили отражение как в кривом зеркале.

Отмечая важность разрешения вопроса о благотворном влиянии передовой культуры русского народа на культуру народов Средней Азии, нельзя не указать на то, что некоторыми востоковедами значение этого вопроса до сих пор не сознается. Между тем разработка этого вопроса имеет исключительное значение в борьбе с космополитизмом и родственными ему панираністскими, пантюркистскими, панисламистскими и панарабистскими построениями. Подобные построения, находившие отражение в работах отдельных востоковедов, были направлены, прежде всего, к тому, чтобы связать народы нашего Востока с зарубежными восточными странами, с их реакционными кругами, с тем, чтобы оторвать их от России, оторвать от русского народа и его передовой культуры.

Русское востоковедение еще до Октябрьской революции создало ряд больших научных работ, поставивших его намного выше западноевропейского буржуазного востоковедения. Русские ученые собрали значительные материалы, показавшие, что народы Средней Азии обладают большими литературными ценностями. Исключительное значение в этом отношении имели, например, многочисленные материалы по устному творчеству тюркоязычных народов, записанные и изданные в оригинале и частично в переводах акад. В. В. Радловым. Ряд памятников литературы народов нашего Востока собран и исследован проф. Мирза Казем-беком, проф. П. М.

Мелиоранским, проф. Н. Ф. Катановым, проф. В. Д. Смирновым, проф. Н. И. Веселовским, проф. Н. И. Ашмариным, проф. А. Е. Крымским, акад. В. В. Бартольдом и многими другими русскими востоковедами.

Конечно, царизм пытался подчинить изучение народов Востока своим колонизаторским интересам, немалые усилия прилагало к этому и служившее самодержавию православное духовенство с его миссионерской политикой. Однако для России Средняя Азия, как и другие области Востока, никогда не были чем-то далеким, «заморским». Русские люди издавна находились в деятельном общении с народами нашего Востока. Поэтому изучение народов Востока и их культуры всегда было для передовых русских людей делом близким, общественно значимым.

Именно русские ученые в первой половине XIX века заложили основы научного изучения творчества Низами, как культурного явления в истории народов Закавказья. Эпохе, жизни и творчеству великого узбекского поэта Алишера Навои была посвящена первая магистерская диссертация, защищавшаяся на факультете восточных языков Петербургского университета М. Никитским[1].

Выводы диссертации, в которой высоко был оценен гений Навои, прочно вошли в науку. С этого же времени изучение произведений знаменитого узбекского поэта стало обязательным по курсу тюркских языков и наречий, читавшемуся в русских учебных заведениях. Тексты из Навои были напечатаны уже в первом томе учебной «Турецкой хрестоматии» М. Березина, изданной в Казани в 1857 году. Русский тюрколог Н. И. Ильминский во «Вступительном чтении в курс турецко-татарского языка», который он начал читать в 1861 году в Казанском университете, уделил большое внимание Навои, охарактеризовав его как «поэта-патриота» и «почти единственного или, по крайней мере, могущественнейшего бойца за родной язык»[2]. Русские же ученые начали изучение творчества Бабура, Мухаммеда Салиха, Махтум-Кули и других представителей литературы народов Средней Азии.

Однако в работах дореволюционных русских востоковедов находили себе место и взгляды, близкие космополитическим и родственным им панисламистским, панарабистским, панира-

[1] М. Никитский, Эмир-Низам-эт-дин-Али-Шир в государственном и литературном его значении. Рассуждение, СПБ, 1856.

[2] Ученые записки, издаваемые Казанским университетом, 1861; кн. III, стр. 33—38.

нистским и пантюркистским «теориям». Следы этих взглядов можно обнаружить и в трудах некоторых советских востоковедов, значительная часть научной деятельности которых относится к дооктябрьскому периоду. Подобные взгляды содержатся, например, в отдельных работах академиков В. В. Бартольда (1869—1930), С. Ф. Ольденбурга (1863—1934), а также некоторых других ученых, сделавших в общем много полезного и ценного в изучении истории и истории культуры народов Востока.

Утверждения, близкие космополитическим «теориям», заимствованным у буржуазной науки, протаскивались и в трудах некоторых советских востоковедов. Подобными «теориями» были заражены даже работы отдельных видных ученых, не мало ценного внесших в изучение литературы и искусства народов Советского Востока. Так, неправильные утверждения о существовании некоей «единой мировой науки», «мирового востоковедения», о том, что будто бы Восток и Запад «слились в науке» и т. п., содержались в ряде работ крупнейшего арабиста акад. И. Ю. Крачковского.

Такие ошибочные положения и взгляды проникали в советское востоковедение потому, что некоторые наши ученые не осознавали, что востоковедение, как и всякая наука, партийно, а также, что цели и задачи реакционной буржуазной науки прямо противоположны и враждебны целям и задачам, которые стоят перед советской передовой наукой, что буржуазная наука помогает империалистам угнетать колониальные народы.

Непонимание партийности науки и незнание марксистско-ленинской теории литературы привело члена-корреспондента Академии Наук СССР Е. Э. Бертельса к искусственному рассмотрению всего, что где бы и кем бы то ни было написано на персидском языке, как явлений некоей «единой» «международной персидской литературы». По мысли Е. Э. Бертельса, развитие в Средней Азии литератур на национальных языках — в том числе узбекском и таджикском — вызывает якобы обеднение «персидской литературы»[1]. Таким образом, он не только, вслед за панираністами, причисляет к персидской литературе произведения, созданные вне пределов Ирана и иранцам не принадлежащие, но и искусственно противопоставляет так называемую «международную персидскую литературу» — литературам других народов.

Отсюда же исходит совершенно неверный вывод Е. Э. Бер-

[1] Е. Э. Бертельс, Литература на персидском языке в Средней Азии, Сборник «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 228.

тельса о том, будто бы литература на тюркских языках зародилась «в недрах персидской литературы», и что будто бы унаследованная в туркменской литературе «техника персидской суфийской поэзии... подготавливает почву для Махтум-Кули и его современников»[1]. Хотя отдельные придворные поэты иногда становились выразителями демократических мотивов, нельзя говорить (как это утверждает Е. Э. Бертельс) будто бы вообще демократическая литература зародилась «в недрах» «придворной литературы» (там же). Наивность подобного представления очевидна.

Искусственны и употребляемые Е. Э. Бертельсом термины «сельджукское искусство», «сельджукская литература» и т. п. Эти термины выводятся из династического признака, они отрывают искусство и литературу от той конкретно-исторической обстановки, от жизни того народа, который их породил, определил их содержание. Кстати сказать, столь же искусственны еще имеющие хождение объединительные термины «сасанидское искусство», «сасанидская культура» и т. п. Ведь династии сельджуков (и сасанидов!) подчиняли себе ряд народов, культура которых никогда не была единой.

Формалистские и космополитические утверждения, углубляющие ошибки востоковедов старой школы, содержатся в работах проф. Б. Н. Заходера. Так, в его книге «История восточного средневековья», изданной в 1947 году и сейчас еще используемой в качестве учебника для вузов, полностью игнорируется борьба в области культуры, которую вели угнетенные арабами народы против своих завоевателей. Культура разноязычных народов халифата представлена в книге как некое нивелированное исламом единство.

Автор пишет (стр. 82): «Быт и культура всех народов, составляющих халифат, уже с XI века являют черты такого органического культурного единства, что мы можем и имеем достаточно оснований именовать их «мусульманскими», без различия в специфике каждого народа в отдельности». Слово «мусульманскими» при этом взято в кавычки, но Б. Н. Заходер в следующем же абзаце забывает о них и в дальнейшем действительно игнорирует все и всякие различия в специфике каждого народа в отдельности.

Это утверждение, близкое взглядам панисламистов, Б. Н. Заходер дословно повторил в 1948 году в послесловии к роману Айбека «Навои», вышедшему в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы» издательства

[1] «Совет Эдебияты», Ашхабад, 1944, 9—10.

«Советский писатель». Здесь Заходер также говорит об арабах, иранцах, тюрках и др., «внесших свою большую лепту в дело создания единой средневековой мусульманской культуры». Эта якобы «единая» культура теперь даже не ставится в кавычки! Но такой культуры, как известно, не существовало.

Автор послесловия пытается обелить ислам, отождествить его с культурой народов Ближнего и Среднего Востока, представить эту религию как вместилище культурных ценностей. Ислам, по Б. Н. Заходеру, — явление, выполнившее «задачу синтеза и освоения культурного наследия народов Передней Азии». Доходя до утверждений, не имеющих ничего общего с марксизмом, Заходер говорит о «культурной роли ислама», т. е. без тени критики воспроизводит измышления некоторых авторов из таких дореволюционных изданий, как «Мир ислама».

В работе «Хорасан и образование государства сельджуков»[1] Б. Н. Заходер «открывает» даже некое «средневековое мусульманское мышление», которое, например, не делало различия между понятиями «город» и «деревня». В работе, цитированной ранее, он говорит также о «мусульманском керамическом производстве, ткацком и стекольном деле» (стр. 88) и т. п. Из всего этого видно, что Б. Н. Заходер не только исходит из идеалистических построений — от духа, от ислама, но и в духе панисламистских «теорий» под понятием «мусульманского» стирает всякую национальную специфику, уничтожает все то, что отличает культуру каждого народа.

Подобные идеалистические взгляды нашли отражение и в сборнике «Пути развития узбекской музыки», выпущенном в 1946 году издательством «Искусство». В статье редактора сборника проф. С. Л. Гинзбурга «Музыкально-историческое наследство Советского Узбекистана» не только говорится о некой «средневековой мусульманской науке, литературе и искусстве», но и ставится «задача» конкретизировать и уточнить «содержание и масштаб участия народов нашей страны в формировании... мусульманской музыкальной культуры» (стр. 13)!

Во втором выпуске сборника «Эпиграфика Востока», выходящем под редакцией проф. В. А. Крачковской (1948), некоторые авторы, исходя из тех же идеалистических принципов, толкуют эпиграфику Средней Азии и Азербайджана тоже как нечто «мусульманское». Они тоже игнорируют национальную природу изучаемых памятников. Такова, к примеру, статья А. М. Беленицкого «Из мусульманской эпиграфики Та-

[1] Вопросы истории, 1945, 5-6.

ласской долины». Там же, в статье М. М. Дьяконова надписи на кайраках (надгробных камнях) в Киргизии выданы за «важные памятники арабской эпиграфики».

Конечно, влияние и взаимовлияние культур разных народов, а также сходство отдельных элементов в их культурах, определяемое в некоторой мере и исламом, существовали. Но они не были столь значительными, чтобы обнимать все понятием «мусульманское» или «арабское». Поступать так — значит вольно или невольно принижать культуру народов, являющихся создателями и обладателями этой культуры, принижать ее в угоду панисламистам, панарабистам и стоящим за ними империалистическим державам.

Между тем изображение культуры порабощенных арабами народов как явления абстрактной «мусульманской культуры» или «арабской художественной мысли» — не отдельная формула, а основное положение в «Истории восточного средневековья» Б. Н. Заходера. Оно отразилось и во введении к изданному в 1947 году Заходером переводу трактата Кази-Ахмеда. Здесь, например, читаем:

«В то время как Кази-Ахмед писал свое сочинение, давно уже миновала та культурная и плодотворная пора мусульманской культуры, которая дала миру столько общеизвестных имен. Трактат не напоминает своим содержанием ни аналитическую глубину Бируни, ни мистическую пылкость Газали, ни блестящее мастерство классиков персидской литературы».[1]

Итак, здесь тоже все покрыто «мусульманской культурой» — и Бируни, и Газали, и «классики персидской литературы»! Вдобавок, игнорируя творчество великого азербайджанского поэта Низами и его выдающегося современника Хагани, Б. Н. Заходер так пишет о литературе XII—XIII вв.: «Мусульманская литература (под ней он понимает всю литературу, включая художественную. — Л. К.) этого периода на арабском и персидском языках пронизана пессимизмом и мистицизмом»[2]. Ясно, что во всем этом нет ни попытки классового анализа этой «мусульманской литературы», ни стремления проследить ее демократическую и материалистическую струю в культуре XII—XIII вв., которую нельзя подвести ни под мистицизм и пессимизм, ни под мусульманство.

Несколько слов о послесловии Заходера к роману Айбека «Навои». Оно по существу сводит на нет самый замысел романа, состоящий, как известно, в том, чтобы раскрыть самобытность и оригинальность Алишера Навои, показать его как выдающегося представителя культуры узбекского народа.

[1] Кази-Ахмед, Тракт о каллиграфах и художниках. Введение, проф. Б. Н. Заходера, изд. «Искусство». М.—Л., 1947, стр. 54.

[2] Б. Н. Заходер, «История восточного средневековья», стр. 107.

В самом деле, Б. Н. Заходер пишет, что Герат, где жил и работал Навои, это, якобы «иранский городок», что культурная роль Герата определяется «признанием преобладания иранского элемента в политической и культурной практике тимуридов», что здесь «иранская культурная традиция» превалировала «над всеми другими традициями» и т. п. Правда, Заходер ниже заявляет: «Говоря об иранской традиции, об иранской культуре в Герате, мы далеки от мысли, что эта традиция и культура обслуживались исключительно иранцами по происхождению». Однако эта фраза ничего не изменяет, наоборот, она заставляет насторожиться: по Заходеру выходит, что эта «иранская культура» Герата лишь «обслуживалась» не иранцами, а создавалась — видимо, иранцами!

Между тем, известно, что Герат — город, который был населен и в то время по преимуществу таджиками, а также узбеками. Но об этом у Заходера ни слова. Из дальнейшего становится ясным, что он пытается протащить в несколько замаскированном виде гнилую панираниствую идейку — будто все лучшее у Навои исходило от Ирана. Заходер пишет, что «государственно-этический идеал»,—в возможность осуществления которого верил Навои, — «не являлся продуктом оригинального творчества Навои, а уходил своими корнями в иранскую литературную и политическую традицию....». И дальше: «Среднеазиатский тюрк по происхождению, семейным традициям и языку, он (Алишер Навои) оказался не только лучшим знатоком и ценителем культурного мусульманского и иранского наследства, но одним из гениальных творческих продолжателей лучших традиций этого наследства».

Таким образом, великий поэт узбекского народа Алишер Навои под пером Б. Н. Заходера оказывается не оригинальным узбекским мыслителем, выросшим на родной узбекской почве, а всего лишь эпигоном иранских традиций!

Коснемся вопросов, связанных с изучением архитектурных памятников Узбекистана. В свое время член-корреспондент Академии Наук СССР А. Ю. Якубовский в ряде своих работ уже опроверг мнение Н. И. Веселовского и некоторых других дореволюционных исследователей, пытавшихся отрицать оригинальность памятников архитектуры Самарканда. Доводы этих исследователей основывались на том, что среди строителей отдельных памятников были и персидские масте-

ра. Анализируя памятники Самарканда, А. Ю. Якубовский правильно отметил, что «... мастера, вывезенные Тимуром из Ирана, ничего принципиально отличного от того, что здесь было, не создали. Перемен в строительном деле они не произвели, и никакого разрыва в строительном искусстве между тем, что было в дотимуровское время, и тем, что делалось при нем, нет»[1].

Тем более удивительно в книге Э. К. Кверфельдта «Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознанию и определению керамических изделий», изданной Гос. Эрмитажем в 1947 году, читать (стр. 92): «Архитектурная керамика Самарканда ориентируется на художественные традиции Ирана; только в деталях (в рисунке лотосов и грибов долголетия) чувствуется китайское влияние, как и в китаизированном типе букв и изобильном применении «китайского» желтого цвета...» Здесь сделана еще и сноска на то, что «в это время (Тимура и тимуридов) в керамических мастерских Самарканда работали иранские (по большей части пленные) и китайские мастера».

Итак, Э. К. Кверфельдт, не считаясь с достижениями советской науки, пытается возродить старые панираниетские построения, принижающие и оскорбляющие законное чувство национального достоинства узбекского народа.

Утверждения, близкие положениям Кверфельдта, содержатся и в статье И. А. Сухарева «Два блюда XV в. из Самарканда», напечатанной в I томе Трудов Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР в 1948 году. На основании отдельных находок, не подтверждаемых остальным материалом, автор делает широкие выводы, преувеличивающие внешние влияния, принижающие самостоятельность и самобытность творчества народов Средней Азии.

Столь же неверны и оскорбительны утверждения некоторых литературоведов, будто в Бухаре в период господства династии саманидов «расцветает персидская поэзия»[2], или что «Рудеки создал своеобразный образ персидского поэта[3], а также, что поэты Средней Азии Мурадн и Азраки, как и выдающиеся представители азербайджанской поэзии Низами и Хагани, являлись якобы создателями «арабо-персидской поэзии»[4].

[1] Труды Отд. Востока Гос. Эрмитажа, 1940, т. 11.
[2] М. Дьяконов, Фердоуси, 1940.
[3] «Страны Ближнего и Среднего Востока». Раздел «Иран», 1944.
[4] А. М. Беленицкий, Хуталльская лошадь в легенде и в историческом предании, Советская этнография, 1948, 4.

Тов. Юсуф-Зия Ширвани, как мне кажется, правильно сделал, что остановился на проблеме литературного наследия, созданного в прошлые века в Самарканде, Бухаре и других местах Узбекистана на новоперсидском языке. Вопрос о национальной принадлежности этой литературы должен быть разрешен, исходя из принципов пролетарского интернационализма. В связи с этим остановлюсь на искусственном термине «таджикско-персидская литература». Как было отмечено в печати, этот термин родствен построениям панираниетов и иных космополитов. К сожалению, этим термином длительное время пользуются некоторые литературоведы и историки, преимущественно в Таджикистане. Кое-кто еще и сейчас пытается цепляться за этот явно гнилой термин. Так, в 1949 году вновь воспроизвел его И. Брагинский во вступительной статье к сборнику стихов М. Турсун-заде, выпущенному недавно издательством «Советский писатель».

«Таджики, — пишет И. Брагинский, — ведут свои культурные традиции от Фердоуси, Саади и Хафиза, от блестящей таджико-персидской поэзии. Ее язык фарси составляет основу современного таджикского языка».

Как видим, И. Брагинский по существу отрицает самостоятельность таджикской литературы и гениального поэта Фердоуси, пытается связать и растворить поэзию таджиков в персидской или абстрактной «таджико-персидской поэзии». Заявляя же, что «основу современного литературного языка» составляет фарси — т. е. язык персов, названный так по иранской провинции Фарсистан, — И. Брагинский пытается свои лживые домыслы противопоставить передовому советскому востоковедению, устанавливающему, что база литературного таджикского языка была и есть не в Иране, а у нас — в Средней Азии. Взгляды И. Брагинского полностью совпадают с гнусной пропагандой панираниетов, с утверждениями тех, кто пытается разграбить культурное наследие таджикского народа.

Ничего общего с позициями советского литературоведения не имеет и тот «анализ», который дает И. Брагинский индийскому циклу стихов М. Турсун-заде. Разбирая их, И. Брагинский «забывает» сказать о главном — о классовой борьбе, о том, что советский поэт может гордиться тем, что его стихи, с любовью и восхищением встречаемые советскими читателями и трудящимися зарубежных стран, всеми передовыми людьми, в то же время вызывают бессильную злобу и ненависть у буржуазии, у врагов демократии и мира.

С космополитических позиций написана книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекский народный героический эпос» (1947). Серьезные ошибки допущены Х. Т. Зарифовым и в составленном им сборнике «Навоий замондошлари»[1]. В этом сборнике автор идеализирует таких «поэтов», как Султан Хусейн Байкара, хотя сомнительна сама принадлежность едва ли не большинства стихов, приписываемых ему.

Такого рода ошибки вытекают из пресловутой «теории единого потока», отрицающей классовую борьбу в литературе. Только исходя из этой «теории», можно писать, например, что якобы «по своему существу поэзия средневекового Востока предназначалась для прославления феодальных властителей и была придворным жанром»[2]. Это утверждение равносильно отрицанию демократической линии развития литературы, линии, которую нельзя смешивать с придворной поэзией!

Серьезные ошибки вкрались, к сожалению, и в такое капитальное издание как «История народов Узбекистана» (т. II, 1947). Особенно жаль, что в этой книге не показана с необходимой полнотой прогрессивная роль России, благотворное влияние передовой русской культуры на развитие культуры узбекского народа. В то же время авторы книги не избежали преклонения перед иностранщиной. Чем иначе можно объяснить такое, например, их «разъяснение»: «Сравнительно высокий образовательный уровень самого Абулгази объясняется тем, что ему пришлось прожить десять лет в Исфагане, столице шаха Аббаса Великого». Разве не очевидно, что для понимания написанных на узбекском языке и на своем материале сочинений Абулгази совершенно не требовалось прибегать к столь странному «разъяснению»!

Вместе с тем, когда речь идет о таких авторах как Ахмед Дониш, Мукими, Фуркат, появление которых не было бы возможно без влияния России, об определяющем значении передовой русской культуры говорится в книге недостаточно и даже вскользь. А о чрезвычайно важном этапе развития узбекской литературы после революции 1905 года и в период февраля—октября 1917 года авторы «Истории народов Узбекистана» хранят почти полное молчание. Не освещен этот этап должным образом и в периодической печати, в частности в журналах «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока». Еще

[1]. «Современники Навои», Ташкент, 1948.

[2] М. Айбек и А. Дейч, Алишер Навои. Вступительная статья к сборнику «Навои». Изд-во «Советский писатель», 1948. То же в журн. «Новый мир», 1948, 5.

не созданы монографии об основоположнике советской узбекской литературы Хамза Хаким-заде Ниязи. Не показано, в чем выражается огромное положительное влияние на современную узбекскую литературу передовой русской, а также и всей многонациональной советской литературы.

В данном отношении показательно и большинство выступлений на этом заседании. Почти все внимание выступавших обращено к вопросам глубокой древности.

Нельзя также не обратить внимания на то, что в изданиях Академии Наук УзССР вопросы современной литературы и искусства до последнего времени не находили должного отражения. Статья «Навои и наша эпоха» действительного члена Академии Наук УзССР лауреата Сталинской премии Гафура Гуляма явно неудачно пыталась поставить эти вопросы[1].

Не разобравшись в том, что основой гуманистических воззрений классиков являлся их глубокий патриотизм, их любовь к родине, Гафур Гулям предположил, что якобы «Навои не считал, что слово «родина» означает нечто имеющее определенные границы. Родина для него это весь мир». Или, что «в произведениях Навои понятие родина свободно от каких-либо географических или территориальных границ».

Мне кажется, что в этой квалифицированной аудитории не требуется разъяснять, что у Навои были более ясные представления о родине.

Гафур Гулям спутал представление Навои о родине с его гуманистическим мировоззрением, с провозглашаемым им высокими принципами любви к человеку, а также отсутствием у него чувства расовой, племенной или религиозной нетерпимости.

Не прав Гафур Гулям и тогда, когда он пишет, что «Навои был настоящим сыном человечества. Мы считаем, разумеется, представителями и сынами определенных народов таких поэтов и писателей, как Низами, Шота Руставели, А. С. Пушкин, Л. Толстой, М. Горький, Мирза Абдулькадыр Бедиль, Т. Шевченко, Джамбул, Физули и Фердоуси, однако все они по своим достоинствам, совершенству их творчества и по всему их гуманистическому мировоззрению являются сынами всех народов мира. Вот почему творческое наследство, оставленное ими, принадлежит всему человечеству».

Гафур Гулям здесь не делает различия — и в этом его ошибка — между национальной природой творчества писателя и социальным и художественным значением этого творче-

[1] Известия АН УзССР, 1948, 5.

ства, которое может быть всемирным. Пушкин, Горький являются национальными гениями русского народа, выросшими на русской национальной почве. Именно отсюда — и достоинства, и совершенства, и гуманизм этих художников. Но творчество Пушкина и Горького приобрело мировое значение.

Мы любим и уважаем Гафура Гуляма как замечательного поэта Советского Узбекистана, мы обязаны товарищеской критикой помочь ему в вопросе отношения к классическому наследию, путанно и неверно изложенном им в упомянутой выше статье.

Еще несколько замечаний о некоторых докладах и выступлениях в прениях.

Прежде всего мне хочется отметить весьма ценное самокритичное выступление одного из крупнейших специалистов в области истории и истории культуры народов Средней Азии проф. А. А. Семенова. Вместе с тем я должен сказать, что в этом выступлении содержались и спорные и неправильные пункты, как например о том, будто бы феодальная раздробленность способствовала или во всяком случае не мешала подъему культуры на высокий уровень.

Подвергая критике ошибки ученых, разумеется, нельзя умалять сделанного ими, нельзя замалчивать успехи в науке, литературе и искусстве народов Советского Востока.

Наука, литература, искусство Узбекистана, как и других братских республик СССР, имеют большие достижения.

Эти достижения характерны и для нашего востоковедения. В частности, исследования археологов С. П. Толстова, М. Е. Массона, А. Ю. Якубовского, В. А. Шишкина выяснили, что культурные области Средней Азии еще с глубокой древности были не провинциями, а важнейшими центрами мировой цивилизации. Воссоздается и подлинная, реальная история науки, литературы, искусства народов Средней Азии, как и всех братских народов СССР.

Именно потому, что наша советская наука сильна и плодотворна, потому, что она базируется на прочной, единственно верной марксистско-ленинской основе, мы и обязаны решительно вскрывать слабости и ошибки в отдельных работах ученых, устранять все, что мешает дальнейшему движению вперед.

Критика и самокритика есть закон развития советского общества, — именно из этого мы и исходим.

«... В интересах правильного большевистского воспитания наших кадров и всего народа, — указывал на X съезде КП(б) Узбекистана тов. У. Юсупов, — мы должны до конца разо-

блачать всякие попытки отрицания самобытности культуры узбекского народа, исходящие от безродных космополитов. Наша задача — всячески способствовать росту чувства национальной гордости узбекского народа, видя в этом средство коммунистического воспитания трудящихся.

Необходимо, далее, разоблачить и отбросить прочь антимарксистские взгляды отдельных горе-историков на ясный для нас вопрос о том, какое влияние оказал русский народ и его замечательная культура на рост национального самосознания узбекского народа».

Исправляя историческую несправедливость и воссоздавая действительную историю своей литературы и искусства, народы СССР с величайшей любовью и уважением относятся ко всему передовому, что создано за рубежом — арабами, иранцами, народами Индии, турками, афганцами и другими. Советские люди воспитаны в духе пролетарского интернационализма, в духе любви и уважения к национальному достоянию каждого народа. Одной из задач нашей науки является правильная оценка литературных богатств народов зарубежного Востока, представление этих богатств в том виде, какой исключает все нарочитые искажения, совершенные буржуазными учеными в угоду империалистам и их прислужникам.

Важнейшие вопросы развития литератур народов СССР, а также состояния критики и литературоведения, поднятые нашей партийной печатью, действенно помогают литераторам и ученым выполнять стоящие перед ними большие задачи. Руководствуясь историческими решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, советские литераторы и ученые, воспитанные на великих идеях Ленина—Сталина, в непримиримой борьбе против всякого рода формалистических и эстетских извращений, против буржуазного национализма, национального нигилизма и космополитизма, еще выше поднимут знамя и славу передовой советской науки, литературы, искусства. Благородный долг деятелей советской культуры — поднимать и пропагандировать все, чем богата наша многонациональная советская Родина, все, что является национальным достоянием и гордостью великой сталинской эпохи. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Слово предоставляется секретарю ЦК КП(б) Узбекистана тов. М. Г. Вахабову.

М. Г. Вахабов. Главная причина космополитических заблуждений ряда наших молодых историков и литературоведов заключается в том, что они до сих пор не освободились от традиций дореволюционного буржуазно-дворянского восто-

коведения, которое по своему существу является идеалистическим учением. Именно в этом идеалистическом учении и пантюркисты, и панираписты, и панисламисты находили подтверждения своих националистических и реакционных теорий.

В свете этого, освобождение истории, литературоведения и других наук от пережитков пантюркизма, панисламизма и панираписма в условиях Средней Азии является неотложной задачей советских востоковедов. Нам необходимо решительно очистить свои ряды от безродных космополитов, а советское востоковедение — от разных теорий и взглядов, проникнутых идеями космополитизма. Для этого, наряду с решительной критикой космополитизма в области истории и литературы Средней Азии, надо всемерно ускорить создание марксистской истории народов Средней Азии, а также истории их культуры.

На данном этапе развития востоковедческих наук мы имеем полную возможность создать подлинно научную марксистскую историю узбекского народа, как и историю других народов Средней Азии. Многочисленные археологические исследования памятников материальной культуры, проведенные советскими археологами, результаты изучения культуры и быта народа нашими этнографами, достижения языкознания дают сейчас нам возможность более критически, используя древние письменные источники, разработать важнейшие вопросы истории народов Средней Азии и этим преодолеть те трудности, которые создавались безродными космополитами в деле развития исторической и литературоведческой науки в Средней Азии, и вывести эти вопросы из тупика.

Корень всех ошибок наших востоковедов состоит в том, что они, изучая историю народов Средней Азии, не придерживались основного принципа марксизма-ленинизма. Они не сумели применить в своей научной работе требований диалектического материализма, говорящих о том, что «... источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.» (И. Сталин).

Попытки некоторых советских востоковедов увязать развитие материальных условий жизни народов с его политической и духовной жизнью на конкретных этапах истории пока еще не увенчались успехом. Положение, высказанное тов. А. А. Ждановым в его выступлении на дискуссии по книге тов.

Александрова «История западноевропейской философии», полностью относится к нашим историкам. Он говорил: «разделы и главы, излагающие философские воззрения, соответствующие эпохе, и разделы и главы, посвященные изложению исторической обстановки, вращаются в неких параллельных плоскостях, а само изложение исторических данных, причинных связей между базисом и надстройкой, как правило дано неудачно, неряшливо...». Тов. А. А. Жданов это явление оценивал как отличительный признак идеалистической философии. В области истории оно также несомненно привело к ошибкам идеалистического порядка, которые были допущены многими востоковедами.

Одна из методологических ошибок во втором томе «Истории народов Узбекистана» и ряда других трудов наших историков кроется именно в этом. Чтобы выйти из этого тяжелого положения, необходимо решительно отказаться от антинаучной буржуазной установки дореволюционного востоковедения. Надо отказаться от установки В. В. Бартольда о том, что «содержание истории преимущественно определяется международным культурным общением, перенесением начал культуры из одной страны в другую». Имея сталинскую установку о том, что «история развития общества есть прежде всего история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей», — итти по пятам буржуазных дворянских востоковедов является явным преступлением перед наукой. Только марксистская, материалистическая установка даст нам возможность раскрыть «законы развития производительных сил, производственных отношений, законы экономического развития общества». Ключом к пониманию всех исторических событий, формирования отдельных народностей, возникновения и развития их культуры, возвышения и падения отдельных государств и т. д. и т. п. является именно эта сталинская установка, сталинское учение об обществе.

В свете требований марксистско-ленинского учения об обществе главным определяющим фактором всех явлений и событий в общественной жизни узбекского народа было земледелие, основанное на искусственном орошении. Появление искусственного орошения произвело резкий переворот в самом земледелии, повысило его продуктивность. По утверждению Маркса, земледелие, основанное на искусственном орошении, дает продукции в 10 — 12 раз больше, чем

скотоводство и неполивное земледелие. Следовательно, оросительная и осушительная системы являются мощным средством производства для земледельческих районов.

Основной методологической ошибкой многих наших востоковедов, изучавших и изучающих историю народов Средней Азии, в особенности узбекского и таджикского народов, является то, что они или совершенно обходят вопросы поливного земледелия или упоминают о нем мимоходом, а значит, не придают ему должного значения.

Все это делается вопреки ясному указанию Маркса о значении искусственного орошения в условиях восточных стран. Маркс говорил: «... Условия климата и почвы, особенно огромное пространство пустыни, тянущееся от Сахары через Аравию, Персию, Индию, Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия. Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависящая от центрального правительства и приходящая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными. Этим также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия, лишить ее всей ее цивилизации».

Разве эти высказывания Маркса — о значении оросительных и осушительных систем в жизни восточных государств — не объясняют нам причину многих исторических событий в жизни узбекского народа? Если история развития общества есть история развития производительных сил, история способов производства, то главным средством производства в условиях Средней Азии является оросительная и осушительная система. Деятельность человека, направленная к созданию и приведению в действие, определяет ход и развитие истории.

Исследования советских археологов в районе старого Термеза, экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала, археологические работы в Семиречье и долине Зеравшана, раскопки на других территориях Средней Азии дали нам богатейший материал для определения решающей роли оросительных и осушительных систем в районах поливного земледелия. Основные причины падения многих крупных рабовладельческих феодальных государств в Средней Азии заключались не в том, что их правители не сумели расширить торговые и культурные связи с соседними народами, или изменилось направление транзитной торговли, а в том, что в этих районах, в силу различных исторических причин, пришла в упадок оросительная и осушительная система. А там, где эти системы были крепкими, не разрушались или после каждого разрушения были опять восстановлены, — там появляются новые государства, оживляется торговля, повышается культура и т. д. и т. п. Именно этим явлением можно объяснить тот факт, что Самарканд, несмотря на неоднократные его разрушения, вновь быстро восстанавливался, и жизнь в нем продолжалась. В Ферганской долине вместо одних приходивших в упадок городов рядом возникали все новые и новые. Такое же явление происходило в Хорезме.

Методы оросительных и осушительных работ, форма оросительной и осушительной системы также оказали большое влияние на судьбы того или иного района. В тех местностях, где для орошения надо было создавать большие каналы, длинные магистрали, например в низовьях Сурхандарьи — в районе старого Термеза, в долине Кашка-дарьи — в каршинских степях, в среднем течении Аму-дарьи — на территории нынешней Туркмении и Кара-Калпакии, — устройство оросительной сети требовало больших трудовых затрат и объединения нескольких племен. На основе этого возникли крупные государственные образования — это, с одной стороны. С другой стороны, эти государственные образования не были прочными и могли легко распадаться, и жизнь быстро прекращалась. Это объясняется тем, что большие расстояния между водными источниками и орошаемыми землями требовали проведения каналов на протяжении нескольких десятков километров, и с их разрушением часто происходило опустошение орошаемых этими каналами районов. Нам кажется, что это обстоятельство дает возможность по-марксистски объяснить причины многих исторических событий, разыгравшихся и позднее на территории Средней Азии.

Для определения деятельности даже того или иного правителя, государственного деятеля, царей и т. д. в условиях Средней Азии мерилом должно служить то, насколько они были способны разбираться в вопросах земледелия, оросительных и осушительных систем и насколько они стремились развивать искусственное орошение и быстро восстанавливать

его после разрушения врагами или при катастрофе. Этот вопрос имел существенное значение именно для тех земледельческих районов, которые находились вдали от источников воды и где требовалось устройство больших каналов.

По этому вопросу также имеются указания Маркса о том, что «в азиатских государствах земледелие приходит в упадок под управлением одного правителя и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правителя, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды». Таким образом, «хорошим» правителем считается тот, который может проводить оросительные и осушительные системы и обеспечить их нормальную работу. Неумение многих правителей наладить дело орошения привело к упадку земледелия и, следовательно, к уничтожению целых городов, развалинами которых богаты в наши дни долины Кашка-дарьи, Сурхандарьи и берега Аму-дарьи.

Не менее важную роль играли вопросы мелиорации в районах с близкими грунтовыми водами, например в Ферганской долине. Проф. Массон в своей работе «О колебании климата Средней Азии, в связи с вопросами об изменении режима вод, за исторический период» устанавливает три периода заболачивания Ферганской долины, которое имело большие последствия. Может быть, такое заболачивание земледельческих районов Средней Азии, в результате разрушения и развала осушительных сетей имело место и в другие времена, но каждое такое событие бесспорно могло привести к большим последствиям.

Главная ошибка наших востоковедов, историков состоит в том, что они, говоря об истории среднеазиатских народов, берут только одну сторону ее. Их интересует главным образом внешняя история народов Средней Азии, «интересует определение международных культурных общений, перенесение начал культуры из одной страны в другую». Поэтому в их работах совершенно отсутствуют или имеются только формальные указания о внутренней жизни этих народов, о социальных противоречиях между отдельными классами и слоями и т. д. Между тем, чтобы изучать подлинную жизнь этих народов, уровень культуры их, даже торговые сношения их с другими народами, победы и неудачи в военных столкновениях, — в первую очередь необходимо изучать социальные отношения внутри народа и уровень производства, который определяется уровнем развития орошения.

Та же порочная, ненаучная установка Бартольда—об определении содержания истории международным культурным общением и перенесением начал культуры из одной страны в другую, — является причиной неправильного, антинаучного определения этногенеза отдельных народов Средней Азии.

Исходя из этой установки, востоковеды смотрят на ход формирования народов Средней Азии извне, со стороны, с позиций древних авторов. Утверждение пантюркистов о том, что все народы Средней Азии в прошлом являлись единым тюркским народом, утверждение панираністов о том, что все народы были иранским народом, или утверждение некоторых афганских историков о том, что народы нынешнего Узбекистана и Таджикистана являются частью афганского народа «пухту», основаны на ничем недоказуемом высказывании древних авторов. Если греческие авторы назвали народы, подчиненные ахеменидскому государству, персами, не зная, что они состояли из множества разнообразных по происхождению, культуре и языку народностей, — то востоковеды, слепо повторяя их утверждение, не хотели вникать в глубь истории отдельных народов. Далее, они, подражая буржуазным востоковедам, считавшим иранским народом все народы, подчиненные сасанидскому Ирану, утверждают, что все обитатели Средней Азии были иранцами. То же происходит с пантюркистами, опирающимися на сообщения китайских путешественников, побывавших в Средней Азии и знавших только те народности, которые в ту пору были носителями государственной власти. Если, опираясь на достижения советской археологии, этнографии и языкознания, поглубже вникать в историю и культуру отдельных народностей, то становится очевидной необоснованность утверждения о том, что когда-то существовали единые культурные народы.

В самом деле, что общего могло быть в начале первого тысячелетия до нашей эры между согдийцами, проживавшими в земледельческих районах Зарафшанской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской долин, и даями, кочевавшими по среднему течению Аму-дарьи на пустынях Кзыл-Кумов? Или что общего могло быть между культурой, языком и бытом хорезмийцев и тюрков, населявших предгорья Тянь-шаня? Они ни по занимаемой ими территории, ни по своему языку, ни по уровню культуры и по многим остальным моментам своей жизни не имели никакой общности. Эти народы могли быть временами в одном политическом союзе или в рамках одного государства, зачастую существовавшего короткое время. Дает ли это нам право объявить их единым народом?

Термины «иранские племена», «иранский народ», «тюрк-

ский народ» и «тюркоязычный народ», как и другие подобные собирательные термины, не означают, что на самом деле в прошлом были единые народы. Так могут утверждать только буржуазные ученые, определяющие народ различными субъективными факторами, но не по прочно установившейся общности территории, экономической жизни и на основе этого — языка и культурного уровня и т. д. Те или иные и сравнительно прочные общности отдельных народов в древности установились независимо от их расового или племенного происхождения. Племена, вошедшие в них, имели даже свои местные языки, родовые говоры. Известный нам в истории так называемый народ саков состоял из многочисленных самостоятельных мелких и крупных народностей. Несомненно, что те же самые согдийцы, хорезмийцы, бактры, массагеты, объявленные древними авторами отдельными народами, состояли из многочисленных самостоятельных мелких народностей или племен и родов. В процессе развития производительных сил, главными из которых являлись земледелие и скотоводство, на протяжении многих столетий складывается тесная связь между группами этих народностей и племен.

Установление и характер такой связи на территории Узбекистана и Таджикистана тоже определяются развитием искусственного орошения и степенью его расширения и усовершенствования. Именно вокруг крупной оросительной сети в процессе ее строительства и совместного использования в долинах Зарафшана, Сурхан-дарьи и Кашка-дарьи, в начале первого тысячелетия до нашей эры, складывается прочная связь между племенами, жившими в этих районах, и возникает крупное государственное образование — Согдийское государство. Такое же явление происходит в низовьях Аму-дарьи, в районе древнего Хорезма, на юге и севере Афганистана, в южной Туркмении и т. д. Характером искусственного орошения — отсутствием больших каналов, повидимому, определяется тот факт, что в Ферганской долине и в Семиречье такие крупные государственные образования возникали сравнительно поздно. Отдельные племена, получая воду непосредственно из естественных водных источников (Кара-дарья, Нарын, Толгар, Иссык, Тургень, Чилик и др.), не чувствовали большой необходимости в объединении в крупном масштабе. Они могли находиться только под властью того или иного завоевателя или в рамках крупного государственного образования. Следовательно, для того, чтобы проследить процесс формирования того или иного народа, а в дальнейшем процесс объединения их в единую нацию, необходимо исходить из развития материальной жизни их.

В составе нынешних народов, населяющих Среднюю Азию , несомненно имеются элементы нескольких древних народностей. При этом какая-нибудь из этих известных нам народностей может быть основным ядром современных народов. Так, древние согдийцы и бактрийцы несомненно являются основным ядром нынешнего таджикского народа, древние хорезмийцы и часть так называемых саков составляют ядро узбекского народа и т. д. Но, вместе с тем, в формировании этих народов неизбежно участвовали и другие народности, например согдийцы, массагеты и другие — в формировании узбекского народа, а сакские племена и ряд других — в формировании таджикского народа и т. д. и т. п. Только в смысле первоначального образования этих основных ядер того или иного народа может итти речь о древности его. Если такие основные ядра складываются несколько позднее, то это не значит, что данный народ в прошлом не существовал и не имел своего начала в племенах, которые позднее образовали основное ядро их. С этой точки зрения все народы Средней Азии — таджики, узбеки, киргизы, казахи, туркмены, каракалпаки, уйгуры и т. д. — имеют своих древних предков и являются древними народами. Поэтому совершенно неправильно и ненаучно утверждение пантюркистов, выведших все народы Средней Азии из одного тюркского народа. Условный термин «тюркоязычные народы» или сообщения китайских авторов, имевших совершенно недостаточное, поверхностное представление о народах, населявших Среднюю Азию, не дают никакого основания для доказательства существования в древности какого-то единого тюркского народа. Это в полной мере относится и к утверждению панираністов.

Далее, некоторые из них, возможно, позднее складываются как народ не на тех территориях, где жили их предки, и для данного района являются как бы пришельцами. Это не значит, что они не имеют теперь родины. Определять родину того или иного народа, исходя из той территории, где в далеком прошлом жили их предки, — в корне неправильно и ненаучно. Родиной их является территория, где они окончательно формировались как нация. Поэтому совершенно ненаучно и вредно утверждение панираністов о том, что Средняя Азия является родиной так называемых «иранцев», «персов», что другие, так называемые «тюркоязычные народы», вытеснили их из родной земли. Ненаучно также утвержде-

ние пантюркистов, что Средняя Азия является родиной «тюрков», что все народы ее должны объединиться под эгидой Турции и создать мировое турецкое государство. Утверждение панисламистов о том, что огромная территория Северной Африки, Передней и Средней Азии является родиной мусульман, и что они должны объединиться под знаменем ислама, также не выдерживает никакой критики.

Антинаучная установка буржуазно-дворянского востоковедения порождает путаницу в вопросах периодизации истории народов Средней Азии. Первая путаница состоит в том, что, исходя из существования в древние периоды каких-то крупных, сплоченных народов с единой культурой, востоковеды в определении этапов развития народов Средней Азии представляют себе дело так, будто тот или иной народ развивался равномерно, в целом во всех районах его переселения. Они, изучая главным образом жизнь населения столичных городов, развитие искусства, литературы в крупных ремесленных и торговых центрах, обобщают эти явления и для всех частей данного государства. Этим создается ложное впечатление, что в рабовладельческом и феодальном обществе на территории Узбекистана и всей Средней Азии существовал всеобщий прогресс, расцвет культуры и науки и т. д. и т. п.

Такая концепция вредна тем, что она, идеализируя прошлое, приукрашивая рабовладельческое и феодальное общество, затушевывает действительное положение трудящихся, их полуголодное, нищенское существование и бесчеловечную эксплоатацию со стороны господствующих классов. Кроме того, такая концепция снижает значение ленинско-сталинской национальной политики нашей партии, способствовавшей бурному и равномерному развитию всех районов заселения того или иного народа, давшей возможность народам Средней Азии, окончательно объединенным в нации, развивать свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру как единое целое.

В самом деле, о каком едином и равномерном развитии культуры, науки и искусства отдельных народов Средней Азии может итти речь в прошлом, если они только благодаря Октябрьской революции могли объединиться территориально в единое целое, установить тесную экономическую связь внутри каждого народа, получить широкую возможность для развития науки, культуры и искусства и именно благодаря этому, развивая единую национальную культуру на родном языке, стать самостоятельной нацией. До Октябрьской революции отдельные народы Средней Азии, разделенные на мелкие части и разоренные тяжелой эксплоатацией, находились на различных ступенях общественного развития. Так, узбеки Ферганской долины во всех отношениях резко отличались от узбеков Хорезмского ханства или Восточной Бухары, находившихся под ярмом бухарского эмира. Если в первом случае среди узбеков возникли новые, капиталистические отношения между рабочими и батраками, с одной стороны, мелкими фабрикантами и кулаками — с другой, то во втором и третьем случаях узбеки находились на еще более низком уровне, в рамках феодальных отношений, с сильными элементами пережитков родового строя. Это положение было еще разительнее в период средневековья. Раз так, какое же может быть в данных условиях единое и равномерное развитие экономики, культуры, искусства среди всех племен и народов, позднее вошедших в единую узбекскую нацию? Это положение в полной мере относится и к другим народам Средней Азии. Такая путаница, возникшая в результате антинаучной буржуазно-дворянской концепции, имеет место и до наших дней. Почти все труды, посвященные истории народов Средней Азии, в различной степени страдают этим недостатком. В большей мере он сказывается в работах проф. Бертельса, проф. Жирмунского, Ходи Зарифова и других, а также в работах их сторонников — учеников и последователей. Эта концепция верно служит интересам пантюркистов, панисламистов, панираністов — лакеев англо-американского империализма в сопредельных странах, отрицающих заслугу коммунистической партии и значение братской помощи великого русского народа в деле подъема экономического и культурного уровня народов Средней Азии.

Вторая путаница в вопросах периодизации истории народов Средней Азии вытекает из того положения, что востоковеды исходят не из истории развития производства, истории способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, истории развития производительных сил и производственных отношений людей, а из развития культурных общений, перенесения начал культур из одной страны в другую, как утверждал Бартольд. Несомненно, культурное общение между отдельными народами часто менялось по своему характеру, центры развития культуры перемещались из одной страны в другую, из одного района в другой.

Идя по пятам буржуазно-дворянского востоковедения, некоторые советские востоковеды каждое такое изменение в

культурном общении и перемещение центра культуры кладут в основу нового и самостоятельного этапа истории. Поэтому по существу отрицается марксистская периодизация, исходящая из типов производства, и сколько изменений и перемещений происходит в области культуры, столько возникает и этапов развития истории. Так получилось со вторым томом «Истории народов Узбекистана» и рядом других исторических трудов. Что касается трудов по истории узбекской литературы, то они всецело построены на этой концепции.

Такая антинаучная, буржуазная периодизация истории народов Узбекистана вредна тем, что она не дает возможности глубоко вникнуть в своеобразие исторического процесса в условиях Средней Азии, проследить объективную закономерность в развитии экономики, культуры, искусства народов Средней Азии и является идеалистической концепцией.

Все изменения характера культурного общения с другими народами и между самими народами Средней Азии, а также перемещения центра культуры и науки из одного района в другой были обусловлены тем же самым ходом экономического развития, происходили на фоне определенного способа производства и никак не могли решительно и коренным образом изменить его... Они только в ограниченной степени влияли на существующий способ производства, развивали или замедляли развитие производства.

Чтобы окончательно преодолеть пережитки буржуазно-дворянского востоковедения, служащие базой для существования космополитизма в условиях Средней Азии, необходимо отказаться от вредной концепции старого востоковедения и перестроить историю среднеазиатских народов на марксистских началах, создать подлинно научную сталинскую историю народов Средней Азии, широко использовать для этого итоги работы советских археологов, этнографов, языковедов вместе с данными специальных исследований письменных источников древних авторов.

В основу периодизации истории народов Средней Азии должно лечь марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. В условиях Средней Азии имели место те же общественно-экономические формации, которые прошли все народы. Закономерность развития общества и здесь была та же самая, что и в других частях земного шара. Но конкретная историческая обстановка, исторические события, в которых проявлялась эта закономерность, естественно, совершенно отличны от исторической обстановки и событий, происходивших в других странах. Задача советского

востоковеда состоит в том, что в этих разнообразных исторических обстановках, совершенно своеобразных, и зачастую не имеющих равных себе в других странах исторических событий, он должен находить общую для всех стран объективную закономерность.

Особенности развития народов Средней Азии состоят в следующем:

I. Итоги работы советских исследователей говорят о том, что на территорию Средней Азии человек пришел из других районов, что здесь же совершался процесс очеловечивания обезьяны. Находки стоянок древнего человека в различных районах Средней Азии и скелетов неандертальца в Тешик-таш и синантропа в Кампыр-тепе подтверждают это. Поэтому совершенно неправильна теория буржуазных антропологов и их последователей из числа наших ученых о том, что на Востоке существовали два расовых центра, в Передней Азии и Центральной Азии, что Средняя Азия была пунктом скрещивания этих двух центров, что народы Средней Азии являются выходцами из того или иного центра, их культура перенесена из этих центров. Если основными расовыми центрами были Центральная и Передняя Азия, а автохтоны Средней Азии являлись расами второго порядка, то чем определяется их второразрядность? Очевидно тем, что они стояли ниже основных рас. Не ведет ли это к путанице? Далее, если вопрос изучения неандертальца и синантропа, живших в Средней Азии, — чисто антропологический вопрос, не связанный с изучением этногенезиса ныне живущих здесь народов, то не значит ли это, что мы стоим на позиции отрицания автохтонности существующих в настоящее время народов Средней Азии. Что-то непонятно, куда делись эти древние народы Средней Азии, неандертальцы и синантропы?

II. Разложение родового строя и появление строя рабовладельческого в условиях Средней Азии началось давно, во втором тысячелетии до нашей эры. Своеобразие этого процесса здесь состояло в том, что он продолжался долго и проходил неравномерно в разных районах заселения древних среднеазиатских племен. Это было связано с характером производства, с особенностями основных производительных сил, с одной стороны, и с рядом внешних факторов, таких как нашествие иноземных захватчиков и соседних племен, внутренние столкновения между ними—с другой стороны. Характер производства и особенности производительных сил здесь, как было сказано выше, определяются тем, что главную роль в жизни многих племен Средней Азии играло земледелие, осно-

ванное на искусственном орошении. Те районы, где удавалось переходить на земледелие с искусственным орошением, развивались быстрее, крепла их экономика, укреплялся политический строй, развивалась культура, и здесь же происходил быстрый процесс разложения родового строя. Такими районами были древний Хорезм, земля согдийцев, земля бактрийцев и т. д. В районах с менее развитым искусственным орошением, а следовательно, и земледелием, вследствие господства кочевого скотоводства этот процесс происходит медленнее: экономика развивается слабее, элементы родовых отношений сохраняются дольше. Но, с другой стороны, земледельческие районы с искусственным орошением часто подвергаются нашествиям иностранных завоевателей и соседних племен, особенно из числа скотоводческих. Само собою понятно, что причиной такого явления было богатство этих районов. Такими нашествиями явились завоевания Средней Азии ахеменидами, а также греками.

Не меньшее значение имело и нападение кочевых племен Средней Азии, в особенности племен, населявших предгорья Тянь-шаня, известных нам под названием тюркских.

Это обстоятельство привело к тому, что крупные рабовладельческие государства, возникавшие на территории Средней Азии (государства согдийцев, древних хорезмийцев, великих кушанов, тохаров и эфталитов), не могли существовать длительное время, часто сменяли друг друга, а центры их возникновения перемещались в разные районы. Последнее было связано с тем, что в условиях искусственного орошения не всегда можно было восстановить хозяйство в том же районе и создавать на основе этого новое государственное образование.

Только в районах искусственного орошения с близкими к орошаемым полям источниками воды, в силу чего разрушенные производительные силы легко восстанавливались, повторно возникло крупное государственное образование. Каковы бы ни были конкретные формы их появления, объем их территории, уровень мощи их культуры—все эти государства по своей социальной природе являлись рабовладельческими государствами с сильными элементами пережитков родовых отношений. Главной причиной их подъема и распада являлись особенности развития производительных сил и состояние экономики. Этим же определялись их политические и торговые отношения с соседними государствами. Этим определялись их победа или неудача в военных столкновениях. Внутреннее ослабление этих рабовладельческих государств,

усиление социальных противоречий в них всегда приводили их к общему ослаблению и, следовательно, к распаду.

Начиная с середины первого тысячелетия до нашей эры, как правильно указывает проф. Массон, на территории Средней Азии сооружаются крупные каналы. Ко времени существования кушанского государства строительство каналов достигает своей высшей точки, а в последующий период заметно сокращается. Поливное земледелие, основанное на применении в значительной мере рабского труда, не получает дальнейшего развития. Во многих районах начинают приходить в запустение оросительные и осушительные системы. Этому, повидимому, способствовали также внешние нашествия, набеги соседних племен. В последние периоды существования кушанского государства, в I и II вв. н. э. намечается заболачивание в отдельных районах поливного земледелия (Ферганская долина).

Вероятно, с этого периода начинается кризис рабовладельческих отношений в Средней Азии и возникают новые феодальные отношения. Таким образом, хотя рабовладельческий строй в условиях Средней Азии существовал десятки столетий, тем не менее он не мог достичь высокого расцвета и безраздельного господства, как это было в Европе. Наряду с ним существовали сильные элементы родового строя.

Те же самые причины, какие имели место в других странах, привели рабовладельческий строй к кризису и загниванию. Подневольный рабский труд, рабское положение производителя в обществе и в силу этого отсутствие стимула у раба к повышению производительности труда — все это явилось главными причинами кризиса рабовладельческих отношений и ослабления рабовладельческого общества.

III. Наряду с этим процессом начинается другой. Появляется новый тип хозяйства земледельца-крестьянина, имеющего свои средства производства и собственное хозяйство. На основе искусственного орошения возникают большие хозяйства землевладельцев — крупных дехкан, которые постепенно экономически закабаляют мелких свободных крестьян. Начало появления хозяйств крупных дехкан относится к IV веку н. э., следовательно, феодальное общество складывается с этого времени. Поэтому совершенно неправильно утверждение буржуазных востоковедов о существовании феодализма в первом тысячелетии до нашей эры, ибо крупное феодальное государство в условиях Средней Азии могло возникнуть лишь позднее — в X в. н. э. и то не надолго и часто сменялось новым феодальным государством,

возникавшим в других районах. Период между IV и X вв. являлся периодом феодальной раздробленности с большими элементами рабовладельческих отношений. Хотя ведущей линией развития экономики были феодальные отношения, вместе с тем значительную роль в хозяйстве крупных землевладельцев — крупных дехкан продолжали играть рабы. Процесс образования феодальных государств на территории Средней Азии, в землях согдийцев, хорезмийцев и Ферганской долины, среди многих мелких феодальных владений был нарушен сперва, в V — VI вв., нашествием тюрков, а позднее, в начале VIII в., — завоеванием арабов. Земледельческие районы Средней Азии находились под постоянной угрозой внешних нашествий и внутренних столкновений. Поэтому поступательное движение экономики, развитие земледелия и городского ремесла часто останавливались. Это послужило причиной того, что земледельческие народы Средней Азии, в частности узбеки и таджики, не имели постоянных экономических и политических центров, они часто менялись. То одни, то другие районы выступали на первый план, то одни, то другие города считались политическим и культурным центром. То одни, то другие династии возвышались и объединяли всю землю узбеков или таджиков.

Таким образом, в условиях Средней Азии окончательно не победила тенденция создания единой, прочной экономической связи и на базе этого — внутреннего рынка, а также политической централизации. Поэтому вплоть до завоевания Средней Азии русским царизмом здесь не побеждает прочное централизованное государство. Сильное стремление к организации централизованного феодального государства, порожденное необходимостью создания и использования крупных каналов, постоянно сталкивалось с тенденцией к феодальной раздробленности. Последняя часто выступает взамен крупных государств.

Государства саманидов, караханидов, газневидов, хорезмшахов, несмотря на то, что были крупными, не могли стать централизованными государствами из-за постоянных военных столкновений. Нашествие монголов принесло сокрушительное разорение народному хозяйству, уничтожило массу производительных сил и, в первую очередь, искусственное орошение. Государство Тимура, хотя и было крупным и могущественным, не имело прочной экономической базы внутри страны. Его могущество зиждилось на ограблении завоеванных стран и жестокой эксплоатации трудящихся. Поэтому государство

Тимура очень быстро пришло к распаду, и в Средней Азии снова начался период феодального раздробления.

Особенность развития Средней Азии в период феодализма состоит в том, что не побеждает тенденция к централизации экономики и политической власти, а отдельные попытки в этом направлении очень быстро претерпевают неудачи. Постоянно побеждает тенденция к раздроблению. Это положение обусловливает следующую особенность развития Средней Азии.

IV. Развитие производительных сил Средней Азии не порождало вплоть до XIX в. элементов буржуазных отношений. Городские ремесла и торговля не послужили базой для возникновения в городах капиталистических предприятий. Это объясняется тем, что в экономике Средней Азии основное место занимало земледелие, которое неоднократно разрушалось внешними нашествиями и внутренними военными столкновениями, что замедляло развитие производительных сил на много десятилетий и даже столетий. Такие крупные нашествия, как завоевание Средней Азии персидскими шахами, греческими войсками, сасанидскими шахами, китайскими захватчиками, тюркскими каганами, арабами, монголами в течение двух с половиной тысячелетий, а также непрерывные внутренние военные столкновения, в условиях Западной Европы не имели места.

Крупные нашествия на Западную Европу и Россию не оставили таких последствий, как нашествия на Среднюю Азию, благодаря своеобразию производительных сил этих стран, не связанных с искусственным орошением, а следовательно, с крупными затратами средств и труда. Таким образом, развитие феодальных отношений в Узбекистане и Таджикистане шло своеобразным путем. Путаница по этому вопросу, естественно, ведет к неправильным выводам, помогающим врагам ленинизма из лагеря пантюркистов, панисламистов и их агентов — безродных космополитов.

V. В свете этих исторических событий в жизни узбекского и таджикского народа, как и других народов Средней Азии, большое значение имеет правильное понимание последствий присоединения Средней Азии к России. Несомненно, целью русских помещиков и капиталистов было превращение ее в колонию и закабаление ее народов, а на основе этого — обогащение русских помещиков, фабрикантов и чиновников. Этого можно было достичь лишь на основе сильной эксплоатации народов Средней Азии. Политика русского царизма и была направлена именно к этому. Но объективный

ход развития производительных сил в Средней Азии в этот период был иным. Возникают некоторые промышленные предприятия, нарождаются буржуазные отношения, распространяется культура русского народа, под влиянием передовой русской демократической мысли, пролетарского революционного движения повышаются культурный уровень и политическая активность трудящихся местных национальностей. Наряду с этим, в одной части Средней Азии — в Туркестанском генерал-губернаторстве — ликвидируются феодальная раздробленность, разорительная междоусобица, устанавливается регулярная экономическая связь между отдельными районами. Следовательно, все, что должно было происходить в недрах феодального общества постепенно, в предыдущие столетия, теперь начинает осуществляться быстрым темпом. В колониальный период в Средней Азии происходит процесс консолидации отдельных народов среди части местного населения, вошедшего в состав Туркестанского генерал-губернаторства. В этом смысле последствия завоевания Средней Азии русским царизмом коренным образом отличались от последствий завоевания западноевропейскими странами других восточных стран, где происходила консервация производственных отношений на том этапе, при котором эти страны были завоеваны (например в Индии и т. д.).

Борьба против космополитизма в условиях Средней Азии должна быть направлена не только на разоблачение его антинаучной, антипатриотической, вредной теории, но и на создание нового, научного сталинского востоковедения. Наши востоковеды, нанося сокрушительные удары пантюркистам, панисламистам, панарабистам и другим лакеям англо-американского империализма, обязаны решительно взяться за создание марксистской науки об истории и истории культуры народов Средней Азии, показать действительный ход развития этих народов, по-марксистски оценить их историческую заслугу в создании культуры всего человечества, не допуская умаления достоинств отдельных народов, ущемления их интересов. Мы уверены, что борьба против безродного космополитизма, начатая советскими востоковедами, приведет к большим успехам в этой области, поможет нам поднять на новую, более высокую ступень науку востоковедения. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Товарищи! В президиуме имеются предложения прекратить прения. Возражений нет? Нет. Переходим к заключительным словам. Слово имеет доктор философских наук тов. В. Ю. Захидов.

В. Ю. Захидов. Товарищи! Во-первых, время уже позднее, все устали, во-вторых, мой доклад не вызвал возражений, а замечания, сделанные единичными ораторами по отдельным моментам доклада, лишены основания и неправильны, что подтвердили и доказали в своих выступлениях многие товарищи (М. Г. Вахабов, Т. Н. Кары-Ниязов, Л. И. Климович, Салимов и др.). — по этим причинам я буду очень краток и ограничусь некоторыми общими вопросами.

Прежде всего надо сказать, что настоящее совещание как в деле выявления недостатков, так и для дальнейшего развития исторической и востоковедческой науки в нашей республике имеет безусловно очень большое значение. В своих выступлениях товарищи помогли разрешить множество важных вопросов. Эти вопросы известны всем присутствующим. Хочу заострить ваше внимание на следующем.

Мы, объединив научные силы среднеазиатских республик, пригласив к участию ученых Москвы и Ленинграда, должны создать сводную историю народов Средней Азии. Для этого настало время и подготовлена в известной мере почва, так как история каждого из среднеазиатских народов в той или иной степени уже разработана.

В ближайшее время мы должны написать историю узбекской литературы и узбекского языка, что до сих пор не сделано.

Давно пора нам вплотную приступить к созданию истории культуры, общественной, философской мысли народов Средней Азии, в частности Узбекистана, что явится достойным, хорошим ответом безродным космополитам и буржуазным расистам, всячески старающимся отрицать способность народов Средней Азии (узбеков, таджиков и др.) научно мыслить и отрицающим культуру этих народов.

Мы в ближайшее время должны решить такие коренные вопросы исторической науки сегодняшнего Узбекистана, как вопросы этногенеза узбекского народа, научной периодизации истории народов Узбекистана и т. д. Разрешение этих проблем имеет чрезвычайно большое значение не только для исторической науки, но и для создания марксистской истории культуры, науки, литературы народов Средней Азии.

Мы обязаны решительно бороться против всяких попыток ослабить дружбу между народами нашей великой Родины, в том числе и Средней Азии, ибо всем известно, что сталинская дружба народов является одним из решающих условий дальнейшего развития, победы и процветания этих народов.

Мы должны в корне пресечь и осудить всякие стремления

возвысить историю и культуру одного народа за счет умаления истории и культуры другого народа, ибо такое стремление может нанести ущерб их дружбе.

Мы, исходя из указаний марксизма-ленинизма, из принципов самой передовой советской науки, должны решительно пересмотреть все наследие буржуазных востоковедов, а также работы всех тех, кто находился в плену буржуазной науки. С помощью критики и самокритики, этого закона развития социалистического общества, мы обязаны вскрыть все недостатки и ошибки в наших работах и тем самым помочь друг другу и дальнейшему развитию советской науки.

Мы должны вести решительную борьбу против всяких попыток противопоставить Восток Западу, против всякого враждебного утверждения об абсолютной обособленности Востока от Запада, о том, что марксизм есть явление европейское, родившееся на Западе, и потому неприменим на Востоке к прошлому, настоящему и будущему его.

Подобное утверждение в корне неправильно и реакционно. Оно рассчитано на лишение народов Востока такого мощного и единственно научного, последовательно революционного оружия, каким является марксизм-ленинизм. Подобное утверждение рассчитано на обман, дезориентацию, дезорганизацию и порабощение народов Востока.

Столетняя победная история марксизма, вся жизнь Советского Востока, построение здесь, под руководством партии Ленина—Сталина, с помощью великого русского народа, социализма, события на зарубежном Востоке, работы и огромные достижения советских ученых, востоковедов-марксистов — все это полностью опровергло данное утверждение как ложь и клевету на марксизм-ленинизм и на народы Востока.

Наши ученые должны всесторонне понять и всегда помнить ту простую истину, что только марксистско-ленинская теория даст возможность создать подлинную историю.

Мы обязаны приложить всю энергию к тому, чтобы наша наука была еще больше наступательной в борьбе против всякой реакционной, враждебной нам идеологии.

Нет никакого сомнения в том, что наши ученые успешно разрешат все стоящие перед ними задачи. К этому зовут нас наша родная большевистская партия, родной товарищ Сталин. **(Аплодисменты).**

М. Айбек. Заключительное слово предоставляется директору Института истории и археологии Академии Наук УзССР кандидату исторических наук тов. Р. Н. Набиеву.

Р. Н. Набиев. Обсуждение вопросов истории и истории культуры народов Средней Азии, в том числе и узбекского народа, организованное Отделением гуманитарных наук Академии Наук УзССР, вызвало большой интерес среди специалистов — историков, антропологов, лингвистов, литераторов, ибо необходимость обсуждения таких узловых вопросов давно назрела.

Выступавшие товарищи совершенно справедливо подвергли критике труды многих советских ученых, в том числе труды Института истории и археологии, Института языка и литературы Академии Наук УзССР и пролили свет на некоторые основные вопросы истории. Предложения, сделанные выступавшими, безусловно помогут нам в дальнейшей разработке вопросов истории и постановке научных проблем.

Я считаю необходимым вкратце остановиться на выступлении тов. Джалялова и той части речи проф. И. И. Умнякова, в которой он поддерживает мнение тов. Джалялова о том, что Коши был учителем Улугбека, инициатором создания обсерватории Улугбека, ее руководителем и конструктором.

Был ли Коши действительно учителем Улугбека? Обратимся к фактам.

Известно, что в 10-х годах XV в. Коши не было в Самарканде. Точная дата приезда его туда не установлена. По мнению Массона, Коши умер в 30-х годах XV в. Следовательно, он жил и работал в Самарканде в течение 10 — 15 лет.

Существует интересный рассказ в ценном источнике—труде известного автора Васифи о том, что в связи с открытием в Самарканде медресе Улугбека люди спросили последнего, кто же будет читать первую лекцию, и Улугбек на это ответил: «Лекцию будет читать тот, кто имеет осведомленность во всех науках». И тогда поднялся человек, сидевший среди кучки кирпичей, оставшихся от постройки, и просил Улугбека, чтобы эту первую лекцию разрешили читать ему. Это был Мауляна Мухаммед. После того, как он прочел лекцию, из присутствующих 90 человек полностью поняли ее только двое — Улугбек и Кази-заде Руми. Следовательно, если Коши до этого уже находился в Самарканде, то он не входил в число этих двух ученых.

Если же допустить, что Коши в то время еще не было в Самарканде, то Улугбек, считавшийся одним из трех крупных ученых Средней Азии (считая и Мауляна Мухаммеда), уже не нуждался в учителе.

Тов. Джалялов может не знать этого, так как из его выступления видно, что он не понимает элементарных вопросов истории. Известно, что он, например, «успел» включить в государство Улугбека территорию теперешнего Афганистана и северного Китая, что, конечно, неправильно. Но удивительно, что проф. И. И. Умняков недостаточно обратил внимания на такие важные факты.

Мнение тов. Джалялова о том, что Гияс эд-дин Джемшид Коши был родом из Средней Азии, пока в науке не доказано, а одному только беспочвенному, необоснованному заявлению тов. Джалялова доверять нельзя.

Несколько слов по повсду выступления проф. Умнякова. Подвергая критике мои и тов. Захидова положения относительно неправильных концепций Бартольда, он заявил, что Бартольд не был историком-марксистом и, следовательно, был буржуазным ученым. Но вместе с тем проф. Умняков говорил только о незначительных ошибках Бартольда.

Я спрашиваю проф. Умнякова: если Бартольд не ошибался в других методологических вопросах, если не было у него явно вредных концепций, то почему вы не называете его историком-марксистом? Я должен сказать, тов. Станишевский не прав, когда он говорит, что я якобы отрицаю заслуги русского востоковедения. Никто никогда даже не пытался отрицать их. Еще раз повторяю: мы не отрицаем заслуг Бартольда, ибо известно, что он является автором почти 700 работ, в том числе около 400 опубликованных, что он выдвинул ряд новых положений. Благодаря Бартольду русская востоковедческая наука поднялась намного выше зарубежной. Совершенно справедливо отмечал акад. Марр, что «ученого-востоковеда калибра Бартольда на Западе не было ни одного». Но в то же время я еще раз повторяю, что все это нисколько не мешает нам разоблачать его враждебные марксизму-ленинизму концепции.

Проф. Умняков в своем выступлении отрицал наличие до раннего средневековья не ираноязычных народностей на территории Средней Азии и на прямой вопрос тов. Захидова о том, жили ли на этой территории только одни иранцы, он так и не ответил. Мы ждем этого ответа.

Говоря о тохарской проблеме, проф. Умняков заявил, что продвижение юэчжей с востока на запад не относится к теории миграции Бартольда, ибо Бартольд ссылается на китайские источники. В моем докладе приведено было мнение проф.

Толстова, который доказал, что юэчжи (массагеты), ввиду расширения политической экспансии на восток во второй половине III в. до н. э., оказались западными соседями гуннов. Проф. Умнякову известно, что о событиях в Средней Азии III в. и первой половины II в. до н. э. китайцы не знали. Их первоначальные сведения об этих событиях относятся к середине II в. до н. э., поэтому китайцы могли говорить только об обратном движении юэчжей. Это положение проф. Толстова разделяет и член-корреспондент АН СССР проф. Тревер в I томе «Истории народов Узбекистана».

Я, не будучи исследователем этого периода, тем более — данного вопроса, могу только привести мнение советских ученых, работы которых признаны научной общественностью и отмечены советским правительством высшей наградой — Сталинской премией.

Небольшая справка относительно выступления А. А. Семенова и И. И. Умнякова по поводу реакционной роли Ходжа Ахрара в убийстве Улугбека.

Известно, что Ходжа Ахрар родился в 1403 г., во время смерти Улугбека ему было 46 лет. Он действительно находился в то время в Ташкентской области, и уже в 50-х годах XV в. влияние его было сильным и распространялось далеко за пределы Ташкентской области, ибо не случайно Абу-Саид специально искал его. Поэтому в усилении реакции еще при Улугбеке, если не прямо, то косвенно, Ходжа Ахрар принял активное участие, о чем и говорил тов. Захидов.

Маленькая справка тов. Ширвани. Он правильно указывает на то, что Хорасан более связан с Средней Азией, чем с Персией. Я придерживаюсь того же мнения, ибо еще в 1941 г. свою опубликованную работу о восстании сарбадаров в Хорасане и Самарканде назвал «Восстание сарбадаров в Средней Азии в XIV в.». В моем докладе речь шла не о Хорасане, а о западной части Ирана.

Несколько подробнее остановлюсь на демагогическом выступлении тов. Станишевского. Тов. Станишевский пытался оградить буржуазного ученого Бартольда от суровой, но справедливой большевистской критики советских ученых, выдвигая его в качестве борца против панираизма.

Для ясности вопроса приведем ряд выдержек из одной из последних работ Бартольда «История культурной жизни Туркестана», изданной в 1927 г., кроме уже приведенных и в моем докладе и в выступлении тов. Вахабова.

Бартольд, говоря об истории XI в., пишет: «Неблагоприятные последствия должна была иметь и утрата политической

связи с культурным Ираном. Это особенно отразилось на непривычной для Туркестана идее государственной централизации, которую пытались осуществить саманиды»[1].

Говоря о периоде, предшествующем арабскому завоеванию, Бартольд пишет: «Культурное влияние сасанидской Персии на Среднюю Азию и пути распространения этого влияния можно скорее определить по археологическим находкам (клады с сасанидскими монетами и такими предметами производства, как сасанидское блюдо), чем по скудным известиям письменных источников».

Известно, что советские ученые разбили подобную концепцию, но мы здесь, не разбирая эти явно ошибочные и антимарксистские выводы Бартольда, спросим многоуважаемого тов. Станишевского, защищавшего вредные концепции Бартольда о приоритете иранской культуры в развитии культуры народов Средней Азии: чем он докажет, что Бартольд был прав.

Волей-неволей приходит в голову мысль о том, что он или не читал трудов Бартольда, что не к лицу специалисту (**смех в зале**), или же, сознательно присоединяясь к порочным в методологическом отношении взглядам Бартольда, следует по его путям.

Позвольте теперь остановиться на втором и последнем «обвинении» Станишевского о том, будто я говорил, что нам неизвестны языки массагетских племен. Тохары есть тюрки, или похожи на тюрков, или что тохарский язык похож на тюркский. Это мнение было поддержано и А. А. Семеновым, хотя последний и сказал, что он точно не помнит этот момент моего доклада. Должен сказать, что обвинение Станишевского с начала до конца ложно, вымышленно, и Станишевский или не понял того, что я сказал, или сознательно передергивает.

Он, обвиняя часть моего доклада относительно тохаров, одновременно хвалил мнение С. П. Толстова по данному вопросу. Чтобы было ясно, приведу цитаты из работы проф. Толстова и из своего доклада. Вот С. П. Толстов пишет: «В последнее время ряд ученых (в том числе из советских исследователей И. Умняков и А. Бернштам) склонны отрицать право связывать «тохарский язык» с историческим народом тохаров, принимавшим участие в юэчжийско-массагетском завоевании Бактрии, предпочитая искать подлинный язык тохаров в том или ином из иранских по типу языков в восточнотуркестанских документах.

[1] Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 75.

Я не думаю, что аргументация этих авторов основательна»[1].

Я в своем докладе говорил: «Известно, что в это время существовала тохарская народность, входившая в конфедерацию массагетских племен, участвовавшая в завоевании Бактрии, и существовал «тохарский язык». Однако, как правильно указал проф. С. П. Толстов, некоторые исследователи не хотят связать «тохаристанский язык» с историческим народом под этим именем и ищут место для тохарского языка опять-таки в языке иранском.

Таким образом, еще до начала нашей эры на территории Средней Азии жили не только иранские племена, как это хотят «доказать» зарубежные буржуазные ученые и представители дореволюционной востоковедческой школы, но и народности, не имевшие ничего общего с Ираном».

Спрашивается, есть ли разница между мнением проф. Толстова и моим, приведенным в докладе. Видно, что нет, ибо я передал мнение исследователя и ссылаюсь на него. Если так, то где же логика у тов. Станишевского?

Спрашивается, есть ли в моем докладе, который был представлен в библиотеку АН УзССР в письменном виде для ознакомления товарищей за несколько дней до начала конференции, стремление доказать, что тохарский язык есть язык тюркский или схожий с тюркским?

В моем докладе, как видно, не только не говорится о тюрках или о тюркских языках, но даже намека такого нет.

Если так, а это действительно так, то чем же объяснить попытку тт. Станишевского и Семенова необоснованно обвинить меня в том, что я якобы историю тюрков начинаю с отдаленных времен. Мне кажется, что это не случайно. Тов. Станишевскому, очевидно, очень хотелось как-то связать мои высказывания относительно тохаров с пантюркизмом. Тенденциозное мнение Станишевского по этому вопросу не найдет подтверждения ни в моем докладе, ни в других моих работах.

Повторяю, они не случайно специально остановились именно на этом вопросе, искажая мои мысли, взяв с воздуха вопрос о тюрках, чего нет в этой части моего доклада, так как тохарский вопрос никакого отношения к тюркам не имеет, и никто никогда даже не пытался увязывать его с ними.

Я не говорил, что языки массагетских племен нам неизвестны. Я говорил, что «мы не имеем достаточных сведений относительно языка массагетских племен». Если бы ученые

[1] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 137—138.

дали на этот вопрос исчерпывающий ответ, то в советской историографии не существовали бы ошибочные мнения, причисляющие тохарский язык к иранской группе. Даже тов. Станишевский, который, повидимому, считает себя большим знатоком тохарского вопроса, не сказал нам, какой же это язык.

Перечисление фамилий некоторых ученых, которые тов. Станишевскому удалось вызубрить **(смех в зале)**, не поможет разрешению этого вопроса. Да, действительно, как говорят узбеки: «мулла говорит о том, что он знает». Но мы требуем, чтобы тов. Станишевский говорил о сущности вопроса.

Заканчивая свое заключительное слово, выражаю благодарность всем гостям, принявшим участие в обсуждении узловых вопросов истории. **(Аплодисменты).**

И. К. Додонов. В президиум поступило заявление автора статьи, помещенной в газете «Кзыл Узбекистан», о которой говорил тов. Климович (зачитывает письмо).

М. Айбек. Это к сведению.

Л. И. Климович. Разрешите мне дать справку в связи с зачитанным заявлением, в котором изложены все основные положения статьи о моей Хрестоматии.

М. Айбек. Может быть вы выступите в печати?

Л. И. Климович. Я дам краткий ответ. Прошу разрешить сейчас дать справку. (**Голоса:** Опубликуйте в печати).

М. Айбек. Слово для справки имеет проф. Л. И. Климович.

Л. И. Климович. Речь идет о напечатанной в газете «Кзыл Узбекистан» (№ 157, 1948) и в журнале «Звезда Востока» (№ 9, 1948) на узбекском и русском языках статье С. Касымова, Х. Убайдуллаева, С. Азимова, посвященной критике составленной мною «Хрестоматии по литературе народов СССР» (Москва, 1947).

Хрестоматия, как я уже указывал, имеет ряд ошибок, но если ее ошибки и недостатки и отражены в этой статье, то как в кривом зеркале, вместе с тем Хрестоматии приписаны ошибки, которых она не содержит. Чтобы разобраться в этом, попытаюсь прежде всего кратко охарактеризовать эту книгу.

Хрестоматия, как в ней указано, является «первым опытом составления учебного пособия для университетов и педагогических институтов по курсу «Литература народов СССР» (стр. 3). Хрестоматия охватывает шесть литератур Советского Востока (таджикскую, азербайджанскую, узбекскую, туркменскую, казахскую, киргизскую), по которым до недавнего времени не существовало не только научных монографий, но

хотя бы краткого общего очерка. Как здесь отмечалось, буржуазное востоковедение не только не занималось этими литературами, но даже отрицало их существование. Если отдельные буржуазные ученые и вели исследования памятников этих литератур, то рассматривали их лишь как некие побочные, «провинциальные» проявления литератур арабской, персидской или турецкой (османской). Не секрет, что и сейчас, например, усилия научных учреждений такой гостеприимной для американского капитала страны, как Афганистан, в значительной степени направлены на доказательство той бредовой мысли, будто литература узбекского народа обязана своим существованием... афганцам!

Таким образом, перед составителем Хрестоматии прежде всего стояла задача на образцах художественной литературы, созданной народами Средней Азии и Азербайджана, проиллюстрировать то положение, что, вопреки вымыслам буржуазной науки, «Литература азербайджанцев, узбеков, туркмен, казахов, киргизов и таджиков (каждого из этих народов в отдельности) полнокровна, самобытна и независима. Каждая из этих литератур имеет свою самостоятельную историю, свой исторический путь развития. Особенно положительное значение в деле развития всех этих литератур имеет литература русского народа. Дружба народов СССР — основа и залог расцвета литератур народов Советского Союза, национальных по форме и социалистических по содержанию.

Литература народов СССР не только своим содержанием, но и самым фактом своего существования и расцвета свидетельствует о торжестве утвердившейся в Советском Союзе идеи равноправия всех рас и наций, идеи дружбы народов» (Хрестоматия, стр. 5).

Как первый опыт в этой области, составленная мною Хрестоматия, повторяю, имеет ряд ошибок и недочетов. Прежде всего, советской литературе народов Средней Азии и Азербайджана не во всех разделах Хрестоматии отведено пропорционально достаточное место. В силу неразработанности истории представленных в Хрестоматии литератур, я, сосредоточив свое внимание на воссоздании их исторической последовательности и подборе текстов, в вводных очерках и комментариях сделал мало для выявления народных корней творчества отдельных писателей, демократических и социалистических элементов литературы. Не всегда четко раскрыта в вводных статьях Хрестоматии борьба классов в литературе, не всегда четко проведена ленинская мысль о двух культурах в каждой национальной культуре. В разделе тад-

жикской литературы чрезмерное внимание уделено внешним влияниям.

Недостатки Хрестоматии в известной мере отражали существующее положение с изучением предмета, но это, конечно, ни в коей мере не может служить их оправданием. Об этом со всей ясностью было сказано А. А. Фадеевым на XI пленуме Союза советских писателей СССР.

Наличие в Хрестоматии недостатков стало мне ясным в процессе дальнейшего исследования представленных в ней литератур, а также ознакомления с новыми материалами. Тем с большим нетерпением ожидал я товарищеской критики Хрестоматии, на которую, казалось бы, имел право рассчитывать.

Статья С. Касымова, Х. Убайдуллаева, С. Азимова обманула мои ожидания. Ее нельзя назвать товарищеской критикой. Все усилия авторов сосредоточены лишь на том, чтобы очернить Хрестоматию, принизить труд ее составителя.

Чтобы достигнуть поставленной цели, авторы статьи применили методы, не имеющие ничего общего не только с товарищеской критикой, но и с элементарной добросовестностью. Вот некоторые факты.

Например, авторы утверждают, что в узбекском разделе Хрестоматии (они пишут только об этом разделе) «значительное место занимают анекдоты и загадки **религиозного характера»** (стр. 104 журнала, то же в газете).

Но в Хрестоматии приведены лишь шесть народных анекдотов (лятаиф) об Апанди (Ходжа Наср-эд-дин) (стр. 486 — 490), имеющих не религиозный, а **антирелигиозный характер.** Среди загадок к религии имеют отношение лишь две, и обе также антирелигиозны:

1. «На берегу Каусара (название сказочного райского источника. **Л. К.**) сидит жена султана». Разгадка: **Лягушка.**

2. «Ходит быстро туда и сюда, коран читает, ткет решета». Разгадка: **Паук** (стр. 491).

Далее авторы обвиняют меня в том, что я много места уделил «песням о паранджи и басмачах, о насильной (!) выдаче девушек замуж» (там же). Сказано об этом так, что можно подумать, будто в Хрестоматии не только пропагандируется религия через анекдоты и загадки, но и защищаются столь вредные пережитки, как паранджа, насильственная выдача замуж и даже басмачество. Что же в действительности?

На стр. 490 и 491 приведен отрывок из старинной народной песни узбечек, размером в 12 строк, в котором девушка выражает **свой протест против насильственной выдачи** замуж за нелюбимого, и даны народные частушки, всего

16 строк. Чтобы стало яснее, какого характера фольклор не нравится моим критикам, приведу эти частушки:

На кишлак наш Тасмачи
Налетели басмачи
И сожгли наш Тасмачи.
Чтоб сгореть вам, басмачи!
(Кара-Дарьинский район).

Был, как яблоко, румян,
Щегольской носил чапан,
Но расстрелян курбаши,
Курбаши Бала-ходжи.
(Кокандский район).

Я продам паранджу и пальто заведу,
В женский клуб за правами приду.
Сгинь чачван моих прежних лет,
Сгинь, откуда возврата нет.
Пусть живет тот, кто мне радость дал,
Платье из белого шелка соткал!
Пусть коммунисты вечно живут,
Руководят страной и к победам ведут!
(Ферганский район).

Еще факт. Критики пишут: «Толкуя о дружбе между поэтом Мухаммед Салихом и Шейбани-ханом, автор утверждает: «Шейбани-хан сам писал стихи, и это сближало его с Мухаммед Салихом». Странно, что Шейбани-хана, выступившего с оружием в руках против династии тимуридов, и поэта Мухаммед Салиха, пострадавшего от этой династии, сближала не общая ненависть к тимуридам, а любовь к поэзии» (стр. 106, то же в другой редакции — в газете).

Что же читаем у меня на цитированной авторами стр. 412:

«Мухаммед Салих был **придворным поэтом и боевым товарищем** узбекского государя Шейбани-хана, в начале XVI в. образовавшего в Средней Азии обширное государство. Шейбани-хан сам писал стихи, и это сближало его с Мухаммедом Салихом». О том, что «сподвижник Шейбани-хана Мухаммед Салих сочиняет литературную «Шейбани-намэ», сказано и на стр. 353.

Из приведенного ясно, что я подчеркиваю близость Мухаммеда Салиха к Шейбани-хану прежде всего, потому, что он был его боевым товарищем, сподвижником, придворным поэтом, т. е. по **политическим причинам.** Но ведь часто бывало, что государь являлся человеком невежественным. Шейбани-хан же был образованным, писал стихи, и это, конечно, могло быть лишней причиной близости к нему Мухаммеда Салиха. Так что ничего «странного» в этом нет.

Уже из приведенного ясно, что критики недобросовестны. Таковы они и в своих обобщениях. Например, критики утверждают, будто я «стал на неправильный и ложный путь, придерживаясь только языкового принципа при разборе литературного наследия» (стр. 105, то же — в газете). «Спрашивается, — с невинным видом задают вопрос критики, — представителем какого же народа следует считать великого азербайджанского поэта Низами Ганджеви, писавшего свои произведения на фарсидском языке, если взять за основу только языковый принцип?» (там же).

Неосведомленный читатель может подумать, что составитель Хрестоматии действительно не знает, куда отнести Низами, и следует этому «языковому принципу». Однако достаточно раскрыть любой из шести разделов Хрестоматии, чтобы убедиться в лживости этого утверждения. Так, в азербайджанском разделе как азербайджанские поэты рассматриваются писавшие на персидском языке Абу-ль-Ала Ганджеви, Хагани, Низами, Несими и другие. О том, что литературный язык не является обязательным признаком для отнесения того или иного поэта к той или другой среднеазиатской литературе, ясно сказано во вступительных статьях как к таджикскому, так и к узбекскому разделам. Например, после указания на то, что в Узбекистане, кроме литературы на древнетюркских языках, «возникает и получает большое развитие литература на персидском (новоперсидском) языке», написано:

«Узбеки являются творцами и наследниками выдающихся памятников литературы и искусства, **в течение тысячелетий** созданных на территории Узбекистана» (стр. 351).

Отсюда ясно, что узбеки являются наследниками творчества бухарского поэта Ам'ака, хорезмийца Рашид-ад-дина Ватвата и других поэтов, живших на территории Узбекистана. Но нельзя упрощать вопрос, полагая, подобно моим критикам, что можно легко и просто отделить литературное наследие узбекского народа от литературы таджиков и других народов Средней Азии. Вероятно, если бы это было легко сделать, литература узбекского народа была бы отграничена от памятников литературы других народов Узбекистана в таком капитальном труде, как «История народов Узбекистана», том II, 1947. Однако такого отграничения в этом труде не сделано.

Для ознакомления читателей с теми огромными художественными ценностями, которые созданы предками современных узбеков, на стр. 358 узбекского раздела Хрестоматии

воспроизведена «деталь скульптурного фриза, найденного в Айртаме близ Термеза (Узбекская ССР)», датируемого первыми веками н. э.

В Хрестоматии указано также, что «современный узбекский язык сохранил в себе много свидетельств того, что в прошлом его носители были и ираноязычны» (стр. 351). Но того, что «археологические, этнографические и **антропологические** исследования последних лет также показали, что народы Средней Азии говорили и на тюркском и на фарсидско-таджикском языках» (стр. 104, то же — в газете), в Хрестоматии действительно нет. И хорошо, что нет. Ведь отлично известно, что «антропологические исследования» не могут служить свидетельством того, на каком языке люди говорили тысячелетия тому назад!

Не возвожу я современную узбекскую художественную литературу и к памятникам древней хорезмийской и согдийской письменности. И не делаю этого по той простой причине, что, например, открытие древнехорезмийского алфавита еще не может служить достаточным основанием для этого. Приходится считаться с тем, что науке еще неизвестны памятники древнехорезмийской литературы.

Не правы критики и в том, будто я отступаю «от принципов ленинско-сталинского учения о литературе», в частности утверждаю, что **демократические мотивы** «в узбекской литературе **возникли лишь во второй половине XIX века»**, а до этого периода узбекская литература имела сугубо дидактический и мистический характер... (стр. 106—107; то же — в газете). Все это, мягко выражаясь, передержки, обычный метод моих критиков.

Так, на стр. 352 я пишу, разбирая произведения **конца XII или начала XIII века**: «Сочинение Ахмеда Югнаки содержит некоторые **демократические мотивы.** В частности, автор говорит, что все люди по своему происхождению равны: от одного отца, от одной матери этот народ («ота бир, она бир, бу халк...»). Далее разбирая сочинение Рабгузи, начала XIV века, я отмечаю содержащиеся в нем фольклорные материалы, реалистические описания, светские мотивы. О том же я пишу в отношении Хорезми, Дурбека, Атаи, Лютфи, Саккаки и других. О великом узбекском поэте Алишере Навои написано:

«В одном из произведений Навои говорится: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе». Эту мысль Навои можно поставить эпиграфом ко всем его трудам. Мысли и стремления Навои — это человеколюбие,

забота о народе. Именно благодаря своим гуманистическим мотивам творчество Навои бессмертно» (стр. 366). Но эти же качества Навои, его близость к народу, «его постоянное желание помочь народу не были угодны царедворцам» (стр. 367). Прослежены и народные основы отдельных произведений Навои, например «Фархад и Ширин», где «главным источником... высоких идеалов был фольклор» (стр.794).

И далее, в Хрестоматии нет утверждения о «сугубо дидактическом и мистическом характере» узбекской литературы до второй половины XIX века. Если говорится о суфизме (мистицизме) и его проявлениях в литературе, то указываются и обусловившие эти проявления социальные причины. Например, сказано: «На рубеже XVIII и XIX вв. поэты-суфии оплакивают время средневековых феодальных деспотий, как «утерянный рай». Таков, например, талантливый лирик Хувайдо из Чимисна (Ферганская долина), чье творчество особенно проникнуто чувством страха перед наступающим новым веком. В эпоху проникновения в Узбекистан русского капитала, взрывавшего патриархальные условия жизни, такие настроения проникают и в литературу ремесленных организаций...».

Из сказанного ясно, что это лишь отдельные настроения, но не то, что в целом характеризует литературу.

О наличии в узбекской литературе прогрессивных и реакционных течений, о классовой борьбе в литературе говорится и в отношении послеоктябрьского периода. Так, указано: «Контрреволюционеры — буржуазные националисты, проникшие в литературу Советского Узбекистана, пытались засорить ее своими грязными, враждебными народу произведениями, но были изобличены и разгромлены. Развитие советской узбекской литературы происходит в борьбе с буржуазно-националистическими влияниями» (стр. 354).

Таким образом ясно, что мои критики выступили с негодными средствами. Они пытаются «пришить» мне мысли, которых в Хрестоматии нет.

Правы критики в том, что современной узбекской литературе в Хрестоматии отведено сравнительно мало места. Но странно, что, высказывая свой суровый приговор Хрестоматии, в которой представлены произведения 90 авторов, из них 44 советских, они ни словом не обмолвились ни об одном из них. А ведь и в разделе узбекской литературы многие материалы впервые опубликованы на русском языке. Если правда, что «в Хрестоматию не включены наиболее характерные образцы литературы этих народов» (стр. 102; то же — в газете), то что же пропущено? Названы лишь поэма Эргаш Джуманбуль-

буль-оглы «Товарищ Ленин» и фамилии трех авторов. Действительно, произведения Уйгуна, Абдуллы Каххара и Яшена в Хрестоматии не приведены, но о поэме Эргаша в ней говорится и указано, где она напечатана в русском переводе (стр. 356 и 791). «Сказание о Ленине», о котором так много пишут мои критики, как указано в Хрестоматии, дано в записи Л. Соловьева «со слов Махмуда Зайджанова в селении Михрам, Ферганской области (в 1926 г.)» (стр.799). Насколько мне известно, в литературе не было указаний о «ложности» этого сказания. Напротив, известны аналогичные сказания у других народов. Если мои критики имеют в отношении этого «Сказания» веские доводы, то было бы полезно их опубликовать. Ведь «Сказание» печаталось несколько раз, и о нем существует немалая литература.

Не говорю уже о том, что мои критики не только не считаются с современным состоянием науки о литературе народов Советского Востока, а также и с техническими возможностями составителя (объем Хрестоматии и т. п.), но и предъявляют к Хрестоматии требования, обычные для учебника. В журнале сказано, что «дать правильные выводы на основе собранного материала, определить характер разных течений и направлений, существующих в каждой данной литературе, раскрыть борьбу между ними, показать пути развития литературы данного народа» для Хрестоматии «не менее» обязательно, чем подобрать тексты. В газете написано, что эти выводы — «основная задача» Хрестоматии. Конечно, на такие «доводы» трудно что-либо возразить, ибо они исходят из очевидного отсутствия у моих критиков элементарных понятий о том, что такое хрестоматия. Не вводят же критики сознательно в заблуждение своих читателей, стремясь хотя бы путем явных измышлений добиться дискредитации труда составителя Хрестоматии?

Каким образом можно обвинять составителя Хрестоматии — впервые вводящей в курс высшей школы шесть литератур народов Советского Востока и, в частности, **утверждающей самостоятельность и самобытность узбекской литературы** — в повторении взглядов буржуазных востоковедов, **вовсе отрицающих** существование этой литературы, — для меня не понятно. Доказательств этому критики не привели.

Я уже отмечал в печати, что принял полностью критику А. А. Фадеева, и многие ошибочные положения Хрестоматии для меня сейчас уже пройденный этап, я их понял и осудил. А. А. Фадеев правильно подчеркнул, что я ушел от своих прежних взглядов, но в Хрестоматии они остались. И я охотно

и впредь приму самую суровую критику Хрестоматии, если она будет научна и будет добросовестна.

Перед советским литературоведением в области изучения литератур народов СССР стоят большие и ответственные задачи. Их успешное разрешение мыслимо лишь при совместной дружной работе ученых и писателей нашей многонациональной Родины. Нетоварищеская критика может лишь мешать этому большому и нужному делу.

М. Айбек. Я думаю, что мы это заявление примем к сведению. Если товарищи пожелают, они могут выступить с критикой в печати.

М. Айбек. Слово имеет действительный член Академии Наук Уз ССР тов. И. К. Додонов.

И. К. Додонов. Товарищи! Наши занятия подошли к концу. Мы прослушали содержательные доклады, посвященные вопросам истории и истории культуры народов Узбекистана. В прениях выступило 17 человек, не считая повторных выступлений.

В работе заседания приняли участие представители ряда научных учреждений Москвы, Казахстана, Киргизии, Туркмении, областных центров Узбекистана. Некоторые из них выступили в прениях и высказали ценные соображения.

Многие из приглашенных ученых Москвы, Ленинграда и других городов не смогли по ряду причин участвовать в нашем заседании. Ответили отказом приехать Якубовский, Тревер, Петрушевский и др.

Можно пожалеть, что на нашем собрании не были представители научных учреждений Таджикистана. Они не пожелали приехать к нам на обсуждение второго тома «Истории народов Узбекистана», не приехали и теперь. Я говорю можно пожалеть, потому что на нашем заседании затрагивались вопросы истории Таджикистана, раздавались голоса критики по поводу неправильного освещения некоторых вопросов истории Таджикистана отдельными историками. Наша критика, несомненно, могла бы помочь в улучшении разработки истории таджикского народа. Будем надеяться, что при следующих встречах историков и литературоведов мы будем видеть в Ташкенте в качестве желанных участников и ученых Таджикистана.

Теперь, переходя к итогам нашей работы, думаю, не ошибусь, если скажу: итоги эти весьма плодотворны. Как в докладах, так и в выступлениях по ним были поставлены и обсуждены многие важные вопросы истории и истории культуры народов Узбекистана и вообще Средней Азии. С позиций марксистско-ленинской методологии были подвергнуты разоблачению враждебные нам «теории» и взгляды по этим вопросам.

Критика и разоблачение враждебных нам «теорий» и взглядов относились к вопросам о древнейшем характере культуры среднеазиатских народов, самостоятельном и оригинальном ее значении. На нашем собрании были разоблачены антимарксистские, враждебные теории о происхождении узбекского народа. Разоблачены враждебные взгляды на своеобразие исторических судеб народов Средней Азии.

В докладах и выступлениях была дана боевая партийная критика космополитических извращений в этих и многих других вопросах.

Подвергнуты разбору и критике буржуазно-объективистские теории Бартольда и некоторых его последователей.

Резко критиковались ошибки космополитического характера ученых, работающих в нашей Академии, — проф. А. А. Семенова, кандидатов наук Зарифова, Салье, Алимухамедова и др. Некоторые из этих ученых выступали здесь с критикой собственных ошибок, говорили о желании исправить эти ошибки. Время покажет, насколько искренни были такие заявления.

На нашем собрании были разоблачены буржуазно-националистические, насквозь реакционные «теории» пантюркизма, панисламизма, паназиатизма и панарабизма. Было показано, что все эти «теории», никакого отношения не имеющие к науке истории, являются оружием англо-американского империализма в борьбе за мировое господство, против Советского Союза и стран народной демократии. Американский и английский империализм поднимают на щит буржуазный национализм в странах Ближнего и Среднего Востока, они превратили маршаллизированную Турцию в центр, где фабрикуются бредовые идеи объединения народов Востока под знаменем ислама.

Вытаскиваются из архивной пыли и поднимаются на щит не раз битые в Средней Азии остатки белоэмигрантских буржуазных националистов. Мобилизован и приведен в движение против коммунизма весь буржуазно-националистический сброд, всякого рода авантюристы, шпионы из числа буржуазных националистов.

Весь этот хлам как-то подчищен, приправлен, подновлен реакционными идеями и брошен на борьбу против коммунизма на Востоке. После работ нашего собрания эти факты становятся особенно наглядными.

К сожалению, крайне недостаточно были затронуты вопросы новейшей истории народов Средней Азии, в том числе Узбекистана, особенно советский период. В основном обсуждались вопросы средневековой истории. Между тем многое есть что сказать и о борьбе с антимарксистскими взглядами по вопросам новейшей истории среднеазиатских народов. Много имеется неверных, немарксистских теорий и взглядов по таким вопросам, как завоевание Средней Азии русским царизмом — объективное значение этого исторического факта в судьбах среднеазиатских народов; проникновение в Среднюю Азию в эпоху финансового капитала капиталистических отношений, влияние этого фактора на народное хозяйство, быт и культуру ее; зарождение и формирование рабочего класса в Средней Азии, в частности в Узбекистане; проблемы национально-освободительных движений в Средней Азии в эпоху империализма; разоблачение позиций местной национальной буржуазии и ее организации — джадидов — в революционной, национально-освободительной борьбе; роль русского народа и партии большевиков в победе Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии, в том числе в Узбекистане; своеобразие путей приобщения среднеазиатских народов к советской власти в период Октября, гражданской войны; основные этапы ленинско-сталинской национальной политики в республиках Средней Азии после победы Октябрьской революции и т. д.

Повторяю, по этим и многим другим вопросам новейшей истории существуют отдельные неверные взгляды, мешающие нашей работе.

Одно из заседаний Отделения нам придется, может быть, посвятить рассмотрению некоторых вопросов новейшей истории Узбекистана. Это надо сделать еще и потому, что мы в Академии Наук УзССР работаем сейчас над созданием третьего тома «Истории народов Узбекистана», который будет целиком посвящен советскому периоду, и тут у нас есть ряд затруднений.

Таков в основном круг вопросов, который был обсужден на расширенном заседании нашего Отделения.

Обсуждение дало много интересных материалов, с которыми теперь придется считаться всем, кто занимается или будет заниматься историей народов Средней Азии, историей их культуры, науки и литературы.

Материалы нашего заседания лишний раз говорят о том, что только советские ученые в состоянии вполне правдиво разработать прошлое среднеазиатских народов во всем его

многообразии. Это потому, что в изучении истории и истории культуры народов Средней Азии советские ученые руководствуются самой передовой в мире теорией — теорией марксизма-ленинизма.

Наши зарубежные враги на идеологическом фронте руководятся совершенно иными мотивами. Мотив там один: кто дороже заплатит, тот больше получит всякого рода измышлений, подлогов на фронте науки, культуры.

Теперь уже ясно, что растленная буржуазная наука целиком стала на вооружение англо-американского империализма, подняла на щит идеологию буржуазного космополитизма. Теперь уже мало-мальски грамотному человеку совершенно очевидно, что буржуазный космополитизм стал идеологическим знаменем воинствующей американской реакции, ее идейным оружием в борьбе против сил социализма и народной демократии.

Реакционной идеологией космополитизма международная реакция прикрывает агрессию англо-американского империализма против трудящихся масс, против Советского Союза и стран народной демократии. Реакционная идеология буржуазного космополитизма направлена к лишению национального суверенитета и национальной независимости народов мира. Буржуазный космополитизм имеет в своей основе звериный шовинизм и расизм. Он, если его во-время не пресечь, может заразить отдельных советских людей идеологией человеконенавистничества, национальным национализмом, он может привести к игнорированию национальных традиций и национальной культуры, к низкопоклонству перед буржуазной культурой.

Вот почему на нашем заседании были подвергнуты суровой критике представители буржуазного космополитизма в исторической науке. Буржуазный космополитизм настолько чужд и неприемлем для нас, советских людей, насколько чужд и неприемлем для нас строй капитализма.

Что надо делать нам, советским ученым, чтобы как можно скорее покончить с остатками буржуазной идеологии космополитизма?

Для этого надо, прежде всего, глубже изучать произведения классиков марксизма-ленинизма, глубже овладевать марксистско-ленинской теорией. Применительно к нашей специальности можно сказать о трудах классиков марксизма-ленинизма следующее: мы еще не знаем, не представляем, какой неисчерпаемой сокровищницей мыслей являются для нас труды Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина! Много ли найдется среди

нас тех, кто серьезно, глубоко изучил, продумал все, что у классиков марксизма-ленинизма написано по истории нашей родины, истории Средней Азии, истории стран Востока, по истории литературы отдельных народов, по истории искусства, истории общественной мысли? В трудах классиков бездна мыслей по всем этим вопросам. Все это надо изучить, продумать, осмыслить под углом зрения нашей современности и попытаться практически использовать, развить применительно к нашей специальности.

В трудах классиков марксизма-ленинизма неистощимый родник мыслей по вопросам востоковедения. Основываясь на этих трудах, советские ученые достигли больших успехов в изучении истории Средней Азии и, в частности, Узбекистана. Это, помимо прочего, показало и наше собрание. Успехи несомненны, особенно по части накопления фактов. Да и не только по накоплению фактов, но и по их исследованию. За рубежом в этом с нами никто не может сравняться. В самом деле. Что могут зарубежные фальсификаторы истории противопоставить достижениям советской исторической науки по Востоку? Достижениям экспедиций С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского, М. Е. Массона? Созданию сводных трудов по истории отдельных народов Средней Азии?

Да, сделано много. Но все еще отстает работа по созданию оригинальных исследований, отстает положительная разработка вопросов истории Средней Азии. Надо до конца разоблачить враждебные теории, но, вместе с тем, заняться разработкой тех проблем, которые были здесь подняты. Положительная разработка у нас страдает. Это сказалось в ряде выступлений на нашем заседании. Большинство товарищей разоблачало, но мало предлагало своих мыслей, идей.

Перед нами стоят очень крупные задачи — задачи комплексного, всестороннего изучения истории народов Средней Азии, в том числе узбекского народа, истории культуры, философии, общественной мысли, литературы, искусства и т. д.

Мы обязаны, опираясь на оценки Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина относительно прошлого среднеазиатских народов, создать, прежде всего, сводные труды по гражданской истории народов Средней Азии и, в частности, Узбекистана. Такие труды сейчас пишутся, но в них много ошибочного, а речь идет о необходимости создания доподлинно научных трудов. Мы обязаны дать историографию Средней Азии, в том числе Узбекистана. Перед нами стоит задача создания учебников и учебных пособий по истории Средней Азии и, в частности, Узбекистана, для вузов и средней школы. У нас

все еще нет даже сколько-нибудь удовлетворительной программы по истории Средней Азии, по истории Узбекистана. У нас нет сводных работ по истории народного хозяйства Средней Азии, в том числе Узбекистана, нет марксистских трудов сводного характера по истории хлопководства, истории ирригации. Настала пора приступить к сводным работам по истории культуры среднеазиатских народов — материальной и духовной. В порядок дня встало создание монографии по истории философской, общественной мысли народов Средней Азии, по истории литературы.

Важнейшей задачей является разработка истории народов Средней Азии, в том числе узбекского народа, в советский период, тут мы особенно сильно отстаем. У нас все еще нет общего очерка истории Узбекистана в советский период, нет серьезных трудов по истории Октябрьской революции, гражданской войны, начиная с восстановительного периода вообще ничего нет. Есть ряд диссертаций, но они пока в рукописях, и многие из них имеют серьезные недостатки. Не тронут серьезным монографическим исследованием период Великой Отечественной войны. Необходимо решительно повернуть внимание историков к вопросам разработки истории и истории культуры советского общества — это одна из центральных проблем работников общественных наук.

Таковы наши первоочередные задачи. Как видите, задачи сложные, довольно трудные.

Как их выполнить? Или, иначе говоря, как организовать нашу работу, чтобы резко двинуть вперед развитие исторической науки, науки литературоведения в Средней Азии и, в частности, в Узбекистане? К сожалению, об этом очень мало говорилось на нашем заседании. Кажется, только проф. И. И. Умняков затронул некоторые вопросы организации работы историков. Тут много можно выдвинуть предложений. Укажу на некоторые.

I. Необходимо координировать усилия ученых всех республик Средней Азии над разрешением первоочередных задач исторического и литературоведческого фронта, в первую очередь объединить работу историков нашей республики. Надо объединить нашу деятельность, обеспечить тесное сотрудничество, взаимопомощь, взаимные консультации и пр.

Это нужно хотя бы для того, чтобы для начала договориться по некоторым общеметодологическим вопросам (периодизации, этногенеза отдельных народов и т. д.). Надо время от времени устраивать общие, среднеазиатские научные сессии, на которых обсуждать вопросы, касающиеся деятель-

ности научных учреждений всех республик Средней Азии. Проф. И. И. Умняков предложил здесь созвать ряд заседаний Отделения по вопросам периодизации, этногенеза и т. д. Далее, надо проводить обмен научной информацией, обмен планами работ, книжными новинками и т. д.

2. Надо наладить более тесную связь с учеными Москвы и Ленинграда. Известно, что в ряде научных учреждений этих городов изучаются история и история культуры народов Средней Азии. Ученые центральных научных учреждений ведут большую экспедиционную работу на территории Средней Азии, но она проводится в отрыве от местных научных учреждений. В лучшем случае мы имеем на месте информацию об этой работе. Надо подумать, как установить нам впредь более тесную связь с учеными центра? Формы связи? Постоянные личные общения? и т. д.

3. Следует создать в Ташкенте один из центров советского востоковедения в нашей стране. Мотивы? 1) Положение Ташкента как политического и культурного центра Средней Азии; 2) Подросшие на месте востоковедческие кадры; 3) Богатство рукописных фондов, роль Института по изучению восточных рукописей Академии Наук УзССР как базы для исследования.

С чего начать создание одного из центров советского востоковедения в Ташкенте? Можно начать с преобразования Института по изучению восточных рукописей в Институт востоковедения. Надо объединить в этом институте лучшие кадры востоковедов республики, сгруппировать там все материалы по современному зарубежному Востоку и т. д.

4. Необходимо усилить пропаганду вопросов истории и истории культуры. В Ташкенте почти не издаются научно-популярные очерки, брошюры о прошлом народов Средней Азии. Рядовой читатель не имеет книг о прошлом своей республики. Из очень мизерной части написанного и изданного для массового читателя по истории Узбекистана все так устарело, что мы не можем рекомендовать сейчас эти книги. Надо заново и в большом количестве названий создавать брошюры по истории и истории культуры среднеазиатских народов, в том числе узбекского народа.

Следовало бы создать серию научно-популярных брошюр, разоблачающих пантюркизм, панисламизм и паниранизм. Мы должны перейти в решительное наступление против продажной прессы зарубежного Востока, что подчеркивали здесь отдельные товарищи. Необходимо неослабно, со всей решительностью обличать и тот невыносимый национально-коло-

ниальный гнет, который усиливает сейчас англо-американский империализм в сопредельных с нами странах, пропагандировать на исторических примерах идеи дружбы народов. Ни одна наглая диверсия на фронте истории, литературы, ни одно выступление наших врагов по этим вопросам не должны оставаться без ответа с нашей стороны.

Ученые Ташкента и других городов Средней Азии должны переходить в наступление против космополитов, фальсификаторов истории, подвизающихся в странах зарубежного Востока. Для этого у нас есть все необходимое, нужны только воля, желание и, конечно, известная организация этой работы.

5. Надо зорко следить за происками наших врагов на фронте идеологии, учитывая каждый их шаг, направленный против нас. Для этого, кроме всего прочего, следовало бы принять меры к тому, чтобы в Ташкенте концентрировалась зарубежная литература по истории и истории культуры народов Средней Азии и, в частности, Узбекистана, по истории стран зарубежного Востока. Мы должны быть в курсе всех книжных новинок, журналов, газет, в которых в той или иной связи наши враги затрагивают вопросы, касающиеся республик Средней Азии. Иначе мы будем сидеть с закрытыми глазами, а враги будут действовать. Будущий Институт востоковедения Академии Наук УзССР должен стать центром сосредоточения всей зарубежной востоковедческой литературы, которая будет в нем разрабатываться и по которой должно итти разоблачение наших врагов.

6. Надо как-то активизировать деятельность исторических факультетов вузов Узбекистана в отношении изучения истории и истории культуры народов Средней Азии. Особенно в этом должна быть поднята роль востфака САГУ. Мало инициативы проявляют отдельные историки, работающие в вузах, в отношении организации научных сессий по наиболее острым, актуальным вопросам истории и истории культуры среднеазиатских народов. Мало устраивается исторических и литературных чтений по этому разделу науки. На кафедрах вузов не обсуждаются книги по истории Средней Азии. Тут полная пассивность, равнодушие, безразличие. Этим пользуются наши враги.

7. Многие другие выводы напрашиваются из материалов, которые дало наше заседание, в частности возникает вопрос об издании источников истории Средней Азии. В связи с этим встает вопрос о создании археографической комиссии при Президиуме Академии Наук УзССР, которая должна

заняться разработкой источников, подготовкой их к публикациям.

Возникают и многие другие вопросы. Но одно ясно: мы должны решительно активизировать нашу деятельность, превратить историю в мощное оружие нашей партии, переходить в решительное наступление на том участке идеологического фронта, который ближе и доступнее нам, работающим в области истории.

В заключение позвольте мне от лица президиума настоящего собрания сердечно поблагодарить докладчиков за их содержательные доклады, а также поблагодарить выступавших здесь товарищей за ценные замечания, которые будут нами учтены.

Позвольте принести искреннюю благодарность товарищам, прибывшим из Москвы, Казахстана, Туркмении, Киргизии, из городов Узбекистана для участия в нашем заседании.

На этом разрешите расширенное заседание Отделения считать закрытым.

Высказывание по докладу тов. В. Ю. Захидова проф. Е. П. Коровина

Движение, захватывающее сознание народных масс нашей страны и сформулированное как борьба с проявлением буржуазного космополитизма, находится в органической связи с событиями, которые недавно произошли на фронте биологической науки и завершились развенчанием идейного содержания буржуазной биологии и разоружением ее приверженцев.

Из доклада акад. Т. Д. Лысенко и из более поздних высказываний передовых ученых еще в то время было ясно, что, отстаивая передовые идеи мичуринской биологии, мы не только очищаем науку и практику от ошибочных взглядов и методов, но и разбиваем фундамент буржуазной идеологии, который пытались слепить в оправдание своей политики представители капиталистических стран.

Как теперь хорошо известно, американские политики, точно следуя за своими немецкими учителями — Геббельсом и Розенбергом, привлекли, для обоснования своих замыслов, когда-либо и где-либо высказывавшиеся «научные» теорийки. Большую опору они нашли со стороны морганизма, проповедующего постоянство наследственных качеств и их независимость. Это направление им оказалось особенно необходимым, чтобы оправдать идею неравенства народов, расовую дискриминацию и агрессию.

Надежным мостом из генетики в социологию явилась псевдонаука евгеника, достигшая там расцвета. Евгеники вовлекли в круг морганизма человека и на него распространяли положения формальной генетики. С точки зрения этой псевдонауки, все решают биологические законы, выражающиеся в неизменности наследственных зачатков. Последние не одинаковы — говорит она — и определяют потенцию народа. Чернокожие по природе наделены всеми пороками.

Морганизм явился надежным началом для идеалистического порабощения сознания. Вот почему он вызвал отпор со стороны советского народа. Вслед за германским фашизмом в США в последние годы возрождаются «теории», сданные в свое время в научный архив. Воскрешены идеи Мальтуса, претендовавшего распространить закон всеобщей борьбы за существование на человеческое общество. Он писал и о природе, но основывал этот закон главным образом на общественных отношениях. Мальтус исходил из признания быстрого размножения людей и ограниченности запасов пищи, а отсюда — необходимости перенаселения и неизбежности войны. На почве этого псевдозакона еще немцы создали на той же основе так называемую науку геополитику, которая говорила о жизненном пространстве для Германии, как о необходимом условии ее развития, отсюда и о завоевании новых земель.

Чтобы обосновать свои захватнические тенденции, американцы прибегают к пресловутому закону о прогрессивном падении плодородия земли. Этот закон получил должную критику и развенчан трудами акад. В. Р. Вильямса и в наше время социалистическим земледелием. Он верен для капиталистической формы земледелия, покоящейся на погоне за прибылью, без учета перспектив развития народного хозяйства. Еще Маркс писал, имея в виду США, что «всякий прогресс в капиталистическом земледелии есть прогресс не только в искусстве подвергать рабочих ограблению, но вместе с тем и в искусстве ограбления почвы».

Конечно, ни один представитель буржуазной политики не согласится с тем, что их закон убывающего плодородия земель действителен лишь в условиях хищнического отношения к почве, лесу, иначе пришлось бы сделать вывод о несостоятельности капиталистической системы.

Недавно в США вышла книга Фогта «Путь к спасению». Это отвратительный образец обобщения этих так называемых биологических законов. Фогт приходит к выводу о необходимости продуманного, регулированного роста населения

путем стерилизации, поддерживания смертности, подбирая жертвы из определенных генетически неспособных к прогрессу групп и народов. Последними оказываются в конце концов все, кроме американцев. Чтобы избежать перенаселения, пишет он, Америка вынуждена насильственно выбирать ресурсы из других стран.

Фогт — не единица, таких фогтов много в различных областях американской жизни и официальной науки, и социологии, и экономики, и политики, и естествознания. С большим усердием свои реакционные идеи в евгенике развивает предатель передовой науки Меллер, глава американского общества по генетике человека.

Английские ученые не отстают от американских и, наоборот, с усердием разрабатывают теоретические обоснования социально-экономического строя империализма. Биолог Гексли продолжает с азартом развивать идеи своего предшественника Пирсона об искусственном отборе неполноценных рас и улучшении генетической природы, получившейся от смешения. Англичане, как мы знаем, тянутся за американским капиталом и всячески стараются приобщить себя к высшей американской расе. Как были бы счастливы их богатые американские дядюшки, если бы они могли доказать свое первородство по отношению к англичанам.

Корни панирапизма, пантюркизма и пр. лежат в тех же истоках, в каких находят себе пищу в буржуазных странах идеалистические помыслы морганизма, евгеники. Капитализм сладил кажущийся прочным идеологический фронт, вовлек в него все реакционное в естествознании и гуманитарных науках. Фронт этот, однако, сшит гнилыми нитками. Он быстрее рассыплется, чем его создавали поколения немецкого и англо-американского фашизма. Этого не видят лишь одурманенные звоном долларов.

Е. Коровин.

Председательствующему

В виду ограниченности времени мы не имеем возможности выступить, поэтому просим Вас довести до сведения участников заседания следующее:

В нашей статье, опубликованной в газете «Кзыл Узбекистан» и журнале «Звезда Востока», указано на ряд недостатков «Хрестоматии по литературе народов СССР», составленной проф. Л. И. Климовичем, например:

1. Умолчание о древней культуре узбекского народа.
2. Неправильный подбор образцов литературных произведений, в частности мы возмущались помещением в хрестоматии ложного «Сказания о Ленине», искажающего образ великого вождя.
3. При определении принадлежности писателей к тому или иному народу автор придерживался лишь языкового принципа.
4. В хрестоматии не отражены качественные отличия советской литературы.
5. Не показана классовая борьба в литературе, в трактовке литературных фактов, автор находится в плену у буржуазной «теории единого потока».
6. Неполнота характерных материалов узбекской литературы.
7. Низкопоклонство автора перед культурой зарубежного Востока и т. д.

Наличие этих недостатков в хрестоматии, на наш взгляд, несомненно.

Считаем нужным сообщить и о том, что проф. Л. Климович в своем ответе, присланном в редакцию газеты «Кзыл Узбекистан», всячески старался доказать неправильность и даже несправедливость наших обвинений по его адресу и дошел до того, что результаты Хорезмской археологической экспедиции объявил не научными. В этом проявилось нежелание проф. Л. Климовича принять наше критическое замечание о том, что он в хрестоматии умолчал о древнейшей культуре узбекского народа, проявилось его стремление доказать, что он не ошибся, включив в хрестоматию ложное «Сказание о Ленине», трактующее великого вождя народов всего мира лишь как наместника аллаха.

Нас крайне удивляет сегодняшнее высказывание проф. Л. Климовича о том, что нашу статью нельзя назвать серьезной, что она, как он выразился, «с позволения сказать, критика».

Заявляем, что и до сих пор не отказываемся от основных положений, высказанных в нашей статье, если не считать двух-трех неточных формулировок.

Касымов С., Убайдуллаев Х., Азимов С.

Председательствующему

В газете «Правда Востока» от 30 апреля 1949 г. помещена статья «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории

и истории культуры народов Узбекистана». В ней обо мне сказано следующее:

«Тов. Набиев критикует... и работу тов. Джалялова «Секстант как главный инструмент обсерватории Улугбека», опубликованную в Астрономическом журнале в 1947 г., в которой восхваляются отдельные деятели культуры, выходцы из Персии, и отрицается роль крупных узбекских ученых».

В моей статье приводятся имена только пяти ученых: Улугбек (узбек), Абу Махмуд Ходжанди (узбек), Абд-ар-Раззак Самарканди (узбек), Гияс-ад-дин Джемшид (узбек) и Абд-ал-Али бен Мухаммед, работа которого послужила для меня основанием к установлению существования секстанта в обсерватории Улугбека. Его высказывания подтвердились в результате раскопок обсерватории Улугбека.

Следуя некоторым авторам, жившим после Улугбека, я в своей статье, написанной в 1946 г., к имени Джемшида ошибочно добавил **Каши.** На самом деле надо было добавить **Чусти** (город в Наманганской области), о чем я сказал в своем выступлении на расширенном заседании Отделения гуманитарных наук АН УзССР. Это значит, что я не отрицал роли крупных узбекских ученых, а показал положительность ее.

Если учесть статью узбекского астронома Гияс-ад-дина Джемшида «Об инструментах обсерватории», написанную в 1416 году и адресованную мирзе Искандеру — двоюродному брату Улугбека, и книгу Джемшида «Хакановы таблицы» — усовершенствованные «Ильхановы таблицы», посвященную Шахруру — отцу Улугбека в 1414 г., и, кроме этих другие документы, то следует, что впервые Джемшид поставил перед Улугбеком вопрос о необходимости создания большой обсерватории.

В первой стадии работы Обсерватории у Улугбека была масса государственных дел, не дававших ему возможности постоянно бывать в ней. Поэтому в Обсерватории необходимо было иметь лицо, постоянно контролирующее работы наблюдателей Солнца (днем) и небесных светил в различные часы ночи и постоянно проверяющее обработку наблюдений. Конечно, общим руководителем Обсерватории в те времена являлся сам Улугбек, имевший представление о работе каждого ее сотрудника, но он не в состоянии был сам наблюдать за светилами и постоянно руководить и контролировать деятельность Обсерватории.

После смерти Джемшида Чусти Улугбек чаще начал бывать в Обсерватории и работать над трудом «Зидж Джадид

Урагони». Этот труд является плодом 30-летней кропотливой наблюдательской и мыслительной работы многих астрономов Обсерватории Улугбека.

Я в последней части своего выступления указал:

1. На роль Улугбека по изучению планетных движений. Такое изучение было главной задачей Улугбека. Об этом не знал английский автор Артур Берри. Он говорил так: «Около двух столетий спустя Улугбек (родился в 1394 г.), внук дикого татарского завоевателя Тамерлана, сильно заинтересовавшись астрономией, сосрудил в 1420 году Обсерваторию в Самарканде, где и работал со своими помощниками. Он обнародовал новые планетные таблицы, но **главным трудом его является звездный каталог,** обнимающий почти те же звезды, что и птолемеевский, но только по новым наблюдениям. ...Но инструменты, которыми пользовался Улугбек, надо думать, были очень хорошими» (см. Краткая история астрономии, изд. II, под ред. и с дополн. проф. Р. В. Куницкого, М.—Л., Госиздат, 1946).

На самом деле, главным трудом Улугбека являлись **планетные таблицы, а не звездный каталог.** Этого **не знал и проф Т. Н. Кары-Ниязов.** Это видно, хотя бы, из его выступления на расширенном заседании Отделения гуманитарных наук АН УзССР.

2. О существовании такой задачи абсолютно не знал научный работник Мамедбейли (Азербайджан). Он явно умалял значение Улугбека, не имея представления о самой работе.

3. Я в своем выступлении привел содержание нижеследующих двух высказываний проф. Т. Н. Кары-Ниязова.

I

«Постепенно, в результате систематических астрономических занятий и наблюдений, при медресе Улугбека образуется простейшая астрономическая площадка, которая явилась необходимой ступенью, предшествовавшей сооружению Обсерватории Улугбека.

В результате продолжительной и успешной работы астрономической школы Улугбека, на определенной стадии ее развития, у Улугбека зарождается смелая мысль: произвести **генеральную ревизию** всего, что было до него достигнуто в области астрономических наблюдений».

«Вообще говоря, — пишет проф. Т. Н. Кары-Ниязов, — великим трудом Улугбека заканчивается период так называемой мусульманской астрономии на Востоке.

Но после длительного застоя науки здесь, на Востоке, наблюдались определенные вспышки ее. Два манускрипта — индийские рукописи XVII и XVIII вв. — подтверждают это положение в рассматриваемой нами области — в астрономии» (Сборник «Научная сессия АН УзССР 9 — 14 июня 1947 г.», изд. АН УзССР, 1947, стр. 127, проф. Т. Н. Кары-Ниязов, «Обсерватория Улугбека в свете новых данных», стр. 128 и 135).

Оказывается:

1. Проф. Т. Н. Кары-Ниязов не знал, что мысль о постройке Обсерватории возникла раньше, чем **началась постройка медресе Улугбека.**

2. Проф. Т. Н. Кары-Ниязов не знал, что **генеральная ревизия была до создания Обсерватории в Самарканде.** Такая ревизия была начата еще с конца XIV в., когда не было Улугбека.

3. Проф. Т. Н. Кары-Ниязов не знал, что сами многолетние астрономические наблюдения, т. е. **многолетняя практика явилась генеральной ревизией,** которая показала расхождение табличных мест планет с наблюдаемыми местами их. В целях уничтожения этих явных расхождений Улугбек поставил перед собой задачу построить обсерваторию, чтобы получить новые элементы орбит движения планет и, основываясь на этих элементах, составить астрономические таблицы, которые нужны астрономам-наблюдателям и другим людям в их практической жизни.

4. Проф. Т. Н. Кары-Ниязов не знал, что перед созданием обсерватории Улугбек поставил перед собой две цели: во-первых, **завершить астрономический труд в течение 30-летнего периода и, во-вторых, построить обсерваторию так прочно, чтобы она существовала вечно.** Этим Улугбек хотел дать возможность будущим поколениям астрономов-исследователей, не прибегая к созданию новой обсерватории, от времени до времени вести наблюдения для выяснения тех или иных расхождений некоторых астрономических величин.

5. Проф. Т. Н. Кары-Ниязов не знал, что деятельность Обсерватории Самарканда должна была прекратиться с завершением астрономического труда Улугбека лишь временно, на несколько десятков лет.

6. Проф. Т. Н. Кары-Ниязов не знал, что после смерти Улугбека школа его Обсерватории существовала. Об этом говорит разнообразная астрономическая литература. То, что эти труды изучались многими, видно хотя бы из различных заметок на полях страниц астрономических рукописей и из различных серьезных вычислений, сделанных на отдельных листах, вложенных между листами рукописей, хранящихся в Институте восточных рукописей АН УзССР.

Когда читается второе высказывание проф. Кары-Ниязова, то у всякого читателя сначала возникает мысль, что проф. Кары-Ниязов повышает роль Обсерватории и Улугбека, но на самом деле он умаляет их роль.

Я, имея в виду вышеприведенное, в своем выступлении критиковал оба высказывания проф. Т. Н. Кары-Ниязова и назвал их необоснованными с точки зрения развития астрономии.

Кроме этих высказываний, в статье проф. Т. Н. Кары-Ниязова содержится ряд принципиальных ошибок с точки зрения специалиста-астронома, и он даже сделал в ней попытку присвоить две работы Ташкентской астрономической Обсерватории, о чем я сообщил ее Ученому Совету 24 марта 1949 года. Он, не будучи основательно ознакомлен с литературой об истории Обсерватории в Самарканде и не давая себе отчета в этом вопросе, выступая здесь, называл мое выступление против его высказываний — порочным!

Это его выступление было отражено в газете «Правда Востока» в упомянутой выше статье, с чем я не согласен.

Гияс Джалялов

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово действительного члена АН УзССР **М. Айбека** 5

Доклад доктора философских наук **В Ю. Захидова** „Борьба за марксистско ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана" 9

Доклад кандидата исторических наук **Р. Н. Набиева** „Против пантюркизма, панираиизма и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии" 42

Справка В. Ю. Захид ва 65

Выступление Л. В. Ошанина 67

Выступление А. А. Семенова 79

Выступление М. А. Салье 89

Выступление Г. Джалялова . . . . . 9 ;

Выступление Т. Салимова 97

Выступление Х. Х. Хамидова 105

Выступление В. А. Шишкина 110

Выступление Ю. З. Ширвани 116

Выступление И. И. Умнякова 123

Выступление А. Станишевского 131

Выступление Т. Н. Кары-Ниязова 142

Выступление Алтмышбаева 148

Выступление Л. И. Климовича 149

Речь М. Г. Вахабова 168

Заключительное слово В. Ю. Захидова 185

Заключительное слово Р. Н. Набиева 188

Справка Л. И. Климовича 193

Речь И. К. Додонова 209

Высказывание по докладу тов. В. Ю. Захидова проф. Е. П. Коровина 212

Председательствующему 213

Ответственная редакция:
М. Т. Айбек и И. К. Додонов

Техн редактор А. Т. Шепельков

Подписано к печати 22/II-51 г. Бумага 60×92¹/₁₆—6,75 бум. л.—13,5 п. л. Изд. л. 13,5. Тираж 1000. Цена 13 р.

Р 00892. г. Ташкент. Тип. „Фрунзевец". Заказ № 2687